

Иван Ефремов

ТАМРАЛИПТА
И
ТИЛЛОТТАМА

ॐ मणिपद्मे ह्रीं
ཨོཾ་མ་ཎི་པ་དྲེ་མེ་ཧྲིཾ་

Содержание

ТРОН ЖРЕЦА	3
ТВЕРДЫНЯ ТИБЕТА	15
ТРОПИНКИ ТЬМЫ	33
ТАНТРА	53

ТРОН ЖРЕЦА

Далекий гром горного обвала всплыл из ущелья. На тяжелый удар скатившихся глыб молитвенные барабаны отозвались коротким гулом.

На вымощенной грубым камнем террасе монастыря было пусто и холодно. Грязь после стаявшего снега еще не успела высохнуть. Черные хвосты яков на высоких шестах мотались под резким ветром. Монастырь Няялам-Дзонг прилепился к вершине горы, как гнездо исполинской птицы. Но эта гора, поднявшаяся надменно и недосыгаемо над мокрой и сумрачной глубиной долины, была лишь ничтожным холмом, затерявшимся между подлинными владыками гор.

Посреди террасы с востока, видимое лишь как ряд закрывающих небо каменных уступов, возвышалось подножие Гауризанкара. Ледниковое ожерелье и снежная корона этого царя Гималаев отсюда даже не были видны — слишком низок был уровень горы, стоявшей вплотную к гиганту. Зато на западе, прямо перед монастырем, отделенный глубокой пропастью, в которой тонуло его необъятное основание, высился во всем своем великолепии Гозайнтан — «трон жреца».

В прозрачном воздухе высокогорья глаза различали каждую скалу чугунного цвета на обнаженном склоне. Этот исполинский склон откидывался назад в глубину чистейшего неба. Но еще выше, еще отдаленнее сияли снега притупленной вершины Гозайнтана. Отражая все лучи высокого солнца, они пронизывали воздух особенным искрящимся сиянием, сообщая свою светоносную силу всему окружающему. Слепительно белая заря стояла над горами, заставляя полчище исполинских вершин парить в бесконечных пространствах ясности и чистоты. Чем ярче сияла белая заря Гималаев, тем унылее казались серые каменные кручи подножий, темные ущелья и недоступнее, недосыгаемое светозарная высь снегов...

Худой человек, забившийся в нишу каменной балюстрады, опустил глаза, утомленные созерцанием снежного великолепия, плотнее закутался в войлочный халат.

Далеко внизу сквозь влажную мглу ущелья был виден выючный караван. Лошади крохотными букашками тянулись извилистой цепочкой, сопровождаемые такими же маленькими человечками. Животные едва заметно раскачивались под тяжестью больших выюков, оступались, иногда падали на сыпких откосах, где разрушающиеся сланцы ползли вниз широкими разливами каменных потоков. Караваны шли один навстречу другому в течение целого дня, и так день за днем. Судорожные

рывки лошадей на осыпях, беспокойное метание погонщиков — вся эта суэта и движение обычных человеческих забот отсюда казались такими мелкими и никчемными...

Перевал находился недалеко, отмеченный высокими каменными пирамидами, мани-валле, и реющими в высоте грифами. А дальше, уже на пределе человеческого зрения, зеленели скаты деодаровых роц, спускавшиеся вниз к жарким долинам Сиккима, напоенным влажностью, пропитанной цветением и разложением буйной тропической растительности.

Глаза сидящего на террасе несколько минут пытались проникнуть в глубь синего тумана теплой страны. Внезапно он отвернулся и снова поднял лицо вверх, прислушиваясь к пронзительным крикам хищных птиц, описывающих круги над долиной. Ноги затекли от неудобного положения. Морщась, он начал осторожно выпрямлять правую ногу — поврежденное колено еще болело. Мир сразу потерял свою необъятность, сузился. Перед глазами поплыли круги, и недавнее прошлое властно надвинулось на человека...

Привычный к зною своей родины — Центральной Индии — он жестоко мерз в ветреные гималайские ночи, задыхался в разреженном воздухе, но упорно пробирался все ближе к вечным снегам, чтобы постигнуть их возвышающую душу красоту. Возвышающую — да! Но в то же время отрешающую от мира. Сердце, казалось ему, наливалось какой-то холодной и сверкающей жидкостью, и само становилось прозрачным и твердым, как хрустальная чаша. Не было связи между жадной, внимательной и изменчивой молодой жизнью, чьи краски и красоту он любил так, как только может любить художник, и этим миром неизменного ясного света и холодной радости. Удаленное и чистое обиталище духов света было полно грозного покоя, огромно, просторно и высоко — но малоизменчиво. Приобщая к себе душу художника, мир вечных снегов делал ее частицей самого себя, отливая переживания в большие и ясные формы. Тайные движения души теряли свое значение, становились простыми переливами света и теней, красок и отблесков, отражениями, отброшенными, но не принятыми вглубь, подобно солнечным лучам на белых коронах гор. Нижний мир цветущих знойных долин и холмов был гораздо разнообразнее и... мельче.

Инстинктивно он чувствовал, что очарование Гималаев не по силам ему как художнику. Та завеса, что отделяет зримую жизнь от доступного душе художника, была совсем прозрачна. Но взгляд сквозь нее уводил в такие дали мира, которые были доступны лишь мудрецу — видваттапурна, — а не простому молодому художнику. Не понять, не вместить в застывшее сердце такого взлета тяжких масс Земли в небо, навстречу лучам Солнца днем и огням безмерно далеких звезд ночью!

А его мечты и радости всегда были в живой жизни, прекрасных в движении форм природы, в чудесной и властной красоте женщины.

Но в наследие от отца, ученого брахмана, талант художника совместился в нем с жадной знания: не только видеть красоту, но и понимать, почему она — красота и почему так остро, сильно и радостно это чувство красоты для миллионов людей в тысячах поколений, сменившихся с незапамятных времен.

Осмыслить неуловимое, научиться воссоздавать исчезающее и тогда — тогда открыть народу тайну Анупамсундарты, Красоты Несравненной в образе прекрасной женщины, сочетание идеала Шри и Рати, любви и страсти, с Лакшми и Нанди, очарования и прелести. Милый образ, бесконечно милый всем, для всех близких и понятный. Он поможет в исканиях, пробудит ростки высоких стремлений, спящие в душах, приведет в храмы искусство, воплощающее лучшие мечты людей...

Ничего не вышло из гордых мечтаний. Раненый любовью, утомленный бесплодными усилиями, разуверившийся в себе, он направился путем, которым шли все праведные или мятежные искатели Индии — к высотам Гималаев. Странная судьба — кто-то преследовал его, должно быть, по ошибке,— кому мешал он, безобидный искатель прекрасного? Узкая тропинка у самой вершины перевала, удивительная ясная тишина редкого безветренного вечера. Внезапно — хлещущие выстрелы, обжигающий свист близких пуль, неясные угрожающие выкрики... Он отшатнулся, из-под ноги вырвался камень. В глазах потемнело, и со слабым удивленным возгласом он покатился вниз с огромного сланцевого откоса, ударился о камень, потерял сознание. Безжизненное тело перевернулось и продолжило медленное сползание вниз по струе мелких каменных обломков.

Он не видел и не слышал, как над ним наклонились трое горцев Непала в темных тюрбанах, перевернули, и какое злобное разочарование отразилось на суровых лицах. Он очнулся в сумерках, весь в жестоких ушибах, но целый. Долго собирался с силами, полз, отлеживался, невольно стонал, попадая в темноте в промоины или сваливаясь с камней. Так, мучительно и медленно, он добрался до тропинки, откуда был сброшен неведомыми злодеями. Здесь силы окончательно оставили его. Жалким комком холода и боли он пролежал в забвении до утра, когда его, совсем закоченевшего, подобрала путники и кое-как донесли до монастыря. Тут он живет второй месяц и почти восстановил здоровье благодаря гуру. Гуру Дхритараштра — большое счастье, что этот знаменитый мудрец оказался гостем монастыря...

Часы шли за часами — неспешное время Азии, давно уверившейся в тщете всяких попыток человека сделать больше того, что положено ему свыше, записано в книге судеб мусульманина или обусловлено кармой от прошлой жизни для индуса...

На террасе прозвучали быстрые легкие шаги. Появился невысокий человек с короткой седой бородой в плаще, небрежно наброшенном

на голову вместо тюрбана или шапки. В некотором отдалении, позади, спешили шесть лам в желтых теплых халатах.

Сидевший у выступа стены человек встал и приблизился, склонив голову. Пришедший приветливо повернулся к молодому художнику, и его взгляд, внешне строгий и пристальный, налился ласковым теплом на доньшке глаз.

— Рам-рам, Тамралипта, я рад тебя видеть,— сказал он на хинди и продолжил на деревянно стучащем тибетском языке,— сегодня приношение коней счастья, Ваджимедха, прекрасный, обычай почитателей Будды. Если наши высокоуважаемые хозяева позволят, то я тоже хотел бы участвовать в этом приятном празднике!

Старейший из монахов поспешно забормотал вежливые приглашения. Тамралипта испросил позволения сопровождать мудреца-гуру.

Вскоре небольшая процессия направилась по тропинке к отдаленному выступу горы, нависшему над долиной.

Наклонные, как бы отваливающиеся кручи скал здесь были темного, почти черного цвета. Широкие косые трещины бороздили каменные глыбы, грозно подтверждая готовность отрыва. Но выступ оставался неизблемым уже много лет. Ветер, катившийся со склонов Гозайнтана, дул здесь равномерно и сильно, уносясь к перевалу вниз, в синюю даль теплой стороны. Ламы предложили гуру первому совершить обряд, но индус отказался. Тогда вперед выступил сам настоятель монастыря — темнокожий высокий человек с энергичным и мрачным лицом, на котором горели большие и темные глаза. Настоятель бесстрашно дошел до самого края пропасти. Ветер рвал его желтое одеяние, подпоясанное простой веревкой — по обычаю этого монастыря, во всем соблюдавшем древние каноны Ашоки¹.

Острая верхушка капюшона на темени монаха крестообразным движением поклонилась всем странам света.

Настоятель негромко прочитал положенные молитвы, затем простер вперед соединенные в пальцах руки.

— О, вы, могучие и несравненные духи Будд и бодисатв²! Вы, взирающие благосклонными очами на трудные пути Земли! Будьте милостивы к путникам, всем идущим, едущим, всем ищущим, всем тоскующим о светлых переменах жизни...

Пусть эти кони, подхваченные ветрами священных гор, улетают далеко на холмы и равнины! Вашей силой, о, Будды и бодисатвы, о, священные боги высшего круга, пусть они станут живыми конями счастья для всех неведомых странников!..

¹ Ашока — правитель древне-индийской Магадхской империи в 268—232 до н. э. Покровительствовал буддизму.

² Бодисатва (бодхисатва) — буквально «существо, стремящееся к просветлению», в буддийской мифологии человек, который принял решение стать буддой.

Настоятель взмахнул широким рукавом — горсть вырезанных из плотной бумаги фигурок лошадей была подхвачена могучим ветром, фигурки взлетели вверх и унеслись вдаль, на юг, быстро исчезнув из глаз. Один за другим все монахи бросали со скалы белые фигурки, выпустил четыре коня и гуру. Тамралипта стоял в стороне и с внезапной грустью смотрел на полет белоснежных игрушечных коньков, чистых вестников добрых пожеланий. Вдруг гуру протянул ему последнего коня. Тамралипта послушно подошел к краю пропасти, протянул руку, но не разжал пальцев сразу. На крутом выступе слева над пропастью качался кустик ярких красных цветов, горевших среди черноты камня, точно пурпурные звезды. Сердце сжалось — красные цветы в черных волосах той, далекой, когда-то горели ярче, польхая огнем живой прелести. Тамралипта пристально посмотрел в синеву горизонта, вздохнул и, наконец, разжал пальцы.

— Тебе, Тиллоттама! — едва слышно шептал он, пока его одинокий конь уносился к Индии.

* * *

Полет багряных стрел заката от золотой стены на западе еще продолжался, и красные отблески колыхались и танцевали над синими туманами за полями. Колонны и стены красного песчаника в глубине двора храма Шивы загорелись недобрым огнем. Зеркало чистой воды бассейна подернулось позолотой. Вдали умолк скрип водяного колеса. Легкий ветерок подул с северных холмов, уже тонувших в сумерках, и наполнил застоявшуюся духоту густым, влажным и тревожным ароматом цветов.

Храмы Бхутесвара стояли на окраине городка, широкой дугой обращенной к холмам. Немного восточнее, почти сливаясь с крайним храмом Шивы, стояли два заброшенных храма незапамятной древности, почти не тронутые временем. Более семнадцати веков тому назад искусные художники Индии изваяли множество статуй, покрыли резными фигурами колонны, стены и карнизы.

Наполняя двор нестройным шумом, смехом и выкриками, из темноты сумрачного входа выбежали семеро научей, храмовых танцовщиц. Звеня браслетами и цепочками, сверкая подведенными глазами, девушки столпились у внешних ворот, поджидая подъезжавшую с привычным скрипом повозку. Самая юная из научей вдруг задумалась, играя широкой золотой серьгой, продетой в правую ноздрю.

— Едем с нами, — окликнула она неподвижно сидевшую на ступенях у колонны девушку, полностью погружившуюся в созерцание бликов солнца на воде бассейна, — едем, сегодня праздник у Кумарасвами, самого богатого купца в городе. Нужно много танцев и, наверное, много любви — значит, будет много рупий!..

И кокетливо изогнувшись, она сделала несколько движений танца весенней ночи. Сидевшая слабо улыбнулась и молча сделала грациозный отрицательный жест. Танцовщица постарше схватила девушку за руку и повлекла к подъезжающей повозке, шепча укоризненные слова.

— Я не знала, я хотела позвать ее с нами, она так красива! — оправдывалась девочка.

— Она не научи, она девадази, — сказала старшая, — и возлюбленная главного жреца Шивы, и потом... — она притронулась к синей точке между бровей девочки, означавшей ее принадлежность к третьей касте — вайшья.

— Разве у нее красный знак? — спросила первая, карабкаясь по высокому колесу и хватаясь за протянутые руки подруг.

— Вы о чем болтаете? — вмешалась высокая науча с большим ртом и крупными зубами — дхик!.. Сплетни о Тиллоттаме...

Повозка отъехала, и наступила тишина. Быстро упали сумерки, угас золотой пруд, а над рощей, за дорогой заблестел узенький серп новой луны. Колонны и выступы стен храма потемнели и как бы сдвинулись, тесня маленькую площадку двора. Девушка на ступенях еще ниже поникла головой, опустив плечи и зажав в коленях ладони. Казалось, не двор храма, а ее собственное сердце сдавили эти высокие колонны, обступили отовсюду, заслонили окружающий мир, отделив от остальных людей ее, девадази храма Шивы, обвенчанную с огромным черным лингамом, символом мужской силы. Целый ряд этих каменных столбиков торчит во внутреннем дворе, и благочестивые юные жены мажут их расширенные верхушки растопленным маслом, моля новой жизни у жестокого бога разрушения.

Танцы, мечта и женская служба страсти — ведь она, по существу, жена главного жреца, сурового Крамриша. С тех пор как она здесь, он не смотрит больше ни на какую другую девадази или научу. А давно ли манила и раскрывалась перед ней другая жизнь. Ее отец, искусный художник-ремесленник, изготавливавший замечательные фигурки людей и животных, не был беден и очень любил живую и умную дочь, названную именем одной из героинь Махабхараты. Он не отказывал ей в образовании, которое еще больше развило ее природную мечтательность. Тиллоттама жила в Свапнараджья, мире фантастических грез, до смерти отца. Она и сестра, обе очень юные, остались нищими после того, как жадные родственники приложили руку к имуществу отца и матери. Дальше все свершилось очень быстро — девушка не любила вспоминать об этом... Прежний знакомый отца, молодой скупщик художественных произведений... Тайные прогулки к берегу Джумны (это было недалеко от Бхутесвара) в Матхуре, ее родном городе, древнейшей столице Индии, в 50 милях от Дели... Долгие разговоры о жизни вдвоем по новым обычаям, о будущих странствиях по Великому торговому пути Индии... Ее фантастические грезы и юная доверчивость окружили молодого

человека ореолом чудесного — опытный обманщик, айшапараст, показался ей владельцем ключей от ворот широкого мира... В полном сил, юном теле Тиллоттамы кипела горячая кровь, точно в нее и в самом деле вселилась неистовая душа древней апсары¹. Из восьми видов брака ей сужден был брак гандхарва, свободный брак любящих. Ее избранник уверял, что через неделю будет совершен настоящий брак, как только он договорится с родными в Бхутесваре. Тиллоттама согласилась покинуть с любимым дом, опустевший после замужества сестры. Тайно приехав в Бхутесвар, они почему-то остановились не в гостинице, а в огромном храме Шивы. Главным жрец, крупный еще не старый человек с жестким лицом, был знакомым ее возлюбленного, и оба мужчины долго беседовали о чем-то в вечер приезда. А ночью, после горячих объятий в скрытом уголке храма, ее возлюбленный вышел напиться воды и... исчез. Вместо него к Тиллоттаме вошел жрец. Он прильнул лицом к коленям обнаженной девушки, как это всегда делал ее возлюбленный, и она пылко потянулась к нему. Внезапно Тиллоттама почувствовала обман, но было поздно. Опясанная сильными руками, точно железной цепью, придавленная тяжелым костистым телом, она не смогла противиться. Девушка не сразу поняла гнусное предательство своего возлюбленного, но, ошеломленная, покорно отдавалась бешеной страсти жреца. Наутро она проснулась в объятиях чужого человека, крепко державшего ее даже во сне. Его влажное тело прижималось к ее груди, колено глубоко вдвинулось между ногами, руки обнимали шею и талию. Опозоренной и обманутой девушке стало ясно все. Ее возлюбленный избавился от нее, продав жрецу, которому она понравилась. Негодяй даже сообщил жрецу секреты их объятий, чтобы тот мог легче овладеть ею. Все новые радости жизни были разрушены одним ударом, от прежних мечтаний ничего не осталось, кроме позора и беспросветной жизни, почти в плену, почти рабыней.

Так совершился ее второй брак по способу ракшасов². Третий вид брака — божественный — был заключен тут же, в храме, и она стала девадази. К счастью, Тиллоттама с детства любила танцевать. Мать, смеясь, говорила ей, что, если они обеднеют, ее отдадут в храм — научей. Ее слова оказались пророчеством. Танцы стали для нее единственной радостью, и она занималась этим древним искусством так упорно и так вдохновенно, что скоро достигла мастерства, какого не было и у профессиональных танцовщиц, обучавшихся с раннего детства.

Шел второй год ее жизни в качестве нати, храмовой артистки или девадази, и Тиллоттама как-то свыклась со своей участью. Ее безупречное тело развилось и оформилось в танцах и страсти... Прелестно было и ее лицо с тонкими чертами, маленьким прямым носиком и небольшим ртом, редко свойственным женщинам Центральной Индии. Но из мечта-

¹ В ведийской и индуистской мифологии полубожественные женские существа.

² В индуистской мифологии разряд злых демонов, особенно враждебных людям.

тельных глаз девушки никогда не уходила печаль. Сначала Тиллоттама стеснялась ставших очень широкими бедер и высоких крепких грудей, выдававшихся вперед, как широкие опрокинутые чаши. Девушка сама себе казалась неуклюжей, но скоро поняла, что ее цветущее тело по-прежнему легко изгибается в тонкой талии, по-прежнему легко ее несут стройные ноги, свободно и красиво двигаются точеные руки.

Образование ее прервалось, книги здесь отсутствовали. Тиллоттама углубилась в себя, предаваясь бесконечным размышлениям. Вся мечтательность, вся сила фантазии ее чистой и глубокой души обратились к природе, каждое звучание которой находило в ней ясный и сильный отклик. И не только душа — тело стало казаться ей бесконечно сложным инструментом, виной с тысячами струн. Струны звучали только в короткие миги наибольшего вдохновения в танце — все остальное время девушка жила в ожидании, что плохой сон ее жизни вот-вот окончится. Чаще и дольше звучала еще мощная струна страсти, ее повелитель-жрец и не жаждал ничего другого.

Но дни, недели, месяцы шли один за другим, а сон, от которого должна была пробудиться Тиллоттама, становился все крепче, все привычнее.

У молчаливой, серьезной и замкнувшейся в себе девадази не было подруг. Разница между простыми растительными стремлениями юных научей, счастливых своей сытой и веселой жизнью, и грезами Тиллоттамы была слишком велика. Сначала ее побаивались, как лучшую танцовщицу и бессменную канти, возлюбленную главного жреца, но, убедившись в полной безвредности девадази, по молчаливому согласию уважали ее раздумья и грезы... Только чуть насмешливое прозвище чаураджангхани¹ осталось как след прежнего отчуждения.

Четыре месяца назад в храмах Бхутесвара появился молодой муртикар², изучавший древнее искусство Индии.

Он бесстрашно взбирался на стены и крыши, проникал в потайные уголки храмов, всюду, куда только пускали его равнодушные жрецы. Больше всего времени он проводил в древних храмах по соседству с храмом Шивы.

Даже в знойные часы дня в одной лунге, набедренной повязке, он сидел, напевая и зарисовывая, или что-то измерял, прилепившись к каменным пыльным выступам разрушающихся стен, не боясь змей, обитавших в трещинах. Художник много и сосредоточенно работал, но серьезность труженика сочеталась в его глазах, лице и повадках с мальчишеской озорной веселостью. Таким непохожим он был на всех мужчин-жрецов, составлявших население храмов, так веяло от пришельца просторами открытого мира трудов и настоящей жизни, что Тиллоттаму невольно потянуло к нему. Девушка вдруг стала очень застенчивой

¹ Широкобедрая.

² Художник.

и недоверчивой — она любовалась молодым художником издали, прячась в темных нишах и тени колонн. Затаив дыхание, она следила за его работой, невольно восхищаясь уверенными и точными движениями рук, поворотами сильного тела. Девушка смотрела на выпуклую широкую грудь, вздымавшуюся сводом, когда муртикарю что-нибудь особенно нравилось и он глубоко вздыхал, на квадратные пластины грудных мышц, на клином сходящуюся вниз спину, на стройную и сильную шею. Особенно нравились Тиллоттаме ноги художника — с точеными щиколотками и узкими коленями, оттенявшими игру мускулов могучих икр, и выпуклые валы мышц на бедрах.

Лицо — в лицо она не смела посмотреть прямо, боясь встретиться взглядами... Но лицо должно было быть хорошим и добрым, судя по очертаниям щеки и виска, маленьким ушам, низкому и мягкому голосу...

В древнем храме Тиллоттаму особенно привлекала одна статуя, статуя такшанкрити. У колонны в Наравахана стояла фигура девушки-якши с манговой гроздьё в руке. Опираясь на левую ногу и изогнувшись в глубоком и изящном поклоне, она подавала глиняную чашу священной чете Майтхуна. На щиколотках древняя красавица носила по три нупура, свободных браслета в виде толстых колец, унизанных бусами. Такие же нупуры носила Тиллоттама — только для танца она одевала другие, с маленькими серебряными бубенчиками. Круглое лицо якшини было прелестно, тесно посаженные груди выпячивались крепкими шарами. Необыкновенно широкие бедра круто выгибались от тонкой изогнутой талии и быстро спадали к узким коленям. Стройные длинные ноги попирали какое-то скорченное существо мерзкого вида. Изваяние якшини лучилось таким живым обаянием, что Тиллоттама могла часами смотреть на нее. В фигуре девушки, стоявшей здесь семнадцать веков, девадази находила сходство с собой, а свободная гордая поза статуи отражала ее собственные тайные стремления... «Анади Чарута, вечная красота...» — шептала Тиллоттама перед статуей, как мантру-заклинание.

Художник — его звали Тамралипта — тоже проявил особое внимание к статуе. Он любовался ею, рисовал карандашом и красками и каждый раз, когда шел работать, останавливался перед ней. Здесь и случилась их встреча.

Тиллоттама проскользнула в древний храм еще в голубых предрасветных сумерках, чтобы полюбоваться статуей на восходе солнца, когда красноватый песчаник изваяния приобретал теплый розовый цвет. Линии тела подчеркивались синевой глубоких теней, и древняя якшини словно оживала перед одинокой девушкой.

Закутавшись в просторный плащ, девадази встала у входа, не подозревая, что художник, задержавшись с работой, не убоился духов древнего храма и заснул прямо на полу за колонной со статуей якшини. Услышав легкие шаги, он открыл глаза и увидел рядом неизвестную

девушку. Плащ лежал на полу. Обнаженная до пояса и вся золотая в свете зари, незнакомка в глубокой задумчивости смотрела на статую, иногда оборачиваясь к пылающему горизонту.

Вдруг Тиллоттама вздрогнула, все ее тело напряглось в готовности к бегству. Перед ней внезапно вырос улыбающийся художник. Его лицо было именно таким, каким она представляла его себе. Серьезные и одновременно озорные глаза смотрели на нее с таким радостным и откровенным восхищением, что девушка улыбнулась и успокоилась.

— Супрабхатам, мохини ситара!¹ — восторженно воскликнул художник.

Тамралипта назвал себя и, торопясь, заговорил о том, как она прекрасна. В ней он, видевший так много девушек, женщин, картин и статуй, много лет ищущий Парамрати, воплощение красоты женщин Индии, внезапно нашел совершенство, облик истинной красоты. Художник сразу подметил сходство Тиллоттамы с древней статуей. Любуясь изваянием, он и не подозревал, что встретит здесь живое ее воплощение, в тысячу раз более прекрасное. Тамралипта умолил девушку встать рядом со статуей и, схватив лист картона, принялся делать набросок. Взгляд художника, пристальный и острый, изучал ее всю, но девушка почему-то не чувствовала ни малейшего смущения. Более того, что-то отозвалось в ее душе и теле и восприняло восторг художника, вторя ему. В безотчетном желании, как в повороте танца, Тиллоттама выдернула заколку, удерживающую кусок ткани вокруг бедер — весь ее утренний наряд. Юбка упала к ногам, девушка ступила на левую ногу, невольно подражая позе статуи. Тамралипта побледнел. Понимая порыв девушки и чувствуя, что тот сейчас пройдет, он затаил дыхание, продолжая с отчаянной скоростью набрасывать на бумаге полные очарования линии. Не прошло и минуты, как девушка, словно очнувшись, схватила плащ и, опустив голову, кинулась по ступенькам к выходу, но художник догнал ее.

— О, не уходи, кто ты, где ты живешь?

Тиллоттама без слов кивнула головой в сторону храма Шивы.

— Ты науча или девадази? — не успокаивался художник и получил новый утвердительный кивок. Волнуясь, он в простых безыскусных словах сказал, как она понравилась ему, как он вдруг ощутил их близость. И странное дело — недоверчивая, гордая, оскорбленная жизнью душа девушки открылась ему навстречу, видя веря и чувствуя правду в его словах, а еще больше в лице и глазах, в порывистых жестах. Тамралипта добился обещания, что они увидятся вновь. Еще три раза они виделись на рассвете в древнем храме, делились мечтами и чаяниями, говорили о природе, искусстве, танцах и становились все ближе друг другу. Тамралипта полюбил ее, простую девадази — девушка чувствовала это, и в ней

¹ Доброе утро, красавица — звезда и судьба!

самой медленно распускались цветы посеянной художником любви. Тамралипта стал работать в храме Шивы и два раза видел ее танцы. Она украдкой следила за ним, когда он сидел у основания колонны, неподвижный, как каменный столб, и танцевала для него. Но с чем большим восхищением Тамралипта следил за ее танцами, тем печальнее становилось его лицо. В тот черный день последнего свидания она спросила его о причине печали.

— Твои танцы, апсара Тиллоттама,— тихо сказал Тамралипта.— Твое тело танцует и плачет о несбывшемся!

— Такова правда жизни, милый! — прошептала девушка, впервые так назвав художника.

— Расскажи мне о себе все, если можешь,— попросил он.

Девушка без утайки описала свою недолгую и уже полную горечи жизнь, умолчав лишь о трудных подробностях. По мере рассказа голова художника опускалась все ниже, словно глыба камня давила ему на затылок.

— Ты и сейчас возлюбленная Крамриша? — нервно спросил художник, и Тиллоттама поняла, что ему рассказали многое, если не все. Девушку охватило возмущение. Она вскочила, прижалась спиной к колонне, учащенно дыша и не сводя пристального взора с печального лица Тамралипты.

— Ты думаешь, я — зинакари¹? — с горечью прошептала девушка.— Я сказала тебе все... Теперь уходи.

Художник не испугался грозно сдвинутых бровей и заблестевших гневом и слезами глаз. Он опустился на колени, не сводя взгляда с девадази.

— Пойми, ай Ситара, в тебе я впервые увидел всю божественность красоты! Как парамхарья — высшая цель — ты встала на моем пути. Но в блеске твоего совершенства так ярко проступает каждое пятно, которое не может, не должно затемнять тебя...

Тиллоттама поняла. Вереница ночей, полных яростной страсти, в которых ослабевала, плавилась ее воля, притуплялись стремления, когда жадные и презрительные руки овладевали ее безупречным телом... Ее телом, которое так любил художник, перед которым он склонялся, как перед божеством... Тиллоттама только сейчас почувствовала себя опорощенной, ощутила, как трудно художнику найти воплощение своей мечты в такой женщине, как она! В порыве безысходного горя девушка распростерлась на плитах пола, всем сердцем моля, чтобы художник склонился над ней со словами утешения... «Лар-пьяр, Лар-пьяр»² — назойливо и ненужно звучали в ее ушах слова припева старой песенки. Но Тамралипта не склонился к ней. Узвленный в самое сердце ревностью, исполненный несправедливого мужского негодования,

¹ Развратница.

² «Любовь и нежность, ласка и любовь».

он выпрямился, скрестил руки на груди и уставился в темную глубину двора. Внезапный медный удар, донесшийся из храма, заставил их вздрогнуть. Крамриш звал Тиллоттаму. Она вскочила, в отчаянии посмотрела на Тамралипту, но художник молчал. И она побежала прочь, в темноту храма, как в глубину безысходной пропасти, не сознавая куда.

— Тиллоттама, Тама!..— услышала она позади возглас Тамралипты. Девушка остановилась, но тут перед ней вырос Крамриш. Жрец властно схватил ее за руку и повел в темноте к едва освещенному лампадой тупику за громадной статуей Шивы. Не спрашивая ни о чем, он овладел ею и долго не отпускал, словно угадывая смятение своей наложицы.

Освободившись, Тиллоттама бросилась на поиски художника, но его нигде не было. Не появился он и на следующий день, и через неделю, и вот уже прошло около трех месяцев... Осторожными расспросами девушка выяснила, что художник уехал неизвестно куда, очевидно, по спешному делу, так как бросил работу неоконченной. Так загорелась, засияла и угасла ее новая несбывшаяся мечта...

«Что же, он не смог полюбить меня такой, какая я есть...» — девушка очнулась и увидела, что двор храма погружен в темноту. Только огоньки звезд в бархатном черном небе дрожали и мерцали в струях воздуха, поднимавшегося от разогретой земли, будто сами звезды трепетали в тайно сдерживаемом нетерпении... Тиллоттама поднялась со ступенек и оперлась спиной о колонну. Колокольчики ее танцевального наряда нежно зазвенели. Нет, достаточно, она больше так жить не может...

Горячая тропическая ночь звучала и звала разными голосами за стенами храма. Струи пряных ароматов, дразнящие или опьяняющие, проплывали в едва ощутимых потоках воздуха, смешивались, переплетались, исчезали и возвращались. На деревьях, в трещинах стен шевелились, ползали и бегали ночные животные, в воздухе носились летучие мыши, реяли бабочки.

Где-то медленно звенели струны вины — его, Тамралипты, любимого инструмента... Девушка закрыла глаза, и милый облик художника встал перед ней в знойном мраке, царившем над навесом входа, как в ту черную безлунную ночь. Тиллоттама крепче зажмурилась, закинула руки за голову и выгнула спину, охваченная бессознательным желанием... Вниз по спине побежала знакомая дрожь, ноги налились томной тяжестью... Глаза затуманились, губы раскрылись красным лепестком...

Девушка не заметила, как сзади к ней вплотную подошел Крамриш. Умело и быстро он разомкнул цепочку нагрудных чашечек, распахнул бархатный чоли, и его горячие руки сжали поднявшиеся груди Тиллоттамы, перебирая и сдавливая соски между пальцами. Жрец притянул к себе девушку и, обдавая жарким дыханием ее плечи, зашептал знакомые слова:

— Ты — моя Ашвини, небесная кобылица... жена Солнца.

Тиллоттама сразу очнулась от грез. Крамриш увлек девушку к низкому ложу за статуей Шивы. Большой бубенчик на чеканном поясе

девадази глухо и жалобно звякнул, ударившись о циновку. Тиллоттама раскинула руки, из горла вырвался сдавленный стон, когда тяжелое тело жреца придавило ее. Точно сам Шива-Разрушитель вошел в тугой круг ее бедер, заставив девушку вертеть ими, извиваясь, выгибаться дугой, со стонами рваться прочь из железных объятий Крамриша. Колокольчики ее ножных браслетов долго звенели — резко и отрывисто или частым дрожащим звоном... Изнемогая от зноя в душном тупике храма, девушка долго лежала без сна на влажном ложе. Щеки ее горели от стыда. Ею снова овладели силы шрингара, опутали цепями страсти, сделали слабой и уступчивой. Почти с отвращением она подумала о своем наполненном древними силами чувственности теле, так властвовавшем над нею. Эти затвердевшие груди с торчащими темными сосками, распухшие от поцелуев отвратительного Крамриша губы... А в темноте перед ней снова и снова возникал образ Тамралипта, серьезного и чистого, с печалью в ясных глазах, зовущего куда-то в неизвестную светлую даль... Да! Бежать отсюда, бежать скорее!

ТВЕРДЫНЯ ТИБЕТА

Солнце заходило в Гималаях быстро — едва успело закончиться приношение коней счастья, как в ущельях стало темно. Снежные короны по-прежнему сияли, приобретая все более отчетливый розовый оттенок. Темнели острые клинья теней, взбегавшие по ложбинам каменных откосов, а голубая дымка подножий с каждой минутой становилась менее прозрачной и поднималась выше. Следом за этим голубым плащом снизу медленно напознала черная мгла, сначала заполнившая только ущелья, и широким разливом хлынувшая к подножию гор, когда синий пояс поднялся до уровня снегов.

Ветер незаметно прекратился, наступила тишина, и сумеречный воздух пронизало странное сияние, изменившее все цвета: красные сланцы сделались черными, светло-серые откосы — голубовато-серебряными, а желтые халаты лам приобрели шелковистый малахитово-зеленый оттенок. Эта изменившаяся страна исполнилась мира, но не косного покоя, пришедшего к последнему концу, за которым нет более ничего. Нет, покой гималайских сумерек, казалось, был проникнут ожиданием чего-то великого, что должно свершиться при смене дня и ночи. Ничего не свершилось — только угасло сияние воздуха, и все краски умерли, стали чугунно-серыми. Небо, зеленовато-красное, темнея, наливалось зеленью, звезды вспыхивали одна за другой, а темные стены ночи смыкались над головами путников.

Ламы ушли вперед, а гуру и Тамралипта двигались медленно, осторожно ступая по перекатывающемуся под ногами щебню тропинки. Там, где тропа выходила на выровненный столообразный уступ и поворачивала

прямо к монастырю, гуру остановился и молча показал в сторону Гозайн-тана.

Снежные вершины оторвались от своих почерневших оснований. Залитые неведомо откуда исходящим красновато-золотым светом Гималаи еще больше отдалялись от неизменного темного мира ущелий, перевалов и человеческих жилищ. В этом поразительном зрелище отсутствовало все земное.

— Вот такая и есть, наверное, Шамбала, прекрасная страна Ригден-Джапо... — воскликнул художник, и тихо, совсем тихо спросил, — учитель, ты был там?

Тамралипта почувствовал улыбку гуру даже в темноте.

— Монахов с нами нет, и я никого не огорчу, — ответил мудрец, — а ты, Тамралипта, достаточно умен, чтобы понять мои слова. Даже в самом названии Шамбала не подразумевается никакая страна. Шамба (Чамба) — одно из главных воплощений Будды, ла — перевал. Шамбала — перевал Будды, восхождение, совершенствование души настолько высокое, что достигший его более не спускается назад, не возвращается в круговорот рождений и смертей, а вместе с подобными ему приобщается к мировой душе. Шамбала не существует для нижнего мира, оттого тысячелетия ее поисков были напрасны, иначе и быть не могло!

— Но для тех, кто как ты — для них есть Шамбала?

— Везде. Легенда же о благословенной стране Гималаев рождена чистой и вдохновенной красотой снежных гор. Человеку любой касты и любого народа покажется, что, если Шамбала и есть, то только здесь...

Тамралипта несколько мгновений стоял неподвижно, опустив глаза, затем внезапно упал на колени перед гуру.

— Парамахамса! — с отчаянной мольбой начал художник...

Но гуру отступил и сделал отстраняющий жест.

— Не зови меня парамахамсой, это неприятно мне. Только люди, остановившиеся на пути совершенствования, чувствуют довольство достигнутым. Оно неизбежно рождает ощущение своего превосходства над другими, а это ведет к жажде поклонения. Идущий же должен видеть и взвешивать себя, понимать всю ничтожность достигнутого, всю необъятность мира. Из этого возникает не детская застенчивость, а неизбежная скромность.

Тамралипта хотел что-то сказать, но Дхритараштра продолжал:

— И еще потому ты не должен так называть меня, что возвышение одного неизбежно рождает принижение другого. А принижение, особенно добровольное — тем оно опаснее — рождает привычку быть руководимым, снять с себя ответственность за свои поступки, за свою душу. Тогда воспитание души, ее рост и совершенствование прекращаются, служа расплатой за облегчение пути. Путь есть путь, и никто не может его избежать, его можно только укоротить или удлинить...

— Но короткий путь, наверное, гораздо труднее, как в горах, — тихо произнес художник.

— Хорошо сказал — хорошо понял, — ласково ответил гуру. — Это просто, но как мало людей понимает, что всюду, везде и всегда есть две стороны: где сила — там и слабость, где слабость — там и сила, радость — горе, легкость — тяжесть и так без конца. Когда же, наконец, будут люди руководиться в своих мыслях и действиях простыми, неизбежными и всепроникающими законами мироздания?!

Гуру умолк и пошел впереди своей легкой походкой, не задевая камней на дороге. Художник следовал за ним, запинаясь и осторожно нащупывая тропинку в темноте. Узенький серп новой луны давно скрылся за горами. Тропа начала круто подниматься к монастырю. Здесь гуру снова остановился, не говоря ни слова и всецело уйдя в свои думы. Молчал и художник, сосредоточенно глядя вверх на монастырь, свое временное убежище. Ночная темнота здесь не была бархатной чернотой юга. От бесчисленного множества необыкновенно ярких звезд небо казалось зеленым. Акашганга, небесный путь, прорезал темную глубину сверкающей дугой. Звездный свет позволял видеть даже небольшие скалы, рытвины и высокие стены монастыря, казавшиеся железными. Наклоненные внутрь откосы и выступы стен и сужавшиеся вверх башни ночью представлялись безликими существами, отшатнувшимися назад от всего мирского и сомкнувшими свои спины в общем стремлении в небо.

Ни одного огонька не светилось в непроницаемых стенах этой твердыни, вознесенной на самую верхушку горы, в неизмеримую глубину зеленого неба, поближе к спокойным звездам. Здесь можно было укрыться за неприступными стенами от горького мира, очиститься от злобы, освободиться от желаний, жалости, тревог и надежд, стать спокойным, ясным и холодным, как снег гималайских вершин... наедине со звездами на верхушках башен монастыря...

— Ты не можешь забыть ее, Тамралипта? — вдруг спросил гуру, и художник вздрогнул от неожиданности.

— Не могу, учитель, и никогда не забуду... Я полюбил ее, но этого мало! Она не только любима, она — воплощение моих дум, моих представлений о красоте. Разве я могу забыть ее?

— Тогда, раз это неизбежно, вернись в мир и люби ее. Она должна тебя любить.

— Почему же, учитель?

— Ты — настоящий художник и будешь творить не только в своем искусстве, но и в любви. А для женщины нет ничего лучше такого воз-

любленного, и счастье для нее — встретиться с тобой, если, конечно, она сама созрела для этого по своей карме¹.

— Гуру, я не могу любить ее... даже если она полюбила так же сильно, как я!

— Я еще не понимаю тебя, хотя и чувствую руку кармы в твоей судьбе. Говори, я хотел бы помочь тебе на пути,— сказал гуру, кладя ладонь на плечо молодого художника. На Тамралипту пахнуло таким добрым участием, таким ласковым вниманием, что изболевшаяся душа радостно потянулась к гуру.

— Прости, учитель, если слова мои будут долги, а мысли спутаны. Я не мудр и многого не понимаю, а после встречи с Тиллоттамой и сам себе стал новым и неведомым. Учитель, мне тридцать лет, и одиннадцать лет я ищу понимания прекрасного. Что такое красота, почему она прекрасна и, прежде всего, что такое самая захватывающая, самая близкая всем красота — красота женщин, ее тела и лица. Я — художник и понимаю мир, прежде всего, через форму, линию, цвет. И осмыслить Парамрати, Анупамсундарту, Красоту Несравненную, так, чтобы передать ее людям, простым размышлением невозможно. Я должен найти свой идеал, символ, сущность Красы Ненаглядной, осязать его, видеть его, чувствовать его. А, как оказалось, еще и любить его...

Учитель, я долго искал, изучал, размышлял. Живая природа, картины и статуи в храмах и музеях, книги, поэмы. Когда-нибудь будет создана настоящая саундарья-видья — наука о красоте! И странно, чем больше созрел во мне мой идеал, мое понимание сущности женской красоты, тем ближе становился он к древним канонам. Уходил все дальше от современных представлений и вкусов, становился непохожим на большинство теперешних женщин и девушек Индии... Боюсь, что говорю слишком подробно, учитель!

— Продолжай без стеснения. Если хочешь помочь, никогда не жалея времени, чтобы помощь твоя была полной и действенной.

— Благодарю, учитель. Больше двух тысячелетий назад в Индии создался идеал женской красоты, который просуществовал двенадцать веков и распространился везде, куда проникло искусство нашего народа — в Бирму, Камбоджу, на Малайские острова. В нем я вижу всю сущность, ласку и власть женщины, все великое очарование горячей страсти, всю прелесть беззаветной любви. Почему — не знаю, слишком невежественен и слишком самонадеян был, когда думал, что мне удастся понять и объяснить. Нужно ли тебе описание древнего канона?

— Нет, я знаю, о чем ты говоришь.

Тамралипта опять почувствовал, что гуру улыбается.

¹ Карма (*санск.* — деяние) — одно из основных понятий индуистской религии и философии. В широком смысле — общая сумма поступков живого существа и их последствий, определяющих характер его нового рождения, перевоплощения. В узком смысле — влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существований.

— Но ты не сказал о цели, которую искал, создавая для себя образ Несравненной Красоты, Парамрати.

— Учитель, что может быть в мире лучше женской красоты, сильнее ее, благороднее ее. Как чисто и властно она действует на всех мужчин от ребенка до старца и на женщин. Мне хотелось создать такой образ в рисунке картине, скульптуре, чтобы он был всем близок, понятен и дорог, чтобы... — художник умолк, словно устыдившись своей горячей, беспорядочной речи.

— Цель, поставленная тобой, благородна и должна была бы увенчаться успехом, если бы ты не полюбил. А когда полюбил, то... Впрочем, продолжай.

— Я все сказал, учитель. Найдя, почувствовав и осмыслив свой образ Парамрати, я вдруг встретил девушку — живое ее воплощение. И как все живое прекраснее мертвого и косного, так она в тысячу раз прекраснее, чем мои символы Парамрати — она сама Краса. Радость и Страсть поистине высочайшие! Но... — Тамралипта запнулся, умолк и, тяжело вздохнув, продолжил, — она девадази... и... возлюбленная жреца, а... до того была еще замужем!

— Что же из этого?

— Не знаю, учитель. Никогда не думал, что это станет важным для меня, но, когда я ее вижу, такую прекрасную, мне невыносимо думать, что кто-то уже владел ею, целовал ее, что она... прости меня, учитель. Это очень нелепо, низко, глупо, но это так. Откуда-то из глубины души поднимается глухая печаль, потом — чем больше думаешь о ней — непереносимая боль ревности. И это страшно, страшно тем, что ничего, абсолютно ничего нельзя сделать, потому что нельзя вернуться назад — над прошлым никто не властен. Ничего нельзя сделать... — голос художника болезненно дрогнул. — Чем больше я люблю ее, тем сильнее горечь! Как же я могу прийти к ней, быть с ней. Как?

Гуру молчал. Тамралипта снова бросился к ногам мудреца и с полудетской мольбой поднял глаза к его доброму лицу.

— Учитель, я знаю, ты можешь все. Я видел, как без единого слова ты заставил полубезумного человека из Кашмира забыть утрату любимой матери. Видел, как по приказу твоих глаз человек из деревни раскаялся в своих злодеяниях... Мне рассказывали, что...

— Чего же ты хочешь?.. — перебил его гуру.

— Шастри, заставь меня забыть ее, забыть все — ревность, свои стремления к женской красоте, свои искания, свою любовь — все! Я буду с тобой, сделаюсь твоим челою, буду подбирать крохи твоей мудрости и умру у твоих ног! Здесь, у подножия царства света, вдали от мира и жизни!

Гуру откинул плащ, и художник прочитал непреклонный отказ в добрых и печальных глазах учителя.

— Ты не хочешь, учитель! — горестно воскликнул Тамралипта.

— Я бы сделал это, будь ты земледельцем из нижней деревни... Нет, даже и тогда нет!

— Учитель, можешь ли ты сказать мне, почему?

— Могу,— помолчав, ответил гуру.—Ты сам строишь свою карму, сам медленно и упорно восходишь по бесконечным ступеням совершенствования. Сама и только сама душа отвечает за себя на этом пути, от которого не свободен ни один атом в мире... Великий путь совершенствования! Знаешь ли, как медленно и мучительно, в бесчисленных поколениях безобразных чудовищ — гнусных пожирателей падали, тупых жвачных, яростных и вечно голодных хищников — проходила материя Кальпу¹ за Кальпой, чтобы обогатиться духом, приобрести знание и власть над слепыми материальными силами природы.

В этом потоке, как капли в реке, и мы с тобой, и все сущее...

Гуру поднял лицо и руку к звездам, как бы собирая их воедино широким жестом.

— Еще бесконечно много косной, мертвой материи во вселенной. Как отдельные ручьи и речки текут повсюду кармы — на земле, на планетах, на бесчисленных звездах вселенной. Слитые из отдельных капель мелких карм — мысли, воли, совершенствования,— эти ручьи и речки духа стекают в огромный океан мировой души. Прибой этого океана достигает самых далеких звезд, и все выше становится его уровень, все необъятнее глубина! У тебя, Тамралипта, крепка повязка Майи на очах души, крепко привязан ты к колесу всего сущего, и час твоего освобождения еще далек. Но видишь, твоя карма уже позволила тебе подняться высоко, стать хорошим чистым и добрым, несмотря на все пути Пракрити. Разве можно вынуть что-либо из твоей груди насильно? Разве это будет твоим собственным восхождением? Все, что есть в твоей карме, останется, и перейдет лишь в будущее твое существование, или разразится еще в этом — только позже, в другом, но не менее тяжком... Нужно ли это тебе, сын мой?

Гуру погладил склоненную шею молодого художника, и от этого прикосновения чуть развеялась безысходность слов мудреца.

Тамралипта встрепенулся.

— Нет, не нужно, отец и учитель! — сказал он, печально покачав головой. Они направились вверх по тропе к твердыне Тибета. За стеной на террасе под усилившимся ночным ветром качался большой фонарь. Его слабый огонек едва мерцал.

Гуру остановился у лестницы в верхний этаж, а художник прошел в проход вдоль стены, где длинным рядом выстроились крошечные клетушки — кельи монахов. Как ни тесно было в монастыре, завет буддийских вероучителей выполнялся строго,— без уединения человеку

¹ «Порядок», «закон», по индуистскому мифологическому исчислению, «день-и-ночь» Брахмы, или 24 000 «божественных» лет, соответствующих 8 640 000 000 «человеческих» (тысяча лет жизни людей приравнивается к одному дню богов).

недоступно никакое самосовершенствование. Ночлег и раздумья каждого должны свято охраняться в тиши отдельного помещения.

Гуру посмотрел вслед молодому индусу, удалявшемуся с печально поникшей головой, и окликнул его.

— Тамралипта, я все же попытаюсь помочь тебе. Как? Я еще не знаю, потому что неясна мне находящаяся под чашей Ом глубина твоей души. Но я буду размышлять... — как и дважды до этого, художник неведомым образом ощутил улыбку гуру, — мне придется думать о женской красоте! К счастью, она давно для меня безопасна, давно змей Кундалини абсолютно подчинен моему разуму. Я буду говорить с тобой завтра, спи с миром.

— Благодарю, о, благодарю тебя, парама... гуру, — поправился Тамралипта. Мудрец исчез на правой лестнице, огибавшей низкий и черный вход в храм, из которого тянуло особенно резким ароматом священных трав и молитвенного сыра.

Художник ошупью добрался до своей кельи, хранившей запах несвежего сала, веками впитывавшийся в каменные стены и земляной пол. В крохотное оконце без рамы с шумом врвался холодный ветер. Тамралипта знал, что в левом углу на низком столике ему оставлен обычный ужин — горсть поджаренной муки, цамбы, и завернутый в тряпье чайник со смесью чая, молока, сала и соли, к которой он, вначале находившей это питье отвратительным, постепенно привык. Есть не хотелось. Охваченный нервной дрожью, он бросился на жесткую постель — деревянную раму с натянутыми поперек полосками кожи — и плотнее закутался в халат. Кромешная тьма кельи дышала холодом, ветер в окошке шумел назойливо и равнодушно... Снова и снова художник возвращался к своей беседе с гуру, перебирая в уме слова и тяжело вздыхая от недовольства. Почти ничего истинно важного он не смог сказать учителю, а наговорил множество пустых слов.

— Я даже не сказал, что в меня, художника с бездонной зрительной памятью, накрепко врезана каждая черточка облика Тиллоттамы, запечатлено каждое ее движение... В почти безумном от любви богатом воображении проносятся картины прошлого Тиллоттамы, яркие и невыносимо мучительные. Как прав гуру — здесь слабость моей силы художника, обратная сторона способности образно мыслить... О, если бы не тот черный вечер, последний вечер с Тиллоттамой!

Тамралипта застонал и повернулся на постели, стараясь отогнать видения, отекающие памятью и упорно теснившиеся в голове. Он широко раскрыл глаза, но в келье было так темно, что никакой предмет не мог остановить его взор. В его голове неумолимо проплывали образы, более гжучие, чем ядовитый сок молочая, более мучительные, чем жажда в знойном пути, более яростные, чем гневное солнце черных плоскогорий Декана...

...Он спросил Тиллоттаму в смутной надежде, что разговор двух наущей, случайно услышанный в храме, окажется сплетней. Странно, что в начале, когда он только увидел Тиллоттаму — и полюбил ее с первого взгляда,— художник был далек от этой страшной и непонятной ревности. Ведь, в конце концов, она могла быть и наущей, могла продаваться за деньги — он тогда даже не подумал об этом! Чем больше нравилась ему девушка, чем глубже проникался он ее духовным и физическим совершенством, ее соответствием выношенному им идеалу, тем сильнее любил, и любовь становилась служением красоте в образе Тиллоттамы. Священным казался ему храм ее дивного тела... Тем невыносимее была мысль, что кто-то чужой и неведомый уже побывал до него в этом храме, оставив там свои ничем не изгладимые следы — на теле, в душе, в памяти Тиллоттамы.

Красота Тиллоттамы была настолько чистой, что все эти мысли пришли к нему позже, когда он увидел ее в танце. Тело девушки дышало страстью, знало страсть и подчинялось ей, и плакало о том, что не сбываются мечты, что остается лишь яростный порыв, без нежного ответа, без высокого стремления, порыв, тяжелыми цепями опутывающий душу. И душа, словно пленная птица, бьется за двойной решеткой — низкой жизни и низкой страсти... Вот почему печальным сидел Тамралипта, глядя на танцы той, что стала ему дороже всего на свете. Впервые его остро пронзило ощущение осквернения храма, уже законченного в его душе тремя великими строителями — Любовью, Страстью и Фантазией. Нечаянно подслушанный разговор еще больше заострил лезвие ножа, терзавшего пламенное сердце Тамралипты. И художник решил сам спросить обо всем у Тиллоттамы, смутно надеясь, что правда — а ничего кроме правды он не ждал от Тиллоттамы — окажется горьким лекарством. И поможет справиться с тем новым, непонятным и нехорошим, что помимо его воли поселилось в душе, росло и укреплялось мучительно быстро...

Но карма готовила ему более серьезный удар, как будто обрадовавшись тому, что в душе художника нашлось слабое, уязвимое место.

Художник спросил и, еще не получив ответа, понял, что тронул наблевшую рану.

Как хороша была девадази в полутьме у колонны, выгнувшаяся тугой струной и с гордо поднятой головой. Ее гладкая смуглая кожа поблескивала полированным металлом, серебряные украшения — она была в танцевальном наряде — подчеркивали черноту ее тяжелых кос, глаз, бровей.

После резкого ответа Тиллоттамы и ее бурного отчаяния, когда девадази распростерлась на полу, художник как будто онемел. Страдая и негодуя, Тамралипта продолжал тупо молчать, собирая разбежавшиеся мысли. Он опомнился только тогда, когда из глубины храма донесся медный удар, и девушка исчезла в темноте. Художник позвал ее — ответа

не было. Он обежал дворик, надеясь найти Тиллоттаму, прячущейся за одной из колонн, и, не найдя там никого, вошел во мрак храма. Осторожно ступая, чтобы не наткнуться на что-нибудь в темноте, он направился на едва заметный свет где-то в глубине и оказался перед огромной статуей Шивы. Огонек блестел позади высокого пьедестала, откуда доносился громкий шепот. Опасаясь, что забрался в святилище, Тамралипта бесшумно обогнул пьедестал. Позади него две колонны поддерживали громадный венец Шивы и отгораживали широкую нишу, скрытую в задней стене святилища. Бронзовый светильник освещал пестрые циновки и войлочные ковры. Широкое низкое ложе было покрыто голубым кашмирским покрывалом. Перед ложем, опустив голову, стояла Тиллоттама с бурно вздымавшейся грудью. Высокий жрец с неприятным жестким лицом обнимал ее, раздувая ноздри, и страстно шептал:

— Ты — моя Ашвини, божественная апсара-кобылица!

Прежде чем окаменевший художник сообразил, что именно он видит, жрец распустил завязку, скреплявшую нагрудники девадази. Прекрасные груди Тиллоттамы обнажились, поднялись в долгом вздохе, и на них легла большая рука жреца, сдавливая их хищно согнутыми пальцами. Жрец притянул к себе девушку, прижался к ее спине. Она покорно откинула голову на его плечо и закрыла глаза. Руки безвольно упали вдоль тела. Неведомо как отстегнутый, с бедер девушки упал широкий пояс, жалобно звякнув большим бубенчиком.

С остановившимся дыханием художник стал отступать назад за статую. Важнее всего ему сейчас казалось не выдать себя, чтобы Тиллоттама не узнала, что он оказался нечаянным свидетелем... в последний миг их свидания... в час их разлуки...

Сердце художника заныло от угрюмой тоски — ведь Тиллоттама шла на это добровольно. Никакого сопротивления, нет, больше того — грудь ее часто дышала, глаза закрывались в податливой страсти... он просто глупец!

Тамралипта бросился к выходу, задыхаясь и широко раскинув руки, чтобы не удариться во мраке. За спиной раздался тихий вскрик и зазвенели колокольчики ножных браслетов Тиллоттамы, то отрывисто, то частым трепещущим звоном.

Едва во мраке замаячил просвет прохода, художник одним прыжком выскочил во двор, спрыгнул со ступенек и побежал по улице так, словно за ним гнался демон. И действительно, демоны ревности и печали нещадно терзали и жалили его впервые исполнившееся большой любви сердце... В ту же ночь он уехал из Бхутесвара домой, в Дели и, не находя покоя, отправился в Гималаи...

Тамралипта отшвырнул одеяло, как будто холодная и пустая келья наполнилась душным звоном ночей Бхутесвара.

Зачем он полюбил именно эту прекрасную девадази? Разве мало чудесных девушек в его стране, славящейся красотой своих женщин? Много прелестных цветов усеивали поле памяти художника. Цепкая память хранила их всех, когда-либо встреченных и остановивших его внимание: юную мать, поднявшую смеющегося ребенка к озаренной солнцем листве дерева, мгновенный изгиб тела девушки-водоноски, отблеск луны под ресницами поднятого вверх лица, невыразимо прекрасного в миг любовного вдохновения, завитки развеваемого ветром волос вокруг маленького ушка и круглой нежной щеки — все это, когда-то встреченное в жизни, мгновенно утрачиваемое другими людьми, связалось в душе художника в неповторимый венок человеческой красоты.

Но Тиллоттама — в ней было все — венок улыбок, отблески движения и цвета, красивые формы, и Тамралипта наделил юную женщину всем очарованием мира... Его мира, его страны, наполненной плодотворным зноем солнца, влажным дыханием могучих морских ветров. Плодородная земля рождала буйство растительной жизни, неистово стремившейся к солнцу и небу, насыщавшей бесчисленных животных, несчетные массы людей. Здесь расцветать и созревать было нужно быстро, наливаясь всей силой кипучей жизни, чтобы успеть вручить ее следующим поколениям, ибо силы тропической природы, порождавшей изобилие животных и растений, также быстро убивали, обуславливая ускоренную смену поколений, убыстренный круговорот жизни и смерти, порождения и разрушения. Оттого так силен культ Шивы, из всех богов наиболее соответствующий душе природы тропической Индии. Оттого образ прекрасной женщины, созданный индийскими художниками, мечтательно воспетый поэтами в народных сказаниях тысячелетия тому назад, так отличается от образа красоты других стран и непонятен теперь, когда городская жизнь оттолкнула человека от верного чувства природы. А в прошлом Тамралипта находил один и тот же образ Парамрати, очаровавший его и слившийся с его мечтами и представлениями. Скульпторы и живописцы Древней Индии были едины в своих стремлениях. Красные фрески пещерных храмов Аджанты с их черноволосыми, узкоглазыми нагими принцессами, бесчисленные скульптуры храма Махадевы в Кондоре, воздвигнутого восемьсот лет назад. Сплетающаяся с деревом девушка-якши в древнейших двухтысячелетних храмах в Бхархуте и джайнской Чайтэ в Матхуре... — он и не знал тогда, что там родилась и жила Тиллоттама... — везде и всюду чувственная сила в постоянной любовной истоме...

И не столь древние изваяния храма Вишну в Бадаме, статуи Сакхи в Кандравате, в Мальве, в храме Солнца в Конараке, даже в далекой Бирме — все созданные художниками различных народностей Индии шестьсот— тысячу лет назад.

Самым ярким и сильным выражением древнего идеала женской красоты он считал статую во внешнем зале Чайтэ в храмах Карли. Чета,

мужчина и женщина, была высечена прямо из каменной стены пещеры. Женщина невысокого роста изображала плавное движение танца. Правая нога, ступившая вперед и налево, перекрещивалась с согнутой в колене и отставленной назад и вправо левой ногой. Разрушенная временем правая рука когда-то тянулась вперед, а левая обнимала за талию мужчину. Толстые браслеты на щиколотках, узенький плетеный пояс поперек бедер со свисавшей посередине гирляндой и огромные серьги в ушах составляли весь наряд женщины. Круглое лицо было подпорчено временем, но еще хранило отпечаток веселой красоты, отличавшейся от распространенной теперь среди индийских женщин. Широкий и низкий лоб, огромные, широко расставленные глаза, маленький закругленный нос, небольшой рот с полными, раскрывшимися, как лепестки, губами. Узкие плечи, прямые и круглые, ноги и руки тонкие и маленькие. Крепкие, тесно посаженные груди выдавались широкими полушариями. Ниже стан женщины сужался к высокой талии. Отсюда, немного выше уровня пупка, крутыми дугами очерчивались очень широкие бедра. Могучие линии бедер стекали вниз и круто стягивались выше колен, где ноги казались даже чересчур тонкими по контрасту с мощью бедер.

И если взять за центр место, где сходятся углы складочек паха, то по контурам бедер можно было бы описать круг, внизу не достигавший колен на треть всей длины бедер, а сверху пересекавший самое узкое место талии выше пупка. Диаметр круга, соответствующий диаметру самого широкого места бедер, был значительно шире плеч... Как убедился потом Тамралипта, эти пропорции были у всех древних статуй... Темный камень изваяния отчетливо выделялся на выкрашенной известью стенке ниши, и художник увидел статуи, едва лишь вошел в храм. Тамралипта сразу понял, что нашел настоящее, пусть несколько утрированное и усиленное выражение идеи древнего искусства. Восторг сменился ощущением неопределенной утраты, потому что художник еще не встретил ничего похожего среди живых женщин. Постепенно осмотревшись, он заметил в полумраке подземного прохода вне зала Чайтъя полностью изваянные, отделенные от скалы скульптуры — две четы верхом на лежащих с подогнутыми ногами слонах... На правом слоне, впереди мужчины, на самой шее животного сидела нагая девушка. Тамралипта узнал то же прекрасное тело, которое поразило его в зале Чайтъя. Ноги девушки охватывали шею слона и были скрыты его ушами. Древний художник удивительно правдиво и изящно передал движение любовной истомы — изогнув спину, с высоко поднятыми грудями, девушка откинулась назад к любимому, обняв правой рукой его шею, а левую закинув себе за голову. Задумчивая улыбка маленького рта в беспечно поднятом к небу лице, маленькие складочки на животе, образовавшиеся от поворота тела в поясище — все эти живые и милые подробности, заметные остроумному глазу художника даже в скудном свете, наделяли древнее изваяние подлинной жизнью. Тамралипта вздохнул от зависти к мастеру,

у которого перед глазами были такие модели. То, что этим изваяниям служили моделью подлинные живые женщины тех времен, Тамралипта не сомневался — так ярко светилась в скульптурах правда живого тела. Захваченный находкой близкого его мечте образа женщины, художник продолжал изучение древних скульптур и фресок. Он натолкнулся на совершенно тот же тип женской красоты в древней джайновской Чайтэ в Матхуре — статую якши, девушки, сплетающейся с деревом, во всей мощи расцвета своего тела, изваянного с несколько меньшим искусством, чем статуи в храмах Карли, созданные на триста лет позже. Тамралипта узнал, что в Древней Индии этот канон красоты женщины был создан школой художников Матхуры и повторен тысячи раз в течение десятков столетий.

И в Матхуре же, по странному совпадению, родилась Тиллоттама — живое воплощение древнего канона... Нет, не нужно об этом... Удивленный художник открыл, что совершенно сходный с канонем Матхуры идеал женской красоты был создан в более древние времена и на далеком Средиземном море — на острове Крит, в эпоху критской культуры, распространился в Финикию и на все побережье Малой Азии. Этот же идеал вдохновлял безымянных ваятелей каменного века Африки, Европы и Азии. Все они дали лучшее выражение возможного тогда взлета человеческого духа: прекрасное тело, любовная страсть, могучее желание...

Тамралипта не понимал, почему для него, художника двадцатого века, близок этот древний канон женской красоты, почему из всего многообразия живых и изменчивых форм человеческого тела матхурский идеал дышит властным очарованием и звучит безусловно верно. Почему истинная красота женщины выражена тонкой талией, широкими бедрами, круглыми грудями? Художник чувствовал, что путь к осуществлению его образа Сундарты Анаупамы, все более созревающий в нем, лежит через древний канон. Но от объяснения Несравненной Красоты Тамралипта был так же далек, как и в первый день исканий. Попытки понять историю появления древнего идеала привели его сначала в Матхуру, затем в Бхутесвар, где оказалась чудесная статуя якши. У изваяния произошла встреча...

Художник приподнялся и сел на ложе, поджав ноги. Жемчужный предрассветный отблеск снегов проник в окошечко его кельи. Ветер продолжал обдывать стены монастыря, уныло свистя и завывая в щелях, окнах и крышах. Только сейчас Тамралипта почувствовал, что совсем застыл от холода. Он с головой нырнул под одеяло и съжился, пытаясь согреться...

Гуру и Тамралипта уединились на самой высокой башне. С рассветом ветер утих и, казалось, весь светлый простор кругом слушает негромкую речь учителя.

— Я много думал о тебе, сын мой,— начал гуру,— и не назову тебя чело́й, ты им не будешь, даже если бы я захотел этого... — на протестующий жест художника Дхритараштра ответил беглой улыбкой.— И многое открылось для меня — теперь я чувствую право советовать тебе. Ты стоишь на пути, ты видишь цель жизни в том, чтобы работать для людей, ты знаешь меру в своих стремлениях. Из меры и цели рождаются смысл и порядок жизни — тот духовный огонь, что ведет к освобождению...

Неожиданно на башне появился молодой прислужник и почтительно поклонился йогу.

— Принеси жаровню, кувшин и чашку для риса,— попросил гуру и замолчал в ожидании.

Тамралипта осмелился нарушить молчание.

— Прости меня, учитель, но как Кхантсе узнал, что нужно прийти?

— О, это просто,— начал гуру, но тут вновь появился мальчик.

Дхритараштра взял высокий медный кувшин, конусом сужавшийся кверху, поставил на него плоскую чашку, а в чашку положил раскаленный уголь из жаровни.

— Но ты далек от освобождения, хотя и стоишь на пути,— снова заговорил йог, указав на сооружение из кувшина и чаши,— это строение человеческой души давно известно и выражено священной формулой «Ом мани падме хум»¹. Лотос — эта чаша с драгоценным огнем духа в ней... — гуру бросил на уголь щепотку каких-то зерен. Из чашки взлетело облако ароматного дыма и спустя мгновение растворилось в воздухе.— Вот так рождаются, вспыхивают и, исчезая, возносятся вверх высокие помыслы, благородные стремления, порожденные огнем души... А внизу, под лотосом,— он показал на кувшин,— глубокое, очень глубокое и темное звериное основание души. Видишь, оно расширяется внизу и крепко прильнуло к земле всем своим дном. Такова душа твоя и любого человека — видишь, как мелка чаша лотоса и как глубок кувшин. Из этого древнего основания идут все темные, все неясные, порожденные миллионами лет слепого совершенствования помыслы и движения души. Чем сильнее огонь в чаше духа, тем скорее он очищает, переплавляет эти древние глубины души в своем стремлении ввысь, к совершенству. Но — великий закон двойственности — сильный огонь духа бывает в сильной душе, в которой также очень могучи, очень сильны зовы зверя, власть инстинкта. И если душа далека от освобождения, не прошла на пути столько, чтобы чаша лотоса стала глубокой, вот так,— гуру приложил ладони ребром к краям чаши,— тогда из глубины этой темной могучей древней души человека поднимается порой самое неожиданное, но столь сильное, что огонь в чаше не может его переплавить и даже угасает сам!

¹ «Жемчужина в цветке лотоса».

Твоя душа, сын мой, сильная, с горячим огнем в чаше лотоса, но очень крепко связана со всеми древними основами жизни и плотно закутана в покрывало Майи — потому ты и художник, что так остро чувствуешь все изгибы, все краски этого покрывала. Змей Кундалини — змей сильной плоти и чувственности — был вначале под властью твоих исканий, твоего пути. Но карма твоя еще несовершенна, и воздаяние тебе пришло через твой же путь. Ты выбрал творчество плотской красоты, поставил задачей воплотить в образе женщины всю силу Майи — в этом была твоя победа над Кундалини, в этом отличие твоего восхищения женщиной от простого вождения самца. Но в этом же и твоя слабость — творчество стало любовью, любовь — страстью, и змей Кундалини развернулся во всю твою душу и страсть и отравил ужасной ревностью, лишив счастья любви...

Гуру умолк. Тамралипта, затаив дыхание, старался не упустить ни одного слова учителя. Художнику казалось, что старый йог с неумолимой прозорливостью простыми и широкими мазками пишет картину души самого Тамралипты.

— Когда ты сказал о своем образе Парамрати, — продолжил йог, — мне стало ясно, что ты пленник сетей Майи. Красота и ревность — они обе из древней души — отсюда, — гуру постучал пальцем по кувшину, и тот издал глухой медный звук. — Красота — это совершенство в необходимом назначении тела, которое воспринимается без рассуждения опытом и памятью миллионов поколений. Почему так тебя восхищают стройные ноги, большие глаза, тонкая талия, ровные чистые зубы, гладкая и блестящая кожа? Все это так просто! Все эти черты — неизбежные спутники здорового тела, гибкого, сильного и подвижного — именно такую подругу должен был выбрать себе дикий древний полузверь-мужчина. Инстинкт поколений заменял ему разум, постепенно это переплотилось в ощущение чего-то верного, истинного, прекрасного. Это и в самом деле верное и истинное — наилучшие пропорции человеческого тела как материального источника движения и силы...

Знаю, о чем ты хочешь спросить, и сейчас отвечу — слушай дальше. Широкие бедра, круглая, широкая, но не очень выпуклая грудь — это совершенство в другом значении, в продолжении рода, гарантии сильного, здорового потомства, также вошедшее в бессознательное восприятие той частью души, что в кувшине под чашей Ом. Но эти признаки силы плодородия должны находиться в гармонии с гибкостью, подвижностью тела, чтобы подруга дикого мужчины могла быть спутницей в беге, охоте, плавании. Почему ты считаешь прекрасными широкими бедра, лишь когда они очерчены крутой, но плавной дугой? — Художник изумленно вскинул голову. — Да потому, что эта форма отвечает одновременно силе, быстроте движения и ловкости. Когда бедра переходят в узкую, гибкую поясницу, когда они не отягощают колен и поддерживаются сильными и обязательно длинными ногами... Это — выбор подруги по быстроте

и выносливости. А грудь — если она высокая — тоже признак выносливости. Если груди широкие в основании и круглые, но крепкие и не очень сильно выдаются, а вы ступают неглубокими чашами, это означает совмещение двух требований — достаточного запаса молока для ребенка и одновременно удобства на бегу и ходу. Такие груди не будут болезненно трястись, мешая женщине, не будут задевать за деревья и кустарники во время охоты или бегства.

Так каждая черта, каждая линия твоего идеала оказывается очерченной заранее, имеет свое строгое назначение и безошибочно угадывается древним инстинктом, яунвритти...

— Подожди,— йог остановил порывавшегося что-то сказать художника,— сейчас все тебе станет ясно. Почему же этот образ возник в Древней Индии и не только Индии, и почему он стал твоим идеалом Парамратри?

Силы, отраженные в мощных бедрах, сильном и гибком теле, широких грудях женщины — не только сила воспроизведения потомства, но и сила страсти. Древние знали то, о чем забыли современные люди — самые красивые и здоровые дети зачинаются только от сильной страсти, и у кого из сочетающихся страсть сильнее, тот и передаст свой пол ребенку. Сила Камы и Рати у нас, как и сила Астарты и Эроса у древних европейцев в прошлые времена, была больше, гораздо больше.

Поэтому древний мужчина искал подругу, которая могла соответствовать ему в силе страстной любви. Этот идеал совершенно совпадал с идеалом плодородия и идеалом боевой подвижности, инстинктивно полученными без мысли чувством, через опыт бесчисленных поколений. Так три разных назначения гармонически слились, соразмерились и уравнились в облике прекрасной подруги — идеале, мечте, основе для оценки...

Старый йог поднялся и, перегнувшись через парапет башни, показал на юг, на подернутый синим туманом горизонт жаркой страны.

— Помнишь ли предания хроники Акаши? Черная раса, наиболее близкая к природе, заселила южные страны. Это ее кровь, полная страстной силы, живет в тебе и тебе подобных. Тысячи лет прилив этой жаркой черной крови разбивался об уступы Гималаев здесь у нас в Индии, сдерживался Средиземным морем на западе. По этой граничной линии издревле возникало, погибало и вновь появлялось сочетание природы лемурийцев — памятливых, пронизательных, чувственных и неразумных детей теплой земли — с северными расами — умными расчетливыми, забывчивыми и холодными людьми, выкованными природой севера и происходящими от мрачных пожирателей мяса.

В древности сильнее был прилив крови лемурийцев — чувственная раса художников, поклонников женщины и знатоков природы, обитала по всему Средиземноморью, Малой и Средней Азии.

Теперь наступили другие времена — под напором северной белой крови отступили, прячутся, исчезают потомки лемурийцев.

В нашу грозную эпоху Кали-Юга, когда наступает страшный век Агни, космического огня и сопутствующих ему неведомых и губительных болезней, человек получил доступ к силам, владеть которыми он не готов, и врачеватели человечества тоже не подготовлены. Детски радостный простой мир форм и красок, звуков и запахов, открытый потомкам лемурийцев, не существует для большинства людей белой души. Он не может отныне быть основанием существования теперь, когда скорость — главный стержень человеческой жизни и одновременно зерно ее гибели... Но это уже не относится к твоей душе, Тамралипта. Сила Камлипы, чувственной страсти твоих лемурийских корней, полностью владеет тобой. Ревность — та же страсть, лишь оборотная ее сторона, и она столь же сильна, потому что исходит из тех же глубин первобытной души.

Слепое совершенствование природы идет через потомство лучших. Когда-то мужчина, дикий зверь, предводительствовал своим маленьким табуном женщин, отбитых в бою у других самцов. И главной задачей мужчин было не допустить к своим женщинам соперника, стеречь их зорко и храбро, а если встречался другой табун, то и отбить женщин у соперника. Отсюда из полезного природе, того, что потомство получалось от наиболее сильных, выносливых и проворных, накапливая в поколениях огромную энергию рода, неизбежной противоположностью возникла ревность, темная, страшная сила боевой зависти к другим мужчинам, до сих пор царящая в глубинах мужской души. Ревность женщины имеет другую основу, она — мелкое чувство, чаще свойственное слабым душам...

Вот почему, сын мой, нет надежды, что ревность, возникшая в тебе, исчезнет сама собой. Чем больше будет твоя любовь, тем больше чувственная страсть, а значит, больше и ревность. Бороться с этим ты должен сам — или переработать долгими усилиями все это древнее в твоей душе в мысль, знание, мудрость, или... — гуру на минуту задумался, — или остается только путь Тантр¹ — возвысить красоту Майи до духовного подвига, до чистой радости. Для тебя путь Тантр, я мыслю, единственный...

Йог умолк и повернувшись лицом к северу, стал смотреть на утонувшую в холодном тумане долину Брамапутры. Художник молчал, пораженный и почти уничтоженный силой мысли этого человека, с легкостью разложившего на составные части сложнейшие мечты и помыслы, над которыми он, Тамралипта, безрезультатно думал много лет. Гуру разобрал и собрал узел глубоких и тайных душевных противоречий, точно это был ящик с детскими кубиками... Неужели этот великий

¹ Тантризм — одно из направлений в буддизме и индуизме. В основе религиозно-философской концепции — идея человека-микрокосма и представление о некоем половом (женском — шакти или мужском) энергетическом начале.

человек не сможет вывести его на тропу мудрости, избавить от гнета страстей «медного кувшина», нижней души?

— Учитель,— обратился он к гуру,— укажи мне путь превращения моей души, тот, что ты считаешь трудным для меня. Я не боюсь ничего и готов к любым испытаниям, лишь бы обрести спокойствие и мудрость, освободиться от мучительных грез. Я не смею думать о какой-то высокой дороге, подобной твоей. Но и на простом пути кармы, я, может быть, достигну хотя бы спокойствия...

Гуру погрузился в размышление...

* * *

Главный жрец Крамриш вышел во двор храма. Его недобрый тяжелый взгляд ударил в столпившихся научей, и приглушенная болтовня сразу прекратилась. Девушки разбежались, прикрываясь уголками своих покрывал. Юная Индрани, более смелая, чем ее подруги, притаилась за выступом стены и проследила, как мрачный жрец вышел за ворота и направился по пыльной дороге к городу.

— Видела, каков? — вдруг раздался у нее под ухом громкий шепот, и девочка вздрогнула, но тут же рассмеялась.

— Ш-ш-ш! — испугалась ее подруга.— Все так напуганы, а ты... если бы ты слышала, как кричал Крамриш на всех младших жрецов и прислужников. Я думала, с ним будет плохо. Весь налился кровью, на губах выступила пена! Арэ! Он камук и страшный человек. Я боюсь за Тиллоттаму!

— А я завидую ей, она смелая. Убежать из храма, одной, неизвестно куда, вольной птицей улететь далеко отсюда, вырваться из этих стен, скрыться от этих надменных и злых жрецов, от тупых и жадных купцов, которые покупают тебя, как вещь, считают за животное!

— Ты еще глупенькая, Индрани. Далеко ли убежит Тиллоттама — ей ведь негде скрыться. А Крамриш, ай, я знаю его, не даст уйти нашей красивой девадази — мало ли было ночей, в которых не раздавались бы ее стоны на ложе жреца. Он богат — стоит ему заплатить две-три тысячи рупий поклонникам Кали, у которых везде глаза и руки, и Тиллоттаму приведут к нему через неделю! Что Нагнатх, что Сапнатх...

— А полиция? Разве она не сможет защитить Тиллоттаму?

— Полиция не будет вмешиваться в священные дела. Что такое Тиллоттама — она девадази и обязана ею быть. Богатый и родовитый главный жрец всегда будет прав.

— Как бы я хотела, чтобы кто-нибудь помог Тиллоттаме! — вздохнула девочка.— Жаль, так жаль, что я еще молодая, ничего не знаю и ничего не умею!

Гуру очнулся и посмотрел на художника.

— Хорошо. Я знаю, что в этой жизни это не твой путь, но испытание позволит тебе найти свой. Ты — сильная душа и страдаешь жестоко и мучительно, а потому всячески избегаешь страдания. А страдание — путь к высокому, и весь мир только благодаря страданию становится лучше. Но страдание должно, как и все в жизни, иметь меру, иначе оно обратится гибелью души и станет источником зла. Нет меры страдания в этом мире, — гуру сложил обе ладони чашей, — если зачерпнуть сейчас оттуда, — он показал на туман в глубине долины Брамапутры, — все чувства живущих там людей, то я поднял бы к небу полную чашу человеческого горя. Если учесть и сложить горести и радости всех людей на земле, то получится печальный итог. Женщины, которых ты так любишь, страдали всегда больше мужчин. С тех пор как холодная белая кровь одержала верх на земле, женщину славил в воображении, а на деле гнали, презирали и угнетали только за то, что она по духу ближе к черной крови лемурийцев. Она лучше, нежнее и открыта природе больше мужчины. Мечтательность и фантазия самой природы погружена в женскую душу — оттого женщины всегда богаче звучанием души, чем мужчины.

И женщину всегда обманывали, продавали и покупали, смеялись над ее любовью, открывали нежные тайны ее души недругам, насиловали, если она не зажигалась страстью, обвиняли во всех грехах за страсть, жгли на кострах, называя ведьмами из-за собственных низких мужских слабостей. Извечное надругательство над красотой женщины — той самой Парамрати, что так влечет тебя, — зависть, ревность и злоба так и выются вокруг красоты. Миллионы миллионов женщин тысячелетия погибали в произведении на свет человеческого рода, в непосильном труде, жертвуя собой ради детей и мужчин. Скольких гнали кнутом по степям, лесам и пустыням, привязанных к выючным животным в качестве военной добычи, разлучив с родиной, детьми и близкими...

И человечество с тех самых пор, как кончились поклонение женщине и ее власть, забыло, что женщина не только красота, не только мать, но и воспитательница человека, не только ребенка, но и мужчины. Вспомни о глубине первобытной души над чашей Ом и поймешь, что воспитать человека — это главная задача для всего будущего Земли, более важная, чем накормить его. Я говорю это тебе для твоих размышлений во время предстоящего испытания.

Попробуй побыть наедине с собой, перестрадать заново все свои горести — увидишь сам. Очень страшно оказаться самому с собой без выхода и возможности уйти, но мы выдерживаем это годами на пути к совершенству. Не бойся, я буду с тобой и узнаю, что тебе нужна помощь... — гуру помолчал и затем обвел рукой снежные вершины.

Здесь, в царстве высоты и света, легче чувствовать себя возвышенным над самим собой и другими, легче быть хорошим. Но в молчании и мраке выдержать гораздо труднее... Там, за Гауризанкаром есть гора такой же высоты, как и Трон жреца, Аннапурна. На ней мало снега, и она не носит такой великолепной снежной короны — слишком круты, слишком гладки ее почти отвесные каменные кручи. Вот эта грозная, отвесная, обледенелая круча Аннапурны, лишенная всего живого, не блестящая переливами света, а вечно хмуриющаяся серым камнем и неимоверно трудная для подъема, и есть то, что тебе предстоит сейчас. Решаешься ли ты, сын мой?

Тамралипта с тревожно забившимся сердцем облизнул пересохшие губы, но упрямо кивнул.

— С тобой, учитель, когда ты обещал мне свою помощь, я не боюсь ничего. Пусть испытание свершится как можно скорее.

ТРОПИНКИ ТЬМЫ

Тихо и пустынно было в Бхутесварском храме Шивы. В эту яркую лунную ночь все его население отправилось на праздник в городок. Никто не видел, как к боковому входу подъехала повозка. Из нее вынесли закутанную в огромное покрывало, связанную, задыхающуюся, измученную Тиллоттаму. По указанию Крамриша девушку понесли не в храм Шивы, а в древнее святилище, примыкавшее ко второму двору, где главный жрец заранее подготовил потайное помещение, охраняемое верными приспешниками. Тиллоттаму освободили от душного покрывала, развязали, бросили на убогую постель и удалились — все, в том числе и Крамриш. Девушка лежала в темноте, отдыхая после тяжелой дороги, — посланцы Крамриша не особо церемонились с ней, опасаясь полиции. Самые безотрадные мысли теснились в голове девушки. Возвращение назад, в плен храмовой жизни, в рабство Крамришу было невыносимо и Тиллоттама чувствовала, что она больше не сможет жить прежней жизнью. Девушка боялась жестокого и безжалостного Крамриша и страшилась будущего — этот привыкший повелевать беззащитными женщинами храма жрец мог позволить себе любую низость.

Сквозь щель наспех сколоченной двери в каменную клетку Тиллоттамы пробивались узенькие лучи лунного света. Где-то вдалеке шептались два сторожа — им, очевидно, было не по себе в старом храме, наполненном привидениями и духами тьмы. Девушка незаметно для себя забылась тревожным сном и очнулась, лишь почувствовав на себе тяжелый взгляд Крамриша.

Несомненно, уже наступил день, но сюда, в глубину каменного мешка, не проникали звуки окружающей жизни, и огонь жаркого солнца, пылав-

шего снаружи, здесь не мог превратить тьму в сумерки, оставляя мрак властвовать во всех углах и подземных проходах.

— Встань, Тиллоттама! — приказал жрец, и испуганная девушка послушно поднялась. — Подойди!

Девушка осторожно приблизилась. Довольная усмешка искривила тонкие губы жреца.

— Следуй за мной в Тиртха, место священного омовения, и я совершу обряд очищения тебя, побывавшей в мире. Я все знаю о тебе, можешь ничего не говорить. И прощаю тебя, хотя следовало бы наказать. Пусть все будет по-старому, идем.

Пока жрец говорил, перед девушкой пронеслись все дни ее существования в храме. Наступали роковые минуты, и, странно, чем ближе они были, тем больше мужества вливалось в быстро колотившееся сердце девадази. Подчиняясь этой внутренней силе, Тиллоттама покачала головой.

— Нет, не будет по-старому, — едва слышно проговорила она, — я больше не могу. Отпусти меня, господин!

Крамриш вскинулся, словно сраженный кинжалом.

— Что? Ты смеешь противиться?! — вскрикнул жрец, сдавливая запястье девушки. Она резким и сильным движением вырвала руку.

— Я больше не могу, — звонко повторила Тиллоттама. — Я была покорна тебе, хоть и не любила тебя, но... теперь не буду. Я хочу уйти, пусть на погибель, на нищету и голод, но здесь мне больше не жить.

Жрец почувствовал твердость решения наложницы. В первый раз кроткая и покорная девадази так дерзко говорила с ним. Обманутые ожидания, неутоленная страсть вскипели во властной душе жреца. Крамриш схватил девушку, сжал так, что она вскрикнула от боли, и повалил на постель. Тиллоттама молча боролась, как загнанное в западню животное, без надежды на победу, но не сдавалась. И сильное, гибкое, годами упражнявшееся тело танцовщицы, вместо привычной покорности вдруг оказало необычайное сопротивление. Она столкнула жреца с ложа, отбросила назад раз, другой, третий. С рычанием, оскалив зубы, Крамриш ринулся на девушку и схватил ее за горло, готовый убить. Девадази охватил ужас, когда она почувствовала, что жестокие руки ломают ей шею. И девушка, извернувшись, изо всей силы ударила жреца ногой в пах.

С хриплым воем Крамриш упал, перевернулся и скорчился на каменных плитах.

Обессиленная Тиллоттама, задыхаясь, лежала почти без чувств, едва соображая, что происходит.

Жрец отлежался, со стоном поднялся, осторожно выпрямился и вышел. Тиллоттаме показалось, что прошел всего миг, как Крамриш появился вновь, неся длинную цепь.

— Бас¹! Ты получишь все, что заслужила, мерзавка,— злобно прошипел жрец, рывком поднимая девушку за пояс. Потом сорвал с нее пояс, чоли — короткую, открытую сзади блузку, юбку из куска красной ткани, сдернул браслеты и ожерелья. Обвил нагую девушку принесенной цепью, замкнул замок и прикрепил другой конец цепи в углу клетушки. Распахнул дверь и, небрежно сгребая ногой одежду, вышвырнул ее наружу, вернулся и, скрестив руки на груди, застыл в неподвижности. Его мрачные глаза горели яростью и угрозой, он кусал губы и шумно дышал. А у Тиллоттамы, наоборот, прошел весь страх, в ее душе нарастало мужество и возмущение, крепло желание сопротивляться, биться с этим надменным и спесивым тираном, никоим образом не уступать ему. Беззащитная, загнанная в западню, во власти жестокого самца, привязанная к стене цепью, она уже ничего не боялась. Вся ее природенная гордость, стремление к лучшему, мечты о светлой жизни с особой силой вспыхнули в ее душе и придали девушке небывалую твердость.

Она спокойно и медленно выпрямилась и бесстрашно встретилась с глазами жреца. Крамриш заскрипел зубами.

Тиллоттама гордо откинула назад голову.

Жрец пожирал глазами девушку — еще никогда она не казалась ему такой прекрасной и желанной. Открытая дверь освещала ее всю с головы до ног. Презрительно поднятый кверху носик и сжатые губы маленького рта придавали ее лицу что-то детское. Но в повороте головы, сдвинутых прямых бровях, опущенных длинных ресницах читалась упрямая решимость.

Плотно сомкнутые сильные ноги легко держали натянувшееся струной и чуть выгнувшееся вперед тело. Выше круглых колен линии тела Тиллоттамы очерчивали чудесную амфору широких бедер, переходивших в тонкую поясницу. Круглые и широкие в основании крепкие груди поднимали вверх нежно-пурпурные соски в том же вызывающе презрительном порыве, как и откинута голова со спадавшими назад косами. Маленькие детские ладони лежали на крутых и плавных изгибах бедер, поддерживая согнутые в локтях руки. Глубокая и узкая ложбинка между грудями Тиллоттамы темной полоской выделялась на теле и ниже переходила в желобок, разделявший сильные мышцы живота, намечавшиеся квадратными выпуклостями под гладкой кожей. Прекрасная дева дази нечаянно приняла позу, воспроизводившую священный символ женского тела незапамятной древности — амфору лона жизни, воспрянувшую ввысь на стройном стебле сомкнутых ног... Амфора, могущая вместить непрерывность поколений, очерченная кругом из вершины треугольника лобка, как из центра. И из амфоры снова поднимался стебель тонкой талии, несущей устремляющиеся вперед груди, обращенную к звездам голову, ищущую бога на небе и на земле...

¹ Довольно.

Но Крамриш не видел ничего этого. Он смотрел на Тиллоттаму, не отрываясь, и красота девушки только больше озлобляла его, заставляя острее чувствовать свое унижение, порождая жгучее желание мести. В распаленном яростью и звериной похотью мозгу проносились планы жестокого надругательства над непокорной наложницей, хотелось унижить, замарать эту гордую красоту, оставшуюся чистой и милой, несмотря на плен, на рабскую цепь.

Девушка стояла перед своим бывшим повелителем, сама изумленная невесть откуда взявшейся у нее отвагой и упрямством. И хотя она понимала, что надеяться ей не на что, помощи ждать неоткуда, однажды зародившийся огонь борьбы за свою душу, за свое достоинство разгорался все сильнее и более не мог угаснуть...

* * *

В монастыре Ньялам-Дзонг ревели трубы, пронзительно зывали раковины, тупо и глухо гудели барабаны — шло обычное богослужение. Монахи, склонившись над стопками листов, испещренных тибетскими надписями, нарочито низкими голосами нараспев рычали молитвы. Особенно старательные ревели так, что успели охрипнуть, прежде чем колокольчик настоятеля прозвенел в последний раз. Свисавшие сверху полотнища бурханов, священных изображений, еще колыхались от сквозняка после ухода монахов, когда в храме вновь собрались старшие — настоятель, казначей, врач, астрологи и посвященные ламы. Настоятель негромко заговорил:

— Наш гость, почтенный художник Тамралипта Дхумар, обратился к нам с просьбой подвергнуть его испытанию уединения. Наш священный гость бхагаван Дхритараштра тоже просит за художника. Только он просит изменить нашему обыкновению и открыть подземелье раньше, чем минует срок самой низшей ступени — один год. Бхагаван считает, что художник не выдержит долгого заключения, поэтому просит открыть подземелье сразу же, как он почувствует, что испытываемому плохо.

— Зачем тогда ему подвергаться испытанию, — слегка презрительно спросил казначей, — что он достигнет, пробыв там неделю?

— Бхагаван Дхритараштра хочет, чтобы художник сам увидел свою неспособность к Пути и понял, что должен возвратиться в мир. Прельщенный покоем нашей жизни, красотой и светом Гималаев, художник молит гуру позволить следовать за ним. Бхагаван не считает его пригодным...

Присутствующие понимающе закивали головами — пусть будет так!

— Позовите уважаемого гостя — художника! Он в келье высокочтимого гуру, который готовит его к испытанию!..

Появился гуру с Тамралиптой, закутанным с головой в широкий плащ. Торжественная процессия с бормотанием молитв, ударами в литавры и гудением в раковины спустилась в нижний этаж монастыря — высеченный в скале подземный храм. Колеблющиеся блики от светильников побежали по стенам, расписанным красочными изображениями беснующихся духов ада. Храм был заставлен многорукими статуями, жертвенниками, витринами с грудями статуэток бодисатв. На колоннах висели страшные маски, изображения грешников с содранной кожей, венцы из черепов, громадные тибетские буквы — начальные в словах священной формулы «Ом мани падме хум».

За храмом подземелье продолжалось широкой короткой галереей и заканчивалось тупиком.

Шествие остановилось. Провожатые столпились в тупике и высоко подняли светильники. Стало тихо. Сердце Тамралипты сжалось, и он оглянулся. По обе стороны зияли чернотой два узких отверстия — настолько узких, что пролезть в каждое из них можно было лишь лежа на боку. Эти узкие щели вели в подземные камеры. В них испытуемые замуровывались заживо на определенное число лет, достигая высочайшего совершенства. Обе темницы были пусты — уже несколько лет в монастыре Нялам-Дзонг не находилось людей, стремившихся возвысить себя столь устрашающим путем. Правая темница была приведена в порядок, вычищена и приготовлена для молодого художника. Тамралипта содрогнулся, увидев рядом с черной щелью заслонку — хорошо обтесанную плиту, точно пригнанную по размерам отверстия.

Ее должны были смазать глиной и вдвинуть ребром в отверстие, оставив над плитой лишь узкое пространство, достаточное, чтобы просунуть руку. По расчету плита немного выдавалась в галерею, иначе невозможно было уцепиться за нее при освобождении узника. Верхнее ребро выступающего конца образовывало полку, на которую ставилась ежедневная порция воды и пищи. Узник мог доставать пищу рукой, но отверстие для руки изгибалось под прямым углом так, что даже ничтожные количества света, которые могли пройти в тупик подземелья, когда в нижний храм входили со светильником, совершенно не попадали в камеру...

Настоятель подошел к Тамралипте и снял с него покрывало. Художник остался совершенно обнаженным. Все волосы на его теле были выбриты, с утра произведены очистительные омовения. В подземелье не было холодно, но художника охватила дрожь. С опущенной головой он по очереди подходил к каждому из сопровождавших его лам. Тот шептал какую-то молитву и, окончив, слегка подталкивал испытуемого по направлению к темнице. Последним был настоятель. Он брызнул на художника водой из священного озера и внезапно громко закричал, отворачивая лицо от Тамралипты и делая отстраняющий жест обеими руками.

Заранее предупрежденный художник опустился на колени — ужасная минута настала. Он осмотрелся отчаянным, ищущим взглядом, пока не встретился глазами с гуру. Исходившая из этих удивительных глаз ободряющая сила придала ему решимости.

Ламы запели какой-то гимн своими низкими, ревущими голосами и все разом протянули к нему руки с раскрытыми ладонями. Гуру подал едва заметный знак. С тоской и страхом Тамралипта простерся на полу перед черной щелью, повернулся на бок и втиснулся в узкий лаз. Его высокая грудь с развитыми мускулами не пролезала, и ему пришлось выдохнуть воздух и сдвинуть плечи. Теснящая тяжесть каменной западни на мгновение показалась смертельной, но он уже проскользнул в непроглядный мрак камеры. Тамралипта обернулся, светящийся прямоугольник отверстия выглядел невероятно узким, таким узким, что нечего было и думать выбраться обратно... будто художник не проник только что через него в камеру. Слепой животный ужас попавшего в западню зверя затемнил сознание Тамралипты. Он хотел закричать, но горло сжалось — вырвался лишь невнятный вопль. Он не мог видеть, что в это время шесть сильных монахов быстро обмазали камень глиной с известью, придвинули к щели отверстия и тщательно выровняли.

Тамралипта уже лег на бок, чтобы вырваться, во что бы то ни стало вырваться обратно, навсегда отказываясь от своего безумного опыта. Где ему, простому и жалкому человеку, пробовать тягаться с великими подвижниками, гигантами духа и мысли. Едва сообразив это, художник уцепился скрюченными пальцами за край отверстия, чтобы просунуть туда тело, как вдруг почувствовал легкий толчок в голову. Это вдвинулась тяжелая плита, наглухо закрыв всякую возможность немедленного возвращения. Вне себя от ужаса Тамралипта стал биться о камень, но плита ничем не отличалась от неподвижности окружающих гладких каменных стен. Обезумев от страха, художник заметался, завопил — безответные стены поглощали его отчаянные крики. Страшнее всего была мысль, что гуру не узнает, когда нужно освободить Тамралипту, что даже его сверхъестественный пронизательный взор не сможет проникнуть сквозь толщу камня. Ему придется провести здесь годы, может быть, умереть в западне. Эта мысль приводила художника в исступление, и он метался и бился в устрашающем мраке и абсолютной тишине. Сердце бешено колотилось и подступало к горлу. Тамралипта выл от страха, судорожно лоя ртом воздух и чувствуя, что задыхается в каменном саркофаге. Наконец он упал, едва живой от утомления, и забылся в полусне-полуобмороке.

Очнувшись, Тамралипта никак не мог осознать окружающее, ощутить себя живым. Сначала ему показалось, что он потерял все пять чувств, но вскоре убедился, что осязание, во всяком случае, сохранилось. Хриплые отрывистые звуки собственной речи убедили его в том, что он слышит, запах сырой глины показал, что есть и обоняние. Но зрение ничем не могло доказать своего существования — настолько глубокий был

мрак в подземной темнице. Художник принялся обследовать камеру. Потребовалось немало времени, чтобы определить форму камеры — лежащее яйцо с тщательно выглаженными стенами. В центре углубления был сток — узкий колодец, пробитый на неизвестную глубину. По-видимому, с другой, верхней стороны яйца, существовала вентиляционная труба, потому что воздух в камере был достаточно свеж и лишен запаха. Где-то во мраке он натолкнулся на новую циновку и долго ползал по полу, пока не нашел место, где было можно лежать, не скатываясь к центру. По запаху глины Тамралипта отыскал отверстие для пищи и на первый раз пролил почти всю воду и половину жидкой каши из цсамбы, пока втаскивал внутрь через изогнутый проход чашку и низкий медный чайник. Прежде чем поставить посуду обратно на полку, художник проделал несколько упражнений, пока не научился проносить сосуды без наклона. Никогда еще он не обходился столь малым количеством предметов и пищи — циновка была его единственной вещью, а маленький кувшин воды и чашка жидкой каши составляли весь суточный рацион. Вспышки животного страха повторялись не раз, но Тамралипта научился справляться с ними, и они становились все короче и короче. Другим мучением художника сделались звуковые галлюцинации. То он просыпался и вскакивал в надежде и тревоге, услышав в полузабытьи чьи-то голоса. То окликали из мрака самые разные люди его прошлого, то чудились отдаленные призывы о помощи, казалось, проникавшие в толщу каменных стен, и он прислушивался к ним в дикой тревоге, что монастырь горит, и он будет погребен под пеплом пожарища. В конце концов его измучила музыка, звучащая тихими песнями или перебором струн вины из отдаленного конца темницы. Постепенно музыка становилась все громче — целый оркестр играл где-то вверху под сводом подземелья, не давая узнику ни минуты покоя. Музыка прекращалась, когда художник кричал что-нибудь, говорил или принимался петь. Но странен был звук собственного голоса, и он становился все более странным по мере того, как шло время в этой абсолютной тишине и мраке.

Тамралипта перестал говорить с самим собой, а потом как-то незаметно и прекратились слуховые галлюцинации. Художник стал понимать смысл жестокого заключения — человек постепенно избавлялся от всех ощущений, наполнявших его ум. Очищался от всего, что мешало отойти от суетной жизни, чтобы чистая, как лучшее зеркало, душа могла отразить всю безмерную глубину космоса. Но душа Тамралипты не могла избавиться от образов памяти, возникавших во внутреннем зрении и становившихся все ярче по мере того, как уходили призраки страхов, телесных ощущений и звуков. Вместе с яркими зрительными видениями все тревоги и надежды продолжали жить в душе художника — вот почему были нужны годы заключения во тьме, ведь душа очищалась от этих

столь могучих чувств... Самое большое место в видениях Тамралипты занимали образы Парамрати, а среди них — Тиллоттама.

Тиллоттама мечтательная, озаренная рассветом перед статуей якшини, серьезная в танце во время храмовых обрядов, с гордостью и страданием выпрямившаяся у колонны на грани наступающей ночи...

Мрачные колонны уходят в темную высоту, между ними — сумеречный свет, а в середине косой столб падающих из аркады лучей. Заунывна и печальна песня индийских скрипок — саранги и саринды начинают отрывистыми вскриками, в которые влетают звенящие струны ситара и вины...

Тамралипта не смотрит на других танцовщиц — он весь ушел в созерцание Тиллоттамы. А она отвечает лишь нэтрой, глазами, в которых печаль, радость и любовь... да, любовь!

Глаза ее, темные и глубокие, смотрят искоса, говорят: для тебя, милый, для тебя, моя радость.

Вот оркестр притих, только саринда и вина медленно чередуют нежные звуки. Прекрасная девадази ступает осторожно, пугливо, поднимая руки, ладонями вперед, вровень с висками. Каждый шаг — на кончиках пальцев, легкая, звенящая серебряными колокольчиками поступь. Глаза прикрыты длинными ресницами. Тиллоттама изгибается, покачивая плечами из стороны в сторону...

Звучит другая мелодия — быстро звенят, заглушая друг друга, ситар и вина, музыканты сильно рвут струны, скользят пальцами по грифам. В этой мчащейся мелодии высокие ноты саринд как крики восторга, как стоны печали, и в ответ им резко звенят колокольчики ножных браслетов танцовщицы. Руки гибкие, точные в каждом движении, отталкивают, отстраняют и, вскидываясь вверху, зовут и молят. Груды, плотно охваченные полированными, обрамленными серебром деревянными чашами, гордо поднимаются и робко прячутся под полосой голубой вуали в такт глубокому взволнованному дыханию... Вот настойчиво, повелительно зазвенели маленькие медные литавры, рассыпаясь дробной, нетерпеливой дрожью. Исподволь глухо и сурово звучат непреклонные барабаны. Тиллоттама замирает, выпрямив согнутые ноги, отступает назад, выгибаясь так, что черные косы ее ложатся на пол. Страстная дрожь пробегает по телу, по мышцам обнаженного живота, смуглых сильных рук. Нахмурив брови, девушка убыстряет темп танца, задевая браслетами друг за друга, отчего колокольчики звенят непрерывно и громко. То одна, то другая нога принимает на себя легкое тело, выпрямляясь в коленях. С изгибами тонкой талии линии широких бедер Тиллоттамы крутыми волнами вздымаются и опадают то с одной, то с другой стороны, выражая всю силу желания юной плоти. Руки медленно и уступчиво опускаются вниз, трепещут, вздрагивают. Вторя им, склоняется голова девушки с опущенными веками и раскрытыми, как лепестки, губами, а барабаны настойчиво требуют: «еще, еще», учащая темп, и пронзительно всхлипы-

вают саранги. Но вот барабаны умолкли, едва слышна дрожащая медь литавр, хором поднимается к небу грустный напев ситар и саринд... И страстная, исполненная желаний девушка вдруг превращается в тоскующую по крыльям плененную птицу, не могущую улететь. Ее воздетые руки гнутся, как лебединые шеи, поднятая на стройной шее голова и все тело звучат с такой острой тоской по несбывшемуся, далекому и непостижимому, что по рядам зрителей, секунду назад жадно поблескивающих похотливыми глазами, в общем мгновенном порыве проносится вздох неосознанного сожаления...

Две Тиллоттамы сменяли одна другую перед художником — юная женщина, полная чувственной силы, призывающая на себя желание, в котором, как в луче солнца, еще ярче, еще прелестнее цветет ее тело.

И другая — грустная девушка в озарении своих грез, в тоске предчувствующая еще непознанный мир красок и света, звезд и моря — всего, что заставляет устремляться к знанию, как к прохладной воде ручья в пыльный и знойный день.

Тамралипта никогда не знал, какое религиозное значение имели танцы девадази, да это и не интересовало его.

— Танцует и плачет правда жизни,— сказала ему Тиллоттама, и, действительно, неподдельная правда, глубокое чувство всех оттенков жизни звучали в каждом отточенном движении ее танца. А может быть, потому, что она сама уже все испытала? В каких движениях ее дивного тела звенели браслеты тогда ночью в храме?.. Тамралипта сжал зубы в привычной горькой печали. Он гнал от себя подобные мысли, но богатое воображение художника ревниво рисовало зрелище страсти Тиллоттамы и ее владыки, властно царствовавшего в храме любви, созданном грезами Тиллоттамы. Художник вновь и вновь переживал нечаянно увиденную им сцену, жестоко мучаясь и начиная ненавидеть эту женщину, причинившую ему столько страданий. Тиллоттама во власти чувственности грезилась ему чаще, чем Тиллоттама пробуждающаяся.

По этой Тиллоттаме Тамралипта тосковал со светлой печалью. Образы ее, один милее другого, возникали в его памяти. И вдруг внезапно подкрадывались и остро жалили ревнивые мысли о прошлом — увы, и настоящем своей любимой, и он был готов проклясть тот рассветный час, когда встретился с девадази.

Измученный противоречивыми мыслями, Тамралипта неумело молился каким-то богам своей юности. Нагой и беспомощный, он становился на колени во мраке своей темницы и без конца повторял обращенные к скрытому толщей камня невидимому небу мольбы и вопросы.

Что нужно ему? Он любит прекрасную девушку — она не просто прекрасна, но является воплощением идеи художника. Редкое на земле счастье выпало ему — встретить ее! Но вмешалось что-то ужасное, с чем он ничего не может поделать. Ни он, ни Тиллоттама, ни всемогущие

боги — никто не властен над прошлым. А девушка, наверное, полюбила его. Ее жизнь — он знает — несчастна, а он мог бы улучшить ее судьбу.

Не все ли равно ему, что ушло и уйдет в прошлое, когда великое счастье рядом, ждет его? Почему, как только всей силой любви он тянется к ней, ужасный демон ревности отравляет его кровь, причиняет такую боль, что он готов бежать от нее куда глаза глядят и забыть, забыть?.. Ведь он понимает все, гуру открыл ему глаза на древнее дно души. Неужели не найдет он сил справиться с этим?

Тамралипта не знал, сколько прошло времени в абсолютно однообразном мраке и тишине. Он не знал, когда приносит пищу, днем, вечером или ночью, и не смог проследить, через какие промежутки времени. Казалось что он останется здесь на всю жизнь и никогда больше не увидит красок светлого мира, не услышит голосов и песен жизни, не почувствует радость борьбы и творчества. Здесь нет ничего, только сладостные и мучительные видения его любви, только зрительные картины прошлого существования, казалось, навсегда утраченного.

В один из приступов ревнивых мыслей Тамралипта упорно думал о том, как, может быть, в этот миг, когда он сидит погребенный в темнице, Тиллоттама отдается жрецу. И внезапно пришло озарение. Художник впервые подумал о Тиллоттаме не через себя, не через свою страсть и ревность, а впервые поставил себя на место девадази. Эти новые мысли угасли в пожаре приступа ревности, но не исчезли, а вернулись, укрепились, разрослись...

Пусть не удалась его любовь, отравленная ревностью, пусть он оказался рабом низких желаний древней души, непреклонно жаждущей быть исключительным и абсолютным владыкой ее прошлого, настоящего и будущего. Разве прелестная девадази виновна в том, что он не может примириться с ее прошлым. Это его вина и его беда, но ведь он любит... Для любимой можно сделать многое, и сколько радости, чистой и светлой, может быть в том, чтобы помогать ей в жизни, радовать ее, повести лучшей дорогой? Видеть покой и счастье в любимых глазах!..

Он изначально смотрел на нее только через свою страсть и потому не смог справиться с собой и черной силой ревности. Пусть так! Он не может быть ее возлюбленным, и она никогда не будет его... Но любить ее как свою радость художника никакие силы неба и ада и демоны темной души помешать ему не в силах!

Печаль утраты, тоска о невозможном сжала сердце, но сильнее была радость. Безысходность, терзавшая его долгие месяцы, исчезла.

Пусть сознание того, что Тиллоттама не может быть и никогда не будет принадлежать ему, болезненно, но эта боль иная, чем ужасные страдания ревности. Зато он может многое сделать для любимой...

Он, глухой и неразумный мальчишка, бежал, а не остался, чтобы увести Тиллоттаму в широкий мир, создать образ Парамрати из ее красоты, устроить ей другую жизнь!

Разве не об этом молили глаза девадази при расставании, разве не надеждой загоралось ее лицо при каждой встрече, разве не этого желало и просило ее тело во время танца?

Презренный глупец, раб жалких страстей! Что мог хорошего найти в нем добрый и мудрый гуру, возиться с ним, учить его. Он недостоин ничего, и права карма, наказавшая его ужасной темницей!

Так рассуждал Тамралипта, окрыленный переменой своей души. Ревнивые мысли, тревожные видения продолжали посещать его, но теперь уже не имели полной власти над ним — другая сила появилась в нем так внезапно и так просто! Но в душе художника росла тревога за любимую девушку. Он вспомнил многое из того, что темные стены ревнивых дум заслоняли от духовного взора. Вспомнил, с какой отчаянной надеждой обернулась к нему гордая девушка в час разлуки, вспомнил злобное и безжалостное лицо жреца...

Почему он думал только о себе, о своих переживаниях? А что происходит с Тиллоттамой, оставленной им так внезапно? Ведь он мог разбудить в девушке любовь. Тогда ее стремления, желание другой жизни, так часто проглядывавшееся в ней, только обострились. Показав ей, что любит ее, он тем самым подал ей надежду на свою помощь... Неизбежный конфликт между ней, одинокой, хрупкой и беззащитной, и жестким укладом храмовой жизни, властью главного жреца, быть может, усиливается там без него!

Тамралипта все сильнее тревожился за девушку. Инстинктивное сознание, что Тиллоттаме угрожает опасность, нарастало. Художник снова начал метаться по темнице, вопить в отверстие для передачи пищи. Вновь в нем с ужасной силой вспыхнуло стремление освободиться. Тамралипта пытался безуспешно раскачать плиту. Обламывая ногти, он царапал засохшую глину, кричал и рыдал от бессилия и тревоги за Тиллоттаму. Простершись на гладком каменном полу, он старался в тысячный раз сосредоточить волю в усилении передать гуру свое безумное желание покинуть темницу. Он чувствовал что сойдет с ума, сделается темным и бессловесным зверем, если еще пробудет в этом мраке, беспомощный, ушедший в порыв к Тиллоттаме. Наконец, художник впал в странное забытье — окружающий мрак исчез, — он лежал в серых сумерках и слышал странный шум, похожий на шум прибора. Вдруг перед ним возникла обнаженная Тиллоттама — девушка стояла на коленях. Ее огромные глаза, устремленные вдаль, не видели художника, но губы шептали ясно и звучно: «Тамралипта, помоги!» Художник с криком рванулся к девушке, видение исчезло, но странный сумрак и шум продолжали окружать его. И тогда, собрав все силы ума и воли в небывалом напряжении, Тамралипта позвал гуру. «На помощь, учитель, на помощь!» Этот внутренний крик души был настолько силен, что тело вдруг содрогнулось, и внутри него словно все оборвалось. Тамралипта очнулся, понял,

что по-прежнему лежит во мраке и тишине своей гробницы и, ощущая близкую смерть, потерял сознание.

* * *

Знойные и сонные дни шли чередой, а грозный Крамриш еще не отомстил непокорной девадази.

Несколько дней Тиллоттама провела в полном одиночестве. Потом от главного жреца явилась старая женщина, бывшая девадази, а ныне прислужница в доме Крамриша. Она отомкнула цепь, растерла целебной мазью воспаленную кожу на пояснице девушки, вымыла, одела в принесенную сари, возобновила стершийся красный знак между бровями Тиллоттамы. Сторожа принесли мягкое ложе, поставили столик с лакомствами. Настороженная девушка ждала, что будет дальше.

Но все ушли, заперев дверь, и более ничего не случилось. Никто не пришел и на следующий день. Так, в напряженном ожидании, что перемена к лучшему неспроста, прошла почти неделя, пока, наконец, не появился Крамриш. Пряча недобрый огонь сумрачных глаз, жрец снова убеждал Тиллоттаму вернуться к танцам в храме, говорил, как не хватает ее, нати-жемчужины, среди натрак-танцовщиц, как ждут ее выздоровления многочисленные зрители, которым было объявлено, что девадази заболела. Заметив, что глаза Тиллоттамы затуманились воспоминаниями о танцах, жрец вкрадчиво и нежно стал гладить ее горячими, вздрагивающими от желания руками. Голос Крамриша звучал спокойно, почти монотонно, успокаивая девушку, не видевшую, как раздуваются его ноздри и оскаливаются крупные зубы. Крамриш понял, что настал благоприятный момент. Его рука, незаметно охватившая стан девушки, внезапно стала железной. С победным рычанием Крамриш рванул край сари, но девушка поджала к животу колени, ногами и руками дав отпор натиску жреца. Отброшенный резким толчком Крамриш пошатнулся и рухнул на каменный пол, ударившись затылком, вскочил и в ярости ринулся на девушку. Как и в первый день заключения, завязалась жестокая бессловесная борьба, пока жрец не выбился из сил и не понял, что овладеть Тиллоттамой не может. Тогда в злобном и властном человеке произошла странная перемена. Крамриш встал на колени перед ложем задыхающейся, но неукротимой девадази.

— О, сунахри, золотая моя возлюбленная, по достоинствам равная только себе! Забудь все, что привело тебя к безумной мысли покинуть нас. Клянусь, что я никогда не буду обижать тебя. Я возвышу тебя над всеми. Много редкостных драгоценностей хранится у меня в надежном месте, сотни тысяч рупий лежат в банке — ты станешь богатой. Я подарю тебе дом и сад, жаркие месяцы будешь проводить в предгорьях Гималаев, в прохладных садах Дарджилинга. Что еще нужно тебе, что хочешь

от жизни, что можешь ты, беззащитная сирота, проданная своим первым возлюбленным? Я, видишь, я, Крамриш, стою перед тобой на коленях, закликаю тебя послушаться. Будь по-прежнему моей, вернись в храм...

Так невероятно и необычно было это смирение для грозного и жестокого жреца, перед которым трепетали все женщины, что удивленная Тиллоттама села на ложе и внимательно слушала его. Тронутая, она простила ему вспышку зверской страсти и спокойно ответила:

— Прости меня, господин. Ты видишь, я стала другая, не та, что раньше. Непонятная сила влечет меня, и я все равно не смогу оставаться здесь и жить так, как жила прежде. Я не могу обманывать тебя, господин, и мне не нужны твои деньги. Я знаю — я глупая, маленькая женщина, но, если я доставляла тебе радость, прости меня и отпусти без гнева!

Тиллоттама соскользнула на пол, сложила руки ладонями вместе, поднесла к голове, сделав анджали, жест мольбы, и, умоляюще глядя на Крамриша, повторила «Позволь мне уйти, господин!..»

Несколько секунд жрец стоял против нее на коленях, безмолвно погружив свой взор в глубокие, темные и блестящие глаза девадази. Вдруг Крамриш с грубым проклятием ударил Тиллоттаму по лицу и толкнул ее так, что она упала. Жрец вскочил, судорожно кривя губы и порываясь что-то сказать, потом бешено плюнул на пол рядом с Тиллоттамой и выбежал...

Снова прошли несколько дней одиночества — Тиллоттама инстинктивно чувствовала недобрую волю жреца, обращенную к ней. Крамриш обдумывал план злейшей мести. Девушку продолжали хорошо стеречь, и крепкая дверь была всегда заперта.

Мысли, одна безотраднее другой, донимали пленницу. Почему так сильна у нее тяга к знанию, ко всему, что не дано судьбой таким, как она, женщинам. Живут рядом с ней беззаботные, как птицы, научи и девадази, не жалея и не считая проходящие дни, они рады своей жизни. И на самом деле, насколько их жизнь легче жизни миллионов прочих женщин Индии. А безрадостные вдовы, толпами стремящиеся в храмы, готовые на все ради ночлега и горсти муки? А страшная доля неприкасаемых, вся жизнь которых проходит в грязном беспросветном труде, в презрении и отвращении народа?

Она, Тиллоттама, красивая и хорошо танцующая девадази, разве это такая уж плохая судьба — как это сказал Крамриш — для нищей сироты, проданной возлюбленным...

Все это правда, но правда и то, что она всегда мечтала о другой жизни. Мечтала, не зная ничего, кроме чтения книг, но что еще может позволить себе простая индийская девушка?!

Тиллоттама чувствовала, что ее тело создано для любви, не для этой, оглушающей, как крепкое вино, быстрой и похотливой, исчезающей без следа страсти, охватывающей ее тело и увядающей, словно сорванный цветок. Нет, мучительно хотелось другого, что заставило бы трепетать

и биться каждый нерв ее тела, которое чувствовало бы красоту в объятиях и поцелуях любимого, расцветало бы и звенело в беззаветном и вдохновенном творчестве страсти. Если бы эта страсть не угасала, как набежавшая и схлынувшая волна, а длилась долго, становясь все сильнее и нежнее, тело, славя силу любви, делалось бы еще прекраснее. Еще в тот незабываемый час их первой встречи, став нагая перед статуей, она увидела себя глазами художника. Его порыв восхищения обожестил ее тело, дал ей почувствовать свою красоту, дивную силу очарования. Это расцветшее тело могло бы вдохновить мужчину на высокий подвиг художника, послужить моделью для статуй и картин, подобных тем восхищавшим ее древним произведениям искусства, перед которыми она всегда ощущала силу красоты и любви, могущество творчества и которые ободряли людей на их общем печальном пути от жизни к смерти.

Давно, еще в горении первой страсти, приходила неосознанная горечь, смутное ощущение ненастоящего, неглубокого... И страсть казалась пленом, несмотря на всю свою захватывающую власть. Словно цепями опутывала она душу, унижала, отдавая и подчиняя нелюбимому, а теперь попросту отвратительному жрецу.

Что же такого невозможного, такого плохого в ее стремлении к доброй жизни? Ей всегда было невозможно участвовать в круговороте ссор, сплетен, мелкого соперничества, низких и злобных мыслей, неизбежных там, где люди живут тесной толпой, не занятые серьезным трудом, не понимающие ничего и не верящие ни во что, кроме собственного низкого опыта.

Почему нельзя стремиться к познанию окружающего, узнать больше о звездах, других странах и людях, картинах и статуэтках, стихах и песнях? Разве человек должен знать только свое дело, понимать мир не дальше двора своего дома? Ложе страсти для одного господина, жреца, танец для другого господина, Шивы, а что для Тиллоттамы? Почему жизнь так упорно стремится превратить ее в бессмысленное, не рассуждающее животное? Разве это нужно богам? Ведь потому она и танцует лучше других, что робкие начатки знания, данные ей отцом, разбудили ее природную фантазию, обострили чувства и вкус. Крамриш этого не понимает и не поймет никогда. Не поймут и ее счастливые товарки...

А он, веселый художник, понимает все, что глубоко волнует и привлекает Тиллоттаму. Чудесно и верно говорил он о чувстве красоты, о природе, о жизни. С ним, через него Тиллоттама впервые понастоящему увидела и почувствовала себя, поняла, что еще может сбываться несбывшееся, невозможное счастье. Его внимательные и зоркие глаза, озорные и нежные, его ловкие руки, плечи с буграми могучих мускулов... Она, возвысившись и очистившись в его вдохновенной любви, могла бы стать его моделью, встать вровень с теми дивными женщинами древности...

Но она не кори, она — сорванный цветок и не в одних чистых грезах и стремлениях возникла ее красота. Тамралипта понял это, почувствовал наполняющее его камвасне, любовное желание, и оттолкнул ее. Ему не нужна такая красота... Ну и пусть. Но и она, давно хотевшая убежать отсюда, покончить с покорной слабостью своего тела, овеванная преклонением святого чувства и презрением художника, уже не сможет жить здесь!

Она бежала, и как окончилась ее попытка? Едва почувствовав тревогу и радость освобождения, она снова оказалась здесь, снова стала пленницей. Пленницей, но не рабыней, не наложницей — это от тебя, милый... Тиллоттаме очень хотелось увидеть художника, сказать ему, что она теперь лучше, что она не зинакари, как он мог подумать.

— Милый, не забывай меня, Тиллоттаму,— шептала девушка в безвестное пространство,— помоги мне — мне трудно и плохо! Я ничего не прошу у тебя, только приди, посоветуй в трудный час моей жизни. Он настал, где ты, Тамралипта?

Пошептав в ночном мраке, девушка немного успокаивалась и засыпала, как будто исчезнувший художник и в самом деле обещал прийти...

Развязка наступила, как всегда, внезапно. Ночью она проснулась от лязга дверного запора. Вошел Крамриш с фонариком и свертком. Свет в его глазах отражался злобным торжеством. Молчаливая усмешка и решительные движения дали понять Тиллоттаме, что час испытания пришел, и сердце девушки болезненно сжалось. Собрав мужество, Тиллоттама поднялась навстречу своему бывшему повелителю, который по-прежнему распорядился ее судьбой.

Жрец набросил на девушку плащ и вытащил длинный нож, засверкавший полированным лезвием.

— Только пикни, и все будет кончено! — Крамриш приставил острие кинжала к боку девушки и слегка уколол ее.

Он погасил фонарь, закрыл лицо Тиллоттамы и повлек ее за собой по гулким переходам пустынного храма. Потом они зашагали по мягкой пыли какой-то дороги. Вот о подол сари зашелестела жесткая трава, а они все шли и шли.

Тиллоттама незаметно приподняла уголок плаща — темная ночь в суди, светлую половину месяца, означала, что уже поздно. Не было возможности разглядеть что-нибудь поодаль, а вблизи высились глухие стены. Внезапно появилась узкая железная дверца, зажатая в толще массивного свода. Крамриш достал ключ, с усилием открыл замок, калитка громко скрипнула. Где-то слева залаяли собаки. Жрец быстро захлопнул калитку, протолкнув девушку в обширный, тонувший во мраке сад. Они двинулись в глубину сада, наклоняясь, чтобы не задевать за низкие ветки деревьев, и тогда Тиллоттама догадалась, где находится. Это был дворец древних царей Бхутесвара, давно покинутый, разрушив-

шийся и восстановленный богатым купцом, любителем древностей. Дворец так и остался нежилым, расчищенный сад снова зарос. В главном здании, выходявшем на другую улицу, располагался склад древностей, при котором жил доверенный сторож.

Крамриш и девадази подошли к огромной башне, стоявшей отдельно в конце сада, за которым тянулось мусульманское кладбище. Вход в башню закрывала деревянная дверь с железной оковкой, низкая и толстая. Жрец извлек еще один ключ, под ударом ноги дверь распахнулась, и он опять тщательно притворил ее за собой. Безмолвие ночи, почти не нарушавшееся за все время их пути, здесь было еще более глубоким. Проход тянулся широкой дугой внутри цоколя башни, затем ступени пошли вниз. Тиллоттама, охваченная дрожью испуга, остановилась, но острое кинжала, кольнув ее, опять погнало вперед.

Третья дверь, на этот раз железная, и они очутились в каком-то большом помещении. Жрец зажег четыре светильника на стенах.

Явственно обозначился большой круглый зал без окон с высокими перекрещивающимися наверху сводами. Каменные скамьи двумя рядами кольцевых выступов огибали правильный круг пола — место походило на арену маленького цирка. В стороне, противоположной двери, зиял широкий свод уходившей вниз галереи. На арене стояло кубическое возвышение из камня, закругленное и отполированное с одной стороны. Столбик из черного камня в форме обычного лингама Шивы торчал в самом центре.

— Сядь, — приказал жрец. Утомленная девушка послушно опустилась на нижнюю скамью.

Жрец медленно развернул принесенный сверток, а Тиллоттама осмотрелась, бессознательно ища окно или дверь. В глухих стенах ничего не было. Стараясь понять назначение каменных предметов на «арене», девадази обратила внимание, что столбик располагался точно против отвесной стороны странного камня. Закругленный скат возвышения был обращен к краю «арены». Долго осматриваться Тиллоттаме не пришлось — жрец подошел к ней, держа в одной руке нож, а в другой какие-то блестящие металлом предметы.

— Раздевайся, — повелительно и отрывисто бросил он, замахиваясь ножом. Девушка закрылась с головой покрывалом и зажмурилась, готовая к смерти.

— Рэ, не нужно, — более спокойно произнес Крамриш и бросил нож, зазвеневший на каменных плитах, — покажи руки!

Ничего не подозревая, девушка протянула вперед обе руки. Жрец схватил ее кисти, что-то щелкнуло, сковав руки Тиллоттамы. Девадази с удивлением посмотрела на хатхкари, усовершенствованные английские полицейские наручники. Крамриш принялся ожесточенно срывать с нее скучную одежду. Скованная девушка не могла сопротивляться и лишь прижималась спиной к шероховатой неожиданно теплой поверхности

камня, с ужасом и недоумением глядя на жреца. Тот зачем-то распустил ей косы, завернул и завязал ее волосы узлом на темени. На шее Тиллоттамы защелкнулся старинный железный ошейник — древнее орудие унижения и плена человека, выкованное вручную, встретилось на теле девушки с изобретением нового века, изделием из лучшей стали, штампованным точными и быстрыми машинами.

Крамриш сел, отдуваясь и вытирая лицо. Затем закурил длинную трубку, и резкий запах гашиша, примешанного к табаку, разнесся по странному помещению.

Тиллоттама осторожно подняла скованные руки, рассмотрела зубцы, защелкивающиеся по размерам запястья, попробовала потянуть совсем тонкую соединительную цепочку, но быстро сообразила, что орудие, применяющееся для самых сильных преступников, вряд ли поддастся ее усилиям.

Девушка потрогала ошейник — широкий и выщербленный ржавчиной, он был замкнут позади. Спереди была вделана короткая цепь из трех крупных звеньев. Недоумевая, для чего все это, Тиллоттама попробовала крепость цепи и уловила торжествующую, откровенно злобную усмешку жреца.

— Пора тебе узнать все,— медленно начал Крамриш,— пора узнать, что значит четырежды оскорбить меня. Этот зал,— жрец взмахнул трубкой,— был построен Владыкой дворца, подобно мне оскорбленной женщиной. Четыре столетия он служил для наказания неверных жен и строптивых наложниц. Я решил возобновить обычай царей Бхутесвара — ведь их кровь течет в моих жилах. Я хочу покарать тебя за твои непростительные проступки, ничтожная женщина!

Здесь женщины, преступившие закон верности или непокорные своим повелителям, отдавались неприкасаемым при избранных свидетелях числом не менее десяти. И чем большему унижению хотел подвергнуть женщину повелитель, тем больше приближенных он собирал на зрелище. Здесь,— жрец обвел трубкой каменные скамьи,— помещалось более сотни зрителей...

Девушка слушала, затаив дыхание и широко раскрыв глаза.

— После того,— продолжал жрец,— как ачхут, неприкасаемый, брал женщину трижды, он освобождал ее и кормил плодами манго из своего рта. Тогда наступал патан — она навеки теряла свою касту, сама становилась отверженной панчаи, пятой, и никакие очистительные обряды не могли вернуть ее в лоно прежней касты. Она должна была жить с неприкасаемым в его жалком шалаше, не смела носить больше одежды, чем кусок ткани вокруг бедер, чтобы не оскорбить людей высших каст прикрывая свое тело!

Жрец умолк, испытующе глядя на Тиллоттаму. Девадази, задрожав, начала смутно уяснять назначение каменного сооружения и поняла, что ей предстоит.

Она в страхе оглянулась — нигде ни звука. Глухая безмолвная ночь, и она наедине со своим врагом, властелином, как всегда, наяга, а теперь и скованная...

Девушка отшатнулась, жрец отбросил трубку, ловко ухватился за цепь ошейника, рванул к себе. Тиллоттама уперлась ногами в пол, но ее буквально подняли в воздух, бросили на пол и поволокли вниз на арену. Подтащив ее к камню, Крамриш расчетливо ударил девадази в место, где расходятся ребра, поднял задохнувшуюся Тиллоттаму и поставил перед камнем, опустив ее ступни в углубления с закругленной стороны камня. Затем быстрым и сильным рывком перегнул девадази так, что ее живот лег на закругление, и надел звено цепи на большой бронзовый крюк, вделанный в столбик перед камнем. Передохнув, жрец отошел, посмотрел, нажал на затылок Тиллоттамы, надел на крюк второе звено цепи, еще сильнее нагнув девушку, и запер замок.

Очнувшаяся Тиллоттама пыталась освободиться, но оказалась в совершенно беспомощном положении. Перегнутая через камень, лицом вниз, притянутая ошейником к низкому столбику, она должна была упираться скованными ладонями в столбик, чтобы не упасть на него лицом. Выпрямиться она не могла, не могла освободить и ног, вставленных в углубления камня. Закрепленная в позорной позе девушка не имела возможности защититься от предстоящего осквернения неприкасаемым. После осквернения — патан, несмываемый позор и презрение! В Индии по-прежнему сильны древние обычаи. Жрецы передадут по всей стране из храма в храм преступление брахманской девадази. Но страшнее всего унижение ее самой, только что начавшей отважно отстаивать свое достоинство, осознавать свой собственный путь к светлой и чистой жизни...

Тиллоттама была вне себя от гнева на низость Крамриша. Вот она, месть грязной душонки! Девушка забилась, пытаясь освободиться, но адская выдумка распаленного злобой ума давным-давно истлевшего человека, владыки дворца, хорошо исполняла свое назначение.

— Аманушикта¹, — простонала Тиллоттама, но в ответ услышала лишь довольный смех.

Тогда девадази осыпала Крамриша оскорблениями, назвав его презренным трусом, худшим, чем все неприкасаемые вместе взятые, обещала ему будущее воплощение в облике самых гнусных животных. Жрец схватил узкий ремень от висевшей на его боку сумки и принялся хлестать Тиллоттаму. Девушка стиснула зубы, чтобы не закричать и не дать врагу удовлетворения, хотя резкие удары невыносимо жгли кожу. Внезапно Крамриш опустил руку с ремнем и остановился, тяжело дыша и раздувая ноздри. Искося глянув на жреца, девушка увидела знакомый блеск его взгляда, звериный оскал зубов и опустила веки. Безжалостная рука сдавила ей бедра, горячий живот прижался к ней сзади. Наслаждаясь

¹ Бесчеловечно.

победой над беззащитной девадази, распаленный долгим ее сопротивлением, Крамриш неистовствовал в своей бешеной, звероподобной похоти.

Тиллоттама, путаясь в мыслях, старалась не ударяться лицом о столбик. Когда Крамриш на время оставлял ее, девушка думала о тех безымянных и прекрасных женщинах, которых позорили и мучили здесь четыре столетия. Прекрасных, конечно, иначе, зачем же стали владыки издеваться над ними? Их нежные животы отполировали закругление камня — она чувствовала это собственной кожей, скользкой по гладкой поверхности...

Наконец, Крамриш опустился на скамью и нашарил трубку.

— Бас! Трижды по древнему закону! — удовлетворенно и издевательски сказал жрец.— Возблагодари Шиву, что это не был «пятый»¹!

Тиллоттама не отвечала. Взглянув на нее, жрец увидел, что она лежит лицом на столбике, а скованные руки опустились на пол. Закругленная верхушка столбика глубоко вдавилась в щеку девадази. Крамриш сообразил что его жертве плохо. Он подбежал к Тиллоттаме, отомкнул кольцо, снял с камня и опустил на пол. Девушка вытянулась, содрогаясь, открыла глаза и, увидев склонившегося над ней Крамриша, из последних сил плюнула ему в лицо и снова потеряла сознание.

Крамриш влил ей в рот воды из принесенной фляжки, затем набил трубку и стал неторопливо курить, созерцая распростертую на полу свою голую любовницу.

Близость с Тиллоттамой разожгла давно пожиравшую его неутолимую страсть — теперь он чувствовал, что не сможет выполнить своей угрозы и отдать ее неприкасаемым. Но жрец понимал, что девадази больше никогда не будет его — позорное насилие выжгло в ее душе все остатки уважения и страх, окончательно истребило прежнюю привычку к покорности, существовавшую с тех времен, когда юная и неопытная девушка предательски попала во власть грозного жреца.

Да, только один путь для него — и для нее, — тот, что он предназначает ей. Он не может отпустить ее, не может отдать ее хотя бы из мести, не может и обладать ею. А если так... Крамриш долго курил, безмолвный, суровый, с лицом, изборожденным морщинами гнева и бессилия, не отрывая глаз от пришедшей в себя Тиллоттамы. Увидев, что девушка смотрит на него с гадливым презрением, жрец встал, поднял и снова соединил цепь ошейника с замком столбика-лингاما, положив Тиллоттаму рядом. Потом сунул руку за пояс, вынул ключ и снял наручники. Медленно, не говоря ни слова, обошел залу, погасил все светильники, кроме одного, который вместе со спичками принес Тиллоттаме. Девушка повернулась спиной, но жрец невозмутимо поставил около нее

¹ Пятый, панчай — член пятой касты (париев, или неприкасаемых).

флягу с водой и корзинку с плодами манго, заготовленными для гнусного обряда, и молча пошел к выходу. Еще раз оглянулся на лежавшую на правом боку спиной к нему девушку, и опять его яростным желанием пронзила прелесть ее тела. Тяжелый пучок волос, из-под которого хрупкой казалась стройная шея с маленькими, еще алыми от стыда ушами, прямые плечи, плавный изгиб гладкой спины... глубокая впадинка перед круто поднявшейся вверх дугой бедер... две ямки на крестце над ложбинкой... круглый и широкий таз... слегка согнутая нога с розовой нежной кожей в ямке под коленом... О, Шива! — как хочется снова и снова сжимать, мять, кусать это тело, мучающее его красотой, непонятной и великой властью над всеми его помыслами и желаниями!

Крамриш резко отвернулся и вышел. Звезды едва побледнели перед близким рассветом, с севера ползла тяжелая грозовая туча. Жрец издал тихий свист. Скрывавшийся в кустах человек поспешно подошел к нему. Это был неприкасаемый, заклинатель змей, которого Крамриш выбрал для осквернения Тиллоттамы. Неприкасаемый остановился на узаконенном расстоянии, но даже отсюда было заметно, каким нетерпением горят его глубоко сидящие маленькие глазки.

— У тебя есть хорошая большая кобра, настоящая, с не вырванными зубами? — негромко спросил жрец.

— Нет, господин, сейчас нет, — ответил заклинатель.

— Достань мне ее завтра же и принеси в старый храм, — приказал Крамриш.

— Завтра не могу, господин, если тебе нужен отец змей. Через два дня или к ночи третьего... так вернее, господин...

— Достанешь завтра — пятьсот, послезавтра — двести, на третий день — сто! Смотри сам. Иди!

— Аха, господин? Ты хотел... — неприкасаемый запнулся, — подарить мне жену...

— Молчи, забудь об этом, пес! — в руке жреца блеснул длинный нож. — Беги! — зарычал он грозно, и заклинатель ринулся прочь.

Тиллоттама, избитая и опозоренная, подняла голову и осмотрелась. Горький стыд и отвращение наполняли душу. Крупные слезы бежали по щекам девадази. Неужели не исполнилась мера ее страданий, ее унижения, ее плена в подлой жизни?

Девушка поднялась на колени — встать она не могла, слишком низок был столбик, и подняла глаза к темноте вверху зала. Страстной напряженной мольбой она звала художника Тамралипту.

— Тамралипта! Приди, Тамралипта, помоги! Помоги!

Каждый нерв ее трепетал в безумном порыве, когда она посылала в безвестную даль свой призыв, мольбу, единственную надежду.

Долго стояла на коленях, прикованная за шею к черному мужскому символу Шивы, потом, заливаясь слезами, распростерлась на полу.

ТАНТРА

Тамралипта с повязкой на глазах лежал на чем-то необычайно мягком. Он протянул руку, чтобы сорвать повязку, но ее осторожно удержали.

Подожди, сын мой, скоро настанут сумерки, тогда тебе можно будет смотреть. А пока поешь.

Художнику подали чашку сливок, показавшихся ему невыразимо вкусными. Удобство ложа, голос, живой голос бхагавана с ним рядом — неизъяснимое блаженство, величайшая радость! Но две мысли не давали ему покоя.

— Учитель, как же я не слышал ничего и ничего не чувствовал, когда меня освобождали? Или я,— в страшной тревоге Тамралипта сел,— или я сплю?

— Нет, не спишь сейчас, но спал, когда мы открывали темницу. Так было нужно, я погрузил тебя в сон, иначе потрясение могло оказаться слишком сильным...

— Ты услышал мой призыв, учитель! — с безмерной благодарностью прошептал художник, и по его щекам потекли слезы.

— Услышал,— ласково ответил йог,— но не волнуйся. Три дня тебе надо лежать спокойно в келье, привыкая к миру...

— Три дня? — вскричал Тамралипта, снова поднимаясь.— Невозможно, учитель! Тиллоттама!

— Что с тобой? Ляг. Успокойся,— пытался урезонить его Дхритараштра. Художник послушно лег. Спеша и захлебываясь словами в боязни, что йог остановит его, он рассказал свое видение с Тиллоттамой.

Он не видел нахмурившегося лица гуру, но по долгому молчанию понял, что тот размышляет.

— Это так, сын мой,— серьезным голосом подтвердил йог,— ты достиг, видишь сам, большой силы. Правда, достиг этого великим порывом любви, а не сосредоточием освобождения духа, и твое достижение было мгновенным, а затем ушло безвозвратно... Саг! Оно верно, твоя любимая в опасности!

— Учитель... — с мольбой начал художник, но гуру, молча, нажатием на грудь приказал лежать. По размеренному дыханию йога Тамралипта чувствовал, что тот сидит рядом в молчаливом раздумье. Внезапно гуру поднялся и вышел. Бесконечно долго художник лежал в тревоге и надежде. Гуру снова появился в комнате.

— Выпей это.— Йог вложил в руку Тамралипты небольшую чашку лекарства, сладковатого, вязущего и густого.— Лежи спокойно, не двигаясь.

Мучительное чувство жара, покальвания, необъяснимого стеснения распространилось из-под ребер по всему телу и становилось все сильнее. Сквозь стиснутые челюсти Тамралипты вырвался невольный стон.

— Теперь это...

Одна за другой ко рту художника поднесли две пилюли, и он запил их молоком. Прошло немного времени, и тело налилось небывалой энергией и силой, голова стала ясной и холодной. Йог положил руку на сердце Тамралипты, приказал плотно зажмурить глаза и сорвал повязку.

Свет проник сквозь веки, и голова художника закружилась.

— Встань, открой глаза,— велел гуру. По глазам, нет, по мозгу художника ударил невыносимый свет, на долю секунды он успел увидеть лицо йога, стену комнаты и в беспамьятстве рухнул ничком.

Гуру спокойно сидел около его ложа. Через несколько минут Тамралипта очнулся, сел и широко раскрытыми глазами стал впитывать в себя свет, чудесный яркий свет полутемной комнаты. Художник снова видел, вернулся в великолепный мир вещей, красок, света и тени!

Гуру наблюдал за ним, доброжелательный и спокойный.

— Видишь сам, сын мой, как крепко, всеми корнями чувств — а они у тебя сильны — связана твоя душа с Майей мира. Вынуть все чувства из тебя — значит, опустошить твою душу, поэтому ты не мог бы пробыть во мраке несколько лет. Исчезновение образов и красок мира убило бы тебя, твое Я. Слишком мала была бы ступень восхождения, и слишком дорогой ценой она была бы достигнута! Иди в темный, несчастный, страдающий мир, служи ему силой своего таланта, служи беззаветно, бескорыстно, не давай властвовать над собой злобе, зависти и жадности и поднимешься не на одну ступень совершенства... Люби ту, которую любишь, только без злобы и ревности...

Тамралипта слушал учителя, склонив голову, как древний рыцарь, готовящийся к подвигам и принимая посвящение. Гуру умолк.

— Учитель,— тихо начал художник,— я буду любить ее, только...

И Тамралипта рассказал йогу все, что перечувствовал и понял во тьме заключения прежде, чем потянулся всей душой к Тиллоттаме.

К его удивлению, гуру покачал головой.

— Ты снова думаешь только о себе, сын мой. А у нее тоже живая душа, стремящаяся к чему-то, путающаяся, страдающая, но с чувством верного пути. Никогда не забывай закона двойственности, всесильного в мире Майи, в мире животного и человеческого бытия. Последнее еще очень мало отошло от животной жизни — в этом вся его беда, вся великая запутанность чувств, плутающих между животным телом и человеческой душой. Ты и Тиллоттама — ибо все по-настоящему любящие стремятся слиться воедино — неизбежно будете в мире двумя сторонами этого единства. Помни, что чем теснее вы будете сливаться, тем резче будет противоположность, проявляющаяся в вас. За сильную любовь расплатой будет мучительная ранимость, за красоту — ревность, и так без конца. Помни об этом, не удивляйся этому, не пугайся этого, не давай овладевать собою этим разделяющим порывам, и легка будет твоя и ее жизнь...

— Встань! — спохватился гуру, заметив, что художник опустился с ложа к его ногам. Тамралипта неохотно повиновался.— Девушка полюбит тебя, а если полюбит, неизбежно и естественно захочет быть твоей всей силой своей горячей, открытой души. Как ты поступишь? Убежишь от нее? Нанесешь ей, любящей и милой, еще одну рану, страшнее всех тех, что она перенесла? Нет, ты — хороший человек, сын мой, и она неизбежно станет твоей. Тогда с новой яростью оживут демоны низкой души и погубят вас обоих — она ничем не сможет помочь тебе. Чем сильнее она будет любить, чем с большей страстью отдаваться тебе, тем сильнее тебе будет казаться, что она лишь вспоминает прошлое...

— О, не говори больше, учитель! — с отчаянием взмолился художник.— Что же делать? Помоги!

Глубокие глаза гуру загорелись.

— Черная магия — не сказка, она действительно существует в нижнем мире. Это — не что иное, как сила злобной и нечистой души, но души могучей, покоряющей более слабых. Ей противостоит белая магия добрых мыслей, чистых желаний. Если в этом душа сильна, ей покорятся другие и вокруг будет атмосфера доброты, отражающая и уничтожающая злые силы черных душ. Когда-нибудь все люди поймут это и без суеверия начнут борьбу с черной магией — проявлением темных душевных сил!

Йог поднялся и знаком велел художнику следовать за собой. И опять зашатался Тамралипта перед лицом простора, высоты, света и свежего воздуха. Гуру повел его на верхушку крайней башни, где усадил, оперев спиной о каменную ограду, сел напротив и, словно окаменев, ушел в себя.

Прошел час или больше, синий плащ вечера уже полз по склонам, а йог все не шевелился. Тамралипта не решался заговорить или переменить положение...

В далеком крутом ущелье на юго-запад от монастыря на высоком уступе, поджав ноги, в такой же каменной неподвижности сидел молодой человек с длинными волосами, узлом завязанными на затылке.

Закатные тени превратили склоны ущелья в синие стены с красно-золотыми гранями в местах, где скользившие вдоль ущелья лучи солнца падали на выступы и ребра скал. Грозные синие пики и острые пирамиды виднелись вверху, в просветах ущелья. Внизу, в полутьме, белели пенные воды бурной реки. Большая хищная птица упала с неба, едва не коснувшись головы сидящего, широко раскинула крылья и секунду реяла в воздухе перед его лицом, затем исчезла в глубине ущелья.

Сидящий только повернул голову в направлении монастыря Нялам-Дзонг, не двинув ни рукой, ни ногой.

Прошло полчаса. Внезапно он бодро встал, оглянулся, приложил руку ко лбу и несколько минут расправлял плечи, очень медленно вдыхая и выдыхая воздух, затем ловко и быстро стал спускаться в долину.

Гуру на башне монастыря поднялся, помолчал и позвал Тамралипту.

— Пойдем, сын мой, тебе надо отдохнуть перед долгим путем. Он доведет тебя до роц деодоров за перевалом. Там англичане меряют леса и считают деревья. У них есть этот — не знаю, как называется,— аппарат, который летает, он похож не на птицу, а на насекомое... Ты дашь начальнику крупную сумму рупий, и летающее насекомое доставит тебя в Катманду, столицу Непала. Оттуда ты сам найдешь свой путь!..

— Учитель, у меня осталось лишь тридцать рупий... — смущенно заговорил художник. Йог жестом велел ему замолчать и повел в свою келью в верхнем этаже средней башни.

— Снова я думал о твоей любви, Тамралипта, о твоей любви... Если ты весь во власти Майи и твоя душа — айна — зеркало Майи, а не зеркало бездонных глубин сущности мира, то, кроме Тантры, у тебя нет пути. Тантра — ты ведь знаешь санскрит — ткань. Ткань покрывала Майи, которую ткут от рождения до смерти все наши чувства в нашем уме, в памяти, в словах. Путь Тантры — расплести, пережить и прочувствовать все нити ощущений во всех оттенках и всех извилинах по сложным узорам покрывала Майи. Этот путь вовсе не легкий, он тяжел и опасен...

— Опасен? Почему же, учитель? — тихо прошептал Тамралипта.

— Потому что, погрузившись в чувства, развивая их до крайних пределов остроты и глубины переживаний, наслаждений и ощущений, надо оставаться господином над ними. Иначе — безумие, разложение и развал души... Надо пройти по лезвию ножа над пропастью, наполненной страшными призраками страха, злобы, зависти, неутолимой жадности... Тантра — путь неблизкий и трудный, но только он годится для людей с душой, родственной душе древних лемурийцев. Он был придуман лемурийцами задолго до того, как мудрецы Индии разработали великую систему веданты¹ и йогу.

— Но смогу ли я, учитель, одолеть этот путь? Я ведь простой, обычный человек обычной судьбы...

— Я верю и чувствую, что сможешь. Два крепких стержня будут держать твою душу — стремления художника и любовь. Любовь и будет твоей Тантрой. Слышал ли что-нибудь о Шораши-Пуджа?

Тамралипта беспомощно улыбнулся.

— Шораши-Пуджа — поклонение женщине, это — главный и самый древний из всех тантрических обрядов.

Он ведет свое начало от давно прошедших времен владычества женщины на Земле. С помощью его ты сможешь одолеть демонов своей ревности. Слушай и старайся запомнить,— и Дхритараштра коротко объяснил художнику сущность тантрического обряда.— Только помни,— закончил

¹ Веданта (конец) — наиболее распространенное индуистское религиозно-философское течение. Целью бытия веданта считает «освобождение», достижение изначального тождества индивидуального духовного начала (атмана) и брахмана (вечный несотворенный брахман есть высшая реальность и причина всего сущего).

йог, — Шораши-Пуджа можно повторять не один раз, пока не совершится полное очищение красотой и любовью, в чем и состоит суть обряда. Если же во время обряда она станет твоей не до конца, то ты упадешь с лезвия ножа на растерзание всем демонам черного дна своей души. Во что бы то ни стало удержишься на высоте, пока не наступит время, и удерживай ее. Но прежде всего расскажи ей всю правду, ничего не скрывая. Тогда она будет тебе помощницей, а не врагом, как может получиться.

— Учитель, а как я узнаю, что время пришло? — с опаской и недоумением спросил художник.

— Узнаешь, — улыбнулся гуру, затем, переменяв тон, серьезно и грустно сказал: — Пора тебе отдохнуть, и спать надо крепко — завтра с утра начинается великий путь. Я поясню нашим гостеприимным хозяевам, что твой поспешный отъезд — жизненная необходимость, а не нарушение правил почтения и признательности. Простимся, ты больше не увидишь меня, и мне грустно... Велика сила привязанности, тяга души к душе сквозь все стены Майи...

— Учитель... — горестно выговорил Тамралипта, чувствуя, как заныло сердце от внезапной тоски. Только сейчас он понял, как велика его любовь и преклонение перед этим безгранично добрым, поразительно умным и скромным человеком. Его великое превосходство никогда, ни на секунду не подавляло и не угнетало художника — ничего, кроме чистой доброжелательности, не исходило от этого мудрейшего из всех известных Тамралипте людей.

— Не огорчайся, так суждено нам обоим. Иногда быть может, я буду с тобой, буду смотреть на тебя с той стороны порога и даже помогу доброй мыслью. Помни, сын мой, в особенности в Тантре, где действия наши не полностью подвластны сознанию, что мысли — хорошие и добрые, злые и гнусные — живут собственной жизнью и имеют свое назначение и, раз порожденные, вливаются в поток действий, определяющих карму, твою собственную и других людей, даже всего народа. Поэтому держи их крепко, не давай цвести в твоем уме недостойным думам!.. А теперь... — гуру вытащил из угла маленький деревянный сундучок, служивший сидением, открыл его и передал художнику толстую пачку денег. Тамралипта глянул на бумажки самого крупного достоинства и ахнул, поразившись огромностью суммы.

— Зачем мне, учитель? Я не могу взять столько, — запротестовал он, но добрая повелительная сила гуру подавила его сопротивление.

— Именно тебе-то они и нужны в решительный час твоей жизни. И помни, сын мой, — вдруг возвысил голос гуру, — что сейчас ты вступаешь в нижний мир, и одной духовной силы тебе будет недостаточно! Прощай!

Не в силах сдержатъ льющиеся слезы, Тамралипта упал к ногам мудреца, но тот силой поднял его, заставил взять оброненную пачку денег и подвел к выходу. С болью в сердце, по-детски утирая слезы длинным

рукавом халата и зажав в кулаке деньги, художник в последний раз увидел огромные, почти круглые глаза учителя под нависшими бровями, тонкий горбатый нос, короткую седую бороду, резко очерченные запавшими щеками скулы. Не помня себя от горя, Тамралипта добрал до своей кельи, рухнул на постель и внезапно уснул глубочайшим сном. Прошла, казалось, всего секунда, как он вошел в темную келью, а его уже тряс за плечо незнакомый горец с темным лицом. У ворот монастыря ждали две лошади. Тамралипта был плохим ездоком — занятый лошадью, он повернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на монастырь, но уже было поздно — они спустились в ущелье прямо под монастырем.

Только с перевала, издали, Нялам-Дзонг, залитый рассветным сиянием, показался ему не твердыней с железными стенами, а храмом добра и горячего участия.

Сопровождаемые криками хищных птиц, преодолевая сопротивление сильного ветра, они двинулись вниз с перевала, и монастырь исчез из вида, чтобы больше не появляться. Прошли невозвратно дни созерцательного отстранения от мира — надо было действовать быстро и непреклонно. Удивляясь сам себе, художник почувствовал, что переполнен энергией и силой. Возвращение в самую гущу человеческих забот, тревог, напряженных ожиданий и нетерпеливого расчета не страшило, а заставляло устремляться вперед и вперед.

С перевала они ехали вниз с небольшими подъемами и поворотами около двадцати миль. И все теплее становился воздух, приветливее долины, слабее ветер.

К вечеру ноги усталых лошадей ступили на обширное плоскогорье, поросшее сухой золотистой травой и обрамленное желтыми обрывами. Путники взобрались на холм, где торчали большие, гладкие, как плиты, глыбы камней. Здесь нашлось укрытие от ночного ветра, прошла ночевка, первая ночевка на просторах свободного мира, мира обмана чувств, мира Майи — как сказал бы гуру, драгоценный утраченный наставник. Снова горечь разлуки охватила Тамралипту. Он оглянулся и замер.

На севере, там, где он провел столько дней, откуда они спускались с рассвета, громоздились необъятные горные массы. Все плоскогорье, залитое лучами низкого солнца, превратилось в поляну матового светлого золота, вспыхивающую там и сям зеркалом драгоценного металла. С юга плоскогорье ограждала красно-золотая стена обрывов, а за ней высились горы, сплошь подернутые синей дымкой. Чистейший синий цвет самых разных оттенков — ближние невысокие холмы заливал темный ультрамарин, на грани с золотой стеной царили ярко-фиолетовые тона. Дальше к югу гряда становилась светлее, синяя дымка скрывала все рытвины и впадины. Мягкие округленные очертания вершин напоминали складки толстой ткани, волны гигантского синего покрывала. Воздушны, легки и чисты были удаленные, приближавшиеся к родине горные цепи. Ласково звала к себе эта синяя страна, и новая радость пришла к Тамралипте...

Не та холодная и бодрящая, что рождалась при созерцании снежного великолетия Гималаев, а другая, слегка печальная, что возникает при встрече с живым, мгновенным и прекрасным и является бессознательным пониманием неизбежности утраты.

Ведь это само покрывало Майи! Внизу темное, фиолетовое, потом ультрамариновое, чистое, ласкающее взор, но непроницаемое... Дальше и выше — все голубее, прозрачнее, легче эта ткань, все ближе к бездонной прозрачности неба...

— Хорошо! — не то подумал, не то почувствовал Тамралипта. — Все будет хорошо!..

Утром они уже пробирались по широкой тропе среди огромных деодоров, шумевших под свежим ветерком, как бы приветствуя возвращение художника.

Начальник лагеря изысканий был безмерно удивлен появлением молодого индуса в тибетской одежде, просившего о геликоптере. Но от художника исходила сила необычайной убедительности, подкрепленная крупной суммой денег. Документы гостя оказались в порядке. После полудня геликоптер взвился вверх с лесной поляны, размахивая огромными изогнутыми лопастями винта.

И вот — Катманду, столица Непала, горячая гонка на телеграф, в аэропорт, в магазин. Деньги открывали любые двери. К вечеру прекрасно одетый индийский магнат в белоснежном тюрбане сел на скоростной пассажирский самолет Катманду—Дели.

Магнат — Тамралипта, — скрывая нетерпение, улегся в мягкое кресло. Другие пассажиры дремали, потолочные лампы были потушены, моторы глухо ревели по обе стороны пассажирской кабины.

Художника не покидало ощущение, что он должен торопиться, как только может. Промедление могло обернуться большой бедой для Тиллоттамы — вот все, что знал Тамралипта и, глядя вниз на проплывающие в темной глубине огни станций, городов и заводов, не мог заснуть до самого конца пути.

Два друга художника радостно бросились к нему в аэропорту. Один, инженер-химик, веселый мадрасец, размахивал какой-то бумажкой.

— Я получил твою телеграмму вчера днем! Ох! И задал же ты мне задачу. Если бы не помощь Чаттерджи, — он кивнул в сторону второго друга Тамралипты, историка и университетского преподавателя, — если бы не его друг, любитель автомобилей, то мы не смогли найти подходящую машину так скоро! Но сейчас все готово и... но ты выглядишь настоящим магараджей. Где ты так оделся?..

— Тамралипта, — нетерпеливо прервал инженера историк, — мы горим от нетерпения узнать подробности! Ведь с тобой приключилось что-то необыкновенное! Что именно и что собираешься делать дальше?

— Сейчас, друзья, спасибо вам! Вы правильно поняли — дело очень серьезное, речь идет, быть может, о жизни или смерти для... меня.

Но сначала обещайте, что никто ничего узнает, иначе... иначе, мне грозит тюрьма!

— Что ты, что ты, Тамралипта! — в один голос воскликнули оба друга, но необычайно обострившиеся чувства художника уловили едва заметную нотку испуга в голосе историка.

— Шучу, друзья... И вообще ничего серьезного, — Тамралипта вздохнул, — просто мне нужна срочная поездка в... Нагпур, чтобы выполнить заказ, копию древней фрески для одного из непальских богачей. Вот откуда у меня деньги.

— Только-го!.. — разочарованно протянул историк. — Но все же у тебя были какие-то приключения в Непале, не так ли?

— Я все расскажу, только дайте поспать! — лениво сказал Тамралипта, избегая пронизательного взгляда инженера. — Кришнамурти приютит меня. У него большая квартира, а ехать к себе — у меня дома ничего не готово...

— Разумеется, только сначала отвезем домой Чаттерджи. Я на своей машине, — охотно согласился инженер.

Они пронеслись по широким улицам нового Дели, пустым в этот ранний час, и повернули в восточную часть города, оставив историка у подъезда большого дома.

— Рэ, теперь нас никто не слышит! — спокойно сказал Кришнамурти, замедляя ход.

И Тамралипта без утайки, лишь сокращая подробности, рассказал инженеру все случившееся с ним за последние четыре месяца.

— Я сразу понял, что дело серьезное, — задумчиво протянул инженер, — ну что же... Мы возьмем только шофера из моих рабочих-мадрасцев. Он ненавидит всю эту религиозную публику... Ты и я, этого достаточно. Чем меньше свидетелей, тем лучше!

— Но, Кришнамурти, ведь дело очень опасное, мало ли что может случиться! — растроганно предупредил художник.

— Именно поэтому я и должен быть с тобой, кто же еще? Не трус же Чаттерджи! Но довольно об этом, времени мало! Надо подумать, куда вам с ней деваться — Дели не подойдет. В Бхутесваре, без сомнения, знают, где ты живешь... И номер машины... Как въедем в Бхутесвар, надо его замазать — ночью обойдется. Машина чужая, это тоже хорошо. Скажи, у тебя в самом деле много денег?

— Много, никогда столько не было, — улыбнулся художник.

— Вот и хорошо — несколько месяцев проведете на Цейлоне, пока не уляжется шум, а мне, — инженер поморщился, — придется заплатить кое-кому, чтобы проследить за жрецом на это время. Там увидим... Но охраняя свою камини тебе придется всю жизнь, не спуская глаз...

— Сначала надо ее освободить, я очень боюсь за нее, — с внезапной острой тревогой сказал Тамралипта.

Инженер прибавил ход и вдруг резко затормозил.

— Вот что, совсем не надо ехать ко мне. Пусть никто не видит тебя в Дели. Тут налево маленькая гостиница — ляг, отдохни, часа через три я буду с машиной и шофером у подъезда.

Тамралипта внял мудрому совету и через несколько минут бросился на удобную постель в душном номере, заставляя себя заснуть. Он не спал уже давно, а путь из Дели в Бхутесвар был далек. Тамралипта потому и решил проделать его на машине, чтобы не быть связанным с местными поездами и автобусами. По его идее, так много обдумывавшейся в пути, он должен был приехать в Бхутесвар ночью и ночью же исчезнуть из города.

Усилием воли он заставил себя задремать — новое, ранее не удававшееся ему искусство. Через три с половиной часа, когда дневной жар начинал наплывать на город, художник уже спешил к широкому и низкому автомобилю темно-вишневого цвета.

Кришнамурти улыбнулся ему из открытого бокового окна.

— Вот шофер... — он помолчал, — и товарищ, о котором я говорил.

За большим рулевым колесом спокойно и важно сидел массивный человек с жесткими усами, в туго закрученном тюрбане. Тамралипта крепко пожал квадратную руку шофера, чувствуя на себе его испытующий взгляд — очевидно, инженер успел многое рассказать ему по дороге.

— Садись пока на заднее сиденье, не красуйся спереди! — весело подтолкнул художника в спину Кришнамурти.

Машина быстро взяла с места и понеслась к асфальтовой магистрали Великого торгового пути. Тамралипта не успел оглянуться, а дорога уже стелилась под широкий нос машины, грозный гудок заставлял все живое шарахаться в стороны, а стрелка спидометра качалась на 60 милях.

— Хорошо! — весело причмокнул инженер, — это еще пустяки. Этот кадиллак в двести сил еще покажет себя за городом. Сто двадцать миль...

— Неужели может? — удивился Тамралипта.

— Может, но не поедем, — вмешался в разговор шофер, — ехать далеко, а с машиной ничего не должно случиться. Хватит восьмидесяти.

— Конечно, хватит, — поспешно согласился Кришнамурти.

— Кстати, Тамралипта, вот тебе, — инженер опустил в протянутую ладонь художника тяжелый металлический предмет.

— Что это такое? — воскликнул Тамралипта и увидел большой автоматический пистолет с кургузым стволом и очень большой гашеткой. Вороненая сталь массивного оружия поблескивала сурово, как бы предупреждая об опасности. Художник заколебался, ощущая инстинктивное отвращение любого индуса к убийству и всему, что с ним связано.

— Зачем это? — воскликнул он, протягивая оружие обратно. — Если мы совершим убийство, то все пропало. Если обойдется без кровопролития, то уже одно нападение с оружием... разве ты забыл о строгости законов, английских законов, они еще не стали нашими!

Инженер весело рассмеялся.

— Я очень хорошо знаю нелепую строгость наших законов, запрещающих иметь оружие каждому порядочному человеку, хотя любой бандит и вор носит оружие и делает что угодно с безоружными и беззащитными людьми. Чтобы избежать унижения от своей беззащитности перед каждым негодяем, я создал это оружие, которое никакой суд не признает огнестрельным или вообще чем-то стреляющим. Смотри! — инженер открыл и вытащил из ручки пистолета вместо обоймы с патронами флакон с какой-то флуоресцирующей жидкостью.— Вот здесь поршень, давящий снизу, а это клапан, открывающий дуло при нажатии гашетки, и еще один поршень с разбрызгивателем. Нападающий получит в лицо, глаза, нос и рот порцию едкого, но безвредного химического соединения. Эффект замечательный, никакого убийства и полное торжество над врагом! Флакона хватает на двадцать таких «выстрелов». Как тебе это нравится? Возьми, пригодится!

Тамралипта вдруг вспомнил слова гуру: «Помни, что ты сейчас вступаешь в нижний мир, и одной духовной силы тебе будет недостаточно!»

Разве не предупредил его учитель о грозящей опасности? О том, что выручить прекрасную девадази будет не просто и не безопасно?

Удовлетворенно улыбнувшись, Тамралипта опустил тяжелый пистолет в карман.

Путь был долог. Искусный шофер неся, используя всю силу могучей машины, но, наконец, утомился от жары, блеска солнца и напряжения отчаянной езды. Его сменил Кришнамурти, который держал меньшую скорость, и все же они продвигались вперед быстрее, чем на поезде. Вот съезд с магистрали на переезд через Джумну, шоссе сузилось, заполнилось повозками и скотом. Они остановились на отдых в небольшой гостинице с гаражом, где машину привели в порядок. Два часа отдыха, и ночь объяла освободившуюся дорогу. Яркие фары, слепя все вокруг, светили на двести метров вперед. Тамралипта пересел к шоферу, приближался Бхутесвар, приближался решающий миг жизни. Внешне спокойный, он впивался глазами в темноту по сторонам, бессознательно ожидая увидеть знакомые лица. Машина, покачиваясь и вздрагивая, летела и летела в однообразном мраке, пробивая его фарами, и темнота взмахивала черными крыльями по обе стороны дороги. Казалось, они едут по коридору, прорубленному в густом лесу исполинских деревьев.

— А ты изменился, Тамралипта,— услышал он позади голос инженера.

— Почему?

— Ты стал спокойнее, тверже. Ты уже не тот запальчивый и увлекающийся молодой человек, которого знают все твои друзья. Движения твои сдержанны, глаза смотрят уверенно, в голосе появилась какая-то сила — нет, ты — аха!

Машину резко бросило в сторону, покрышки заревели по щебню. Кадиллак опасно накренился налево, и оба друга судорожно ухватились

за что попало. Выскочившая внезапно из мрака боковой дороги повозка заставила шофера объехать ее по самому краю канавы.

— Ну и ну,— отдуваясь, пробормотал инженер,— ловко!

Из-за пыли, желтым туманом реявшей в свете фар, показались низкие домики, затем остатки высокой круглой башни.

— Бхутесвар! — обернулся к шоферу Тамралипта и, переведя дыхание, добавил: — Сейчас мост через ручей, за ним — направо. Доедем до конца улицы, гасите фары. Сейчас луна, потихоньку проберемся. Осторожно, здесь тянутся оросительные канавки... Стойте! — художник открыл дверцу и выскочил,— подождите тут, а пока закройте номер.

— Куда ты? — окликнул его инженер.— Я с тобой!

— Нет, не нужно! Я много ходил здесь в темноте и знаю каждую ступеньку. Я пройду прямо в храм, может быть, через несколько минут вернусь с Тиллоттамой...

Тамралипта исчез в черной тени стен.

Художник не появлялся так долго, что Кришнамурти несколько раз порывался отправиться на его поиски, но, опасаясь все испортить из-за незнания места, нетерпеливо ходил вдоль спрятанной в тени дерева машины...

— Ты, Кришнамурти? — дыхание художника было тяжелым, костюм в беспорядке. В руке он держал пистолет.— Поехали скорее, разворачивайте машину, нет, во имя всех богов, не зажигайте фар! Направо, во вторую улицу и до высоких стен, там, налево до старого мусульманского кладбища... Тиллоттамы в храме нет. На счастье я встретил юную научу Индрани! Она рассказала что девадази убежала из храма полтора месяца назад, и с тех пор ее никто не видел. Однако стало известно, что девушку привели обратно, и Крамриш держит ее в древнем храме рядом. Я бросился туда, наткнулся на недавно сделанную в святилище дверь — она была открыта, а на полу кто-то храпел. Я схватил человека, встряхнул. Напугал пистолетом, он признался, что сторожил Тиллоттаму, но три дня назад жрец Крамриш увел ее ночью.— Куда? Он не знает. Я схватил стража за горло и приставил пистолет к переносице, тогда он завопил, что слышал, будто девадази увели в древний дворец бхутесварских царей, и она заперта в башне в саду. Крамриш сегодня был в храме, а вечером явился заклинатель змей с большой корзиной... Кришнамурти, он задумал убийство! Скорее сюда, там мостки. Не догадался взять фонарь... как...

— Зато я догадался! — ответил инженер.— Мугаль останется здесь. У тебя есть пистолет?

Шофер кивнул.

— Еще минутку, Тамралипта! — Кришнамурти вытащил из-под сиденья стальной лом.— Вот тебе, а я возьму шинную лопатку...

Они пошли плечом к плечу вдоль темной стены, натываясь на колючие кустарники, изредка подсвечивая себе вспышками фонарей, пока не обнаружили запертую железную дверь. Замок на двери был

прочным, зато ржавые петли уступили первому же нажиму лома, и друзья оказались в саду. Широкая, похожая на котел башня темной массой торчала поодаль над деревьями.

Тамралипта не помнил, как он пробежал сад, не замечая царапин на лице и руках, нанесенных колючими ветками. Башня, еще одна запертая дверь, яростная борьба с металлом и деревом, треск, прерывистое дыхание — дверь уступила. Непроглядный мрак, похожий на мрак его темницы, изгибающийся по окружности башни, пустой и безмолвный коридор... Дикий страх охватил художника, и крик сам собой вырвался из его груди, полный любви и тревоги.

— Тиллоттама! Тиллоттама!

Слава богам, ответ!

Откуда-то снизу донесся слабый, едва слышный голос девадази. Художник ринулся вниз по ступеням, схватился за рукоятку железной двери. Она оказалась незапертой, и скрип петель несказанно обрадовал Тамралипту. На дне круглой, ступенчато спускавшейся к центру залы, горел свет. Ставшие очень острыми глаза художника увидели девушку. Тиллоттама стояла на коленях, прикрыв распущенными волосами и руками обнаженную грудь. Поднятое вверх лицо, широко раскрытые огромные глаза, в которых — вся душа девушки. Слабая, измученная, еще не верящая своим глазам, но уже радостная улыбка на бесконечно милом лице.

— Тамралипта, ты пришел? Ты за мной, милый? — повторяла дрожащими губами девушка.

— Да, я за тобой, Тиллоттама, я люблю тебя, идем! — крикнул Тамралипта, раскрывая девушке объятия.

Девадази не шевелилась, и только тут художник заметил широкую цепь на верхушке столбика. Вне себя от ярости он ринулся к столбу, стал дергать цепь, пытаясь открыть запор трясущимися руками. Из глаз девадази катились беззвучные слезы. Сильная, уверенная рука отстранила Тамралипту.

— Пусти, я сделаю это скорее, а то еще свернешь шею своей милой, — сказал инженер, вставляя шинную лопатку в замок ошейника на склоненном затылке Тиллоттамы. — А ты раздевайся! И поскорее! — повторил Кришнамурти растерянному другу, мы не взяли с собой ничего, не предусмотрели... В чем повезешь свою невесту?

Тамралипта понял и лихорадочно сорвал с себя пиджак, штаны и рубашку. Из рубашки получилась отличная набедренная повязка, и, когда вместо роскошно одетого магната перед Тиллоттамой предстал одинокий труженик древнего храма, инженер взломал замок. Оба друга отвернулись, чтобы дать Тиллоттаме одеться, и услышали шум возбужденных голосов и топот босых ног.

— Явились! — крикнул инженер. Художник спокойно подал Тиллоттаме пояс, помог засучить рукава пиджака и брюк, из заднего кармана

которых извлек пистолет инженера. Как предусмотрителен был Кришнамурти! Сейчас в нем все спасение их и Тиллоттамы!.. Первым в подземелье ворвался Крамриш, весь в поту, в сбившемся набок тюрбане, за ним толпились заклинатель змей с круглой корзинкой, два сторожа Тиллоттамы и ночное отребье города, созданное по приказу жреца — всего более десятка человек. В их руках блестели ножи.

— Вот они, разбойники, посягнувшие на мою девадази. Хватайте их! — властно загредел главный жрец.

Кришнамурти поднял руку с пистолетом и фонарем, тоже сделал художник, заслонив собой Тиллоттаму.

— Стоять, дальше ни шагу! — приказал инженер, — не помогайте незаконным делам жреца Крамриша. — Он даст ответ суду, а сейчас... — Инженер взмахнул пистолетом. — Отойдите в сторону, в конец зала, и пропустите нас.

— Не слушайте пришельцев! — завопил Крамриш, — и не бойтесь! Они не посмеют стрелять. Вы знаете, они пойдут под суд за нападение с оружием! Хватайте их, бейте, как следует, а я возьму девадази...

И Крамриш, рыча от злобы, бросился к Тамралипте, протягивая руки, чтобы схватить девушку.

Тамралипта направил дуло прямо в ненавистное, искаженное яростью лицо и нажал спуск. Широко раздутые ноздри, выпученные глаза и раскрытый рот жреца наполнились брызгами едкой жидкости. Дыхание Крамриша остановилось, он ослеп и с воем грохнулся на землю, кашля, икая и чихая. Нож выпал из обессилевших рук, жрец мотал головой и яростно тер лицо, на котором слезы, слюна и сопли смешались с пылью в грязную липкую массу. Остолбнев, люди смотрели на поверженного предводителя, быстро превратившегося в жалкое непристойное существо. Один лишь заклинатель змей дернулся к крышке корзинки, но инженер опередил его и дважды нажал на спуск пистолета. Неприкасаемый очутился в облаке распыленной отравы и через секунду корчился на полу, подобный жрецу-брахману, и, пожалуй, выглядел не столь отвратительно.

Корзинка упала на бок, крышка слетела, и из нее выскользнула огромная королевская кобра. Страшная змея поднялась, раздувая капюшон и угрожающе раскрыв пасть. Этого было достаточно для прихвостней Крамриша — люди с воплями ужаса устремились к выходу, толкая и тесня друг друга, забыв о неизвестных пришельцах и девушке. Без малейших колебаний инженер направил оружие на змею и несколькими нажатиями гашетки буквально полил смертельно опасное пресмыкающееся. Змея развернулась, подскочила вверх, опрокинулась на нижнюю скамью и стала биться, свиваясь, развиваясь и широко разевая пасть.

Тамралипта облегченно вздохнул и повернулся к Тиллоттаме. Та замерла, ухватившись за пояс художника, и, как зачарованная, переводила взгляд с корчащегося Крамриша на извивающуюся кобру и обратно...

— Идем, Тиллоттама! — сказал художник, и девушка вздрогнула. Не оглядываясь, они вышли, светя фонарями и настороженно глядя по сторонам, опасаясь засады. Но все было тихо. Инженер с грохотом захлопнул железную дверь и хотел задвинуть засов, но Тамралипта остановил его.

— Чем меньше в городе будет шума, тем лучше. Крамриш не захочет раздувать дело — он сам виноват во многом... А мы через пять минут будем за пределами его досягаемости.

— От души желаю, чтобы кобра расправилась с обоими мерзавцами, — сказал инженер, — со страху я не сообразил и слишком сильно опрыскал ее, — добавил он, сокрушенно покачивая головой.

Они медленно, настороженные и готовые к любой неожиданности, прошли сад — Тамралипта впереди, потом девушка, позади инженер. Тучи разошлись, и луна ярко светила. За калиткой Мугаль приветствовал их свистом.

— Что вы сделали с ними? — спросил шофер, открывая дверцы. — Я сначала подумал, что вам не сдобровать! Целая толпа с криками промчалась в сад следом за вами. Но еще быстрее они неслись назад — только молча!..

Тамралипта подхватил Тиллоттаму на руки, усадил на заднее сиденье и сел рядом. Взыл стартер, загорелись огоньки на приборах вокруг руля, ярко вспыхнули фары. Покачиваясь, машина с ревом медленно выползла на улицу, ускорила ход, понеслась по безлюдному спящему городку. Вот шоссе, старая башня на въезде — какие-то фигуры в белом, размахивая широкими руками, возникли у дороги — мимо!

Бхутесвар остался позади. Стрелка спидометра в фосфорической зеленой чашке ползла направо — 40, 50 60...

Инженер глянул на спидометр и внезапно расхохотался. Тамралипта и Тиллоттама вздрогнули.

— Джай! Джай!¹ Не могу, какая рожа была у этого... главного жреца, когда ты прыснул ему прямо в глаза... ой, не могу!

Девадази и художник тоже захохотали. Они никак не могли остановиться — смех становился истерическим. Шофер остановил машину и заорал на них во весь голос. Все трое успокоились, выпили воды, и путешествие возобновилось. Тамралипта сидел, не сводя глаз с Тиллоттамы, держа в руках маленькие доверчивые ладони, чувствуя, что Тиллоттама с каждой минутой становится ему ближе. Отвечая на его немой призыв, девушка прислонилась к его плечу. Бросая взгляды на художника, она встречала его безотрывные, полные любви глаза, смущенно опускала ресницы и смотрела вперед на дорогу. В первый раз в жизни девадази ехала в машине. Сказочной птицей, волшебным слоном казался ей могучий автомобиль, летевший вперед в свете луны

¹ Победа.

в неведомое, неизвестное, но, безусловно, чудесное завтра. Залогом этому — сидевший рядом художник, его сильное плечо, его добрые глаза, в которых — любовь! И измучившаяся душа девушки понемногу, осторожно и недоверчиво, как будто боясь, что все окажется сном, развертывала крылья своих грез о счастье, дружбе, любви и свободной жизни... А Тамралипта, отдаваясь стремительному полету машины и любуясь девушкой, исполнился горячей благодарности к великому могуществу человеческого ума. Так легко и быстро освободить Тиллоттаму из подземелья, справиться с бандой врагов и увести ее далеко-далеко от всего страшного, пережитого ею, от плена и унижения... Автомобиль, какие-то химические пистолеты — и верный друг... Он не удержался и поделился мыслями с инженером.

— Так-так! — задумчиво ответил инженер, закуривая сигарету.— Но могло быть и наоборот — пистолет мог подстрелить тебя, автомобиль увести Тиллоттаму... Нет, достижения техники ничего не значат без человека.

Без доброты и любви, без умной направленности техника несколько не лучше, а много хуже каменного топора первобытности. Сейчас, когда мы ворвались в старинную храмовую жизнь со своими новейшими орудиями, эффект действительно был волшебный... но ты не слушаешь меня!

Тамралипта встретился глазами с любимой. На этот раз она не отвернулась, и в ее глазах художник прочитал такую горячую благодарность, какую и не мог вообразить в своих прежних мечтах! Тамралипта забыл обо всем окружающем. Кришнамурти долго смотрел на обоих, затем с тихой улыбкой, подавив вздох легкой, чуть завистливой печали, отвернулся к переднему стеклу.

— Вот что значит художник! — сказал он не то себе, не то шоферу.

— А что такое? — откликнулся Мугаль.

— Как хороша его девадази, я говорю!

Шофер долго смотрел в зеркало на застывшую во взаимном созерцании молодую пару.

— Девадази прекрасна, даже очень,— важно согласился шофер, и Кришнамурти с некоторым злорадством уловил подавленный вздох. Машина резко повернула налево.

— Стой, стой, куда?! — закричал инженер.— Нам ведь не в Дели! Нечего плясать на чужих невест, разворачивайся на Калькутту.

— На красоту только и смотреть — она дает и радость, и хорошую грусть. Жалеешь, что у тебя нет такой, а могла бы быть,— спокойно отпарировал шофер, разворачивая машину,— только смотреть надо по-хорошему и показывать тоже без расчета!

— Верно, Мугаль, я и не знал, что ты философ,— весело произнес инженер, следя за приближающимися огоньками переезда. Широкая лента

асфальта тянулась на юг — они снова выезжали на Великий торговый путь.

— Может, остановимся в дак-бенгало? — предложил инженер. — Мугаль устал, да и мы тоже.

— Нет уж, ни в коем случае! — решительно отказался шофер. — Мало ли что — надо отъехать подальше. Если начну засыпать, смените меня, так что устраивайтесь поудобнее. Да, надо открыть номер, а то остановят...

И машина с чудовищной скоростью понеслась в свете высокой луны по гладкой дороге. Воздух, рассекаемый машиной, гудел и ревел, корпус резонировал, точно ситар. Все дальше в небытие уходил пыльный Бхутесвар, все ярче и радостнее светились глаза Тиллоттамы.

* * *

Тамралипта проснулся позднее обычного — вчера вечером пришло вдохновение, и работа спорилась — он пробыл в студии до полуночи. Он вскочил, откинул москитную сетку, подбежал к окну. Низкое и очень широкое — во всю комнату, — оно выходило прямо на океан: дом стоял на берегу. Художник широко раздвинул створки окна, и в комнату ворвался морской влажный ветер, шум прибрежных пальм, звонкие голоса птиц.

Огромная комната служила Тамралипте спальней и студией — мольберты, скульптурные подставки стояли у окна с набросками в красках и глине. Ни низких столиках лежали папки с листами эскизов углем и мелом. На полках и на полу у стен теснились гипсовые слепки древних скульптур Индии, полученные Тамралиптой из разных музеев.

Большинство эскизов и набросков были сделаны с Тиллоттамы, в углу высился широкий постамент с тщательно укутанной в толстую ткань неоконченной статуей бывшей девадази в образе Анупамсундарты. Тамралипта поспешно отвернулся от этого угла — не хотелось портить радостное утро напоминанием об обидной неудаче... Зато картина, уже не эскиз — Тиллоттама-девадази — была почти окончена. Вчера вечером были найдены недостающие мазки, исправлены блики света на простертых руках — они ожили, приобретя поразительность движения, столь важную для древних танцев Индии.

Несколько раз Тиллоттама танцевала перед ним под звуки магнитофона — друзья художника прислали несколько катушек с записью музыки любимых танцев Тиллоттамы...

Долгие часы девушка позировала, до слез огорчаясь его неудачам, по-детски мило радуясь успехам.

Удач было много — целый ряд рисунков и несколько хороших картин, но все это не было тем, о чем мечтал художник. Ему не удавалось решить

главную задачу — создать образ Парамрати, красу индийской женщины. Именно не удавалось — не то, чтобы не хватало умения, знания модели и количества вариантов,— нет. Не будь подготовка не завершена, то с каждым днем, неделей, месяцем, с каждой новой попыткой проявлялась бы медленное, по крупицам, движение вперед, совершенствование, знакомая нервная дрожь верного пути, удачного решения. Но тут — какая-то глухая, скользкая и неподатливая стена — все попытки ни к чему не ведут, нет восхождения, нет творчества. Он не в силах подняться на какую-то высшую ступень, не может наполнить душу огнем такого вдохновения, чтобы все изменчивые, мгноленные, даже для него трудно уловимые, дробящиеся на тысячи примет черты красоты Тиллоттамы слились воедино, сделались вечными, близкими и столь же живыми в неподвижном камне... Может быть, он плохой скульптор? Когда-то его учителя и знатоки искусства находили, что он сильнее в скульптуре, чем в живописи... А вдруг задача ему не по силам!? Тама¹! — так теперь называл художник девушку. Тама! Тамралипта постучал в стенку комнаты Тиллоттамы, но никто не откликнулся — она убежала к морю. Художник выпрыгнул в окно и спустился по травянистому откосу. Солнце еще пряталось за горами на востоке, и море не приобрело дневной сияющей голубизны. Синева дня и темный пепел ночи смешались в серо-голубой цвет, на котором багрянец зари отражался чистыми розовыми бликами. Влажное дыхание моря, пронизанное светом утреннего неба, проливалось на остывшую за ночь землю струи опалового тумана.

Серо-голубые волны с розовыми склонами и тепло алеющими гребнями мерно набегали на серебряный коралловый песок — среди них мелькнула черная голова Тиллоттамы. Девушка увидела Тамралипту и поплыла навстречу через утренний туман. На краю песчаной отмели Тиллоттама остановилась. Ее бронзовое тело возникло на серебре песка на фоне расплывчатого, волокнистого тумана в воздухе над морем как единственная живая реальность, отчеканенная с ошеломляющей достоверностью. Художник приветствовал девушку радостным кличем, спрыгнул с подмыва берега и оказался прямо перед Тиллоттамой. Она в безотчетном порыве протянула ему руки, Тамралипта схватил их и вдруг, в восторге любви и восхищения, притянул девушку к себе. От мокрого лица Тиллоттамы отхлынула вся кровь, губы ее раскрылись, ресницы затрепетали, дыхание остановилось. Она крепко прижалась к художнику, руки легли на сильные его плечи, груди коснулись груди, спина изогнулась от крепкого объятия Тамралипты. Горячее желание заставило тела обоих застыть в едином стремлении, слиться еще ближе, дольше продолжать безмерную радость соприкосновения. Художник еще крепче сжал девушку — легкий стон сорвался с губ Тиллоттамы, и тут

¹ Желание.

Тамралипта опомнился. Он отстранился так резко, что Тиллоттама пошатнулась, и ему пришлось поддержать ее.

Закусив губы, он бережно, с бесконечной нежностью опустил свою невозможную мечту на песок. Широко открыв изумленные глаза, Тиллоттама успела заметить на его лице тень безграничной печали, но художник отвернулся и кинулся в море.

Тиллоттама села на песок, охватив руками поднятые колени, и задумчиво следила за Тамралиптой. Художник плывал долго, ожидая, что девушка уйдет в дом, но она не сдвинулась с места. Дымка тумана развеваясь, волны стали зелено-синими и прозрачными, когда Тамралипта вышел из воды. В сверкании отраженных от моря солнечных лучей его лицо виделось темным пятном, но Тиллоттама не спускала глаз с художника, пока тот не подошел вплотную.

— Пойдем домой, пора завтракать,— сказал Тамралипта, но девушка отрицательно покачала головой и показала на песок рядом с собой.

— Сядь, милый,— она редко употребляла это слово, так нежно звучавшее на ее губах. Девушка помолчала и вдруг открыто и в упор посмотрела в глаза Тамралипте. Голос ее зазвенел тревогой: — Скажи мне правду, только правду обо мне и о тебе. Что у тебя здесь? — она положила маленькую руку на грудь Тамралипты у сердца.

Художник почувствовал, что больше нельзя ограничиваться недомолвками, как бы он ни берег Тиллоттаму. Решающая минута настала. И он рассказал все без утайки. Описал свое первое восхищение при первой встрече, разгорающуюся любовь, рождение ревности, мучительные раздумья, когда все его существо разрывалось надвое между любовью к Тиллоттаме и желанием бежать от нее, бежать, пока не поздно. Опустив глаза, он тихим голосом поведал, как увидел ее во власти жреца в храме, как убежал в Гималаи, продолжая и там помнить о ней, любить ее. Он говорил о великом гуру, о пленительном покое, манящем покое мудрости, о своих попытках следовать за учителем, о страшном агнипарикша, испытании во мраке и одиночестве подземной темницы. Как пришла к нему мысль о возможности быть с ней, не мучаясь ревностью, как увидел ее сквозь мрак и тысячи миль расстояния, очевидно, там, где нашел в час освобождения прикованной к черному лингаму.

Девушка слушала, не проронив ни слова, лишь изредка вздрагивая. Тамралипта умолк. В побледневшем небе пылало солнце, море шумело сильнее и глуше, громко шелестели жесткие листья пальм, а они сидели, не смотря друг на друга, отдалившись в своих воспоминаниях. Наконец, Тиллоттама вскочила легко и упруго, улыбаясь одними губами. Она открыто посмотрела на Тамралипту и заговорила медленно, как бы с усилием подбирая слова, столь важные для обоих.

— Я все поняла, азиз. Я могла бы тебе многое сказать, о, как много!..— голос девушки зазвенел, но она справилась с собой и продолжила ровно, без интонаций.— Но ты прав, я недостойна тебя. Я не могу даже

сказать тебе, что ждала тебя, мечтала о тебе, что предназначена для тебя! Наши пути пересеклись слишком поздно и то только в моих душе и теле — тело должно принадлежать лишь тебе, но оно не твое — непорочно, невозвратно. Я не дождалась тебя, не сумела отличить настоящее от пустого, фальшивого. И даже поняв это, продолжала раздавать себя из простой покорности судьбе, неумения бороться за свое место в жизни... Я ничего не могу изменить... Ничем не отвратить кары судьбы — она совершается здесь и сейчас... Найдя и полюбив тебя такого, как никто другой, единственного, я вынуждена потерять тебя... Ты не можешь быть счастливым со мной, и ты ни в чем не виноват. Что я могу сделать, любя тебя всей душой, как не сказать — прощай, милый, прощай навсегда!..

Сдавленные рыдания прорвались в последнем слове, Тиллоттама отвернулась и стрелой бросилась вверх по откосу, к дому. С минуту Тамралипта стоял, остолбенев, затем побежал следом и ворвался в дом. Дверь в комнату Тиллоттамы была заперта. Художник звал и стучал, девушка не откликалась. Страх придавал Тамралипте небывалую силу — опасаясь худшего, он налег на дверь и, вырвав замок, оказался в комнате. Тиллоттама лежала ничком на постели. Тамралипта в ужасе схватил ее безвольное тело и перевернул на спину. Огромные, залитые слезами глаза глянули на художника с тоской, отчаянием и ужасом перед мраком и одиночеством будущего. Весь дрожа, Тамралипта, захлебываясь словами, заговорил о том, чего не успел рассказать — о совете гуру, о Тантре... Девушка все чаще и с возрастающей надеждой взглядывала на него, потом, пряча лицо на груди любимого, прошептала, что готова следовать за ним по любому пути, пройти любые испытания, лишь бы быть вместе, лишь бы стать достойной его любви... Тамралипта ласково отвечал, что это он не заслуживает любви, но... быть может, заслужит ее.

Сторож и служанка были отпущены. Омывшись пресной водой, Тиллоттама и Тамралипта не ели и не пили столько времени, сколько требовалось по обряду.

Лунный свет врвался в комнату сквозь широкие стекла закрытого окна.

Тиллоттама с распущенными волосами, совершенно нагая, лежала навзничь на белом ложе. Каждая черточка ее смуглого тела виднелась в этом полуночном свете, освобождающем душу от грубой яркости дня. Тамралипта, тоже обнаженный, стоял на коленях перед ложем. Его протянутые вперед руки подхватывали девушку под плечами и коленями так, что Тиллоттама как бы лежала на них.

Небывалая кроткая нежность наполняла сердце художника, сплетаясь с благоговейной радостью от красоты любимой. Перемежаясь с этим чистым восторгом, накатывались тяжелые волны жаркого желания, безумной страсти, туманя голову, воспаляя губы и сжимая сильные мускулы. Девушка застыла в ожидании, более сильным и захватывающем,

нежели в отдаленную ночь своих первых объятий. Теперь трепетало все существо Тиллоттамы — и мечтательная душа, и сильное тело, слившиеся в одной вещи подсознательной тревоге, любви и желании. Словно она стояла у входа в сад, сад ее чудом осуществившихся грез. Тиллоттама чувствовала, что еще не переступила порог, что дверь может захлопнуться. Холод волнения пронизывал девушку, и она, сдерживая дрожь, закрывала глаза и старалась слиться с горячими руками любимого, поддерживающими ее, чтобы острее ощущать их. Но руки ушли, большие ладони, сухие и жаркие, несколько раз пробежались по ее телу от щек до ступней и задержались внизу. Тамралипта любовался маленькими, с высоким подъемом, ступнями Тиллоттамы, ее ровными и подвижными пальчиками ног. Когда художник целовал ее ноги, то крошечные пальчики невольно расправлялись веером и быстро сжимались. Они казались маленькими зверьками, живущими самостоятельной жизнью, немного смешными и от этого более трогательными...

Медленно, очень медленно губы, глаза и руки художника скользили все выше по тонким, точеным щиколоткам и крепким ногам, впитывая в себя всю Тиллоттаму — линии для глаз, формы для губ, ощущение гладкой кожи, особенный, неповторимый, слабый запах тела... Эта неизведанная великая нежность, вспыхивающая в каждом поцелуе любимого, умирляла нервную дрожь Тиллоттамы. Тело ее раскрывалось большим, влажным и ароматным цветком...

— Любимый, милый, посмотри на меня... — прерывисто зашептала девушка, приподнимая голову.

Художник покачал головой и, не отрывая губ, глухо выговорил, уткнувшись влажным лбом в ее колени:

— Не сейчас, Тиллоттама. Сначала твое тело — храм моей страсти и родина черных демонов моей ревности. В очищении его нежной, радостной и кроткой любовью — смысл Шораша-Пуджа. А к твоей ясной душе я стремлюсь всем, что есть во мне самого лучшего — на этой высоте демоны не живут...

И снова губы художника прильнули к коленям Тиллоттамы, его частое дыхание согревало плотно сжатые колени девушки.

Ее первый возлюбленный тоже прижимался лицом к коленям, но насколько все было иначе... едва успела подумать девушка, как Тамралипта срывающимся голосом спросил ее:

— Скажи, так тебя целовали? И тот первый... и жрец?

Вопрос острой болью отозвался в душе Тиллоттамы нарушил очарование священных минут, вызвал ответное возмущение.

— Да! — отрывисто ответила девушка.

— И много раз?

Тиллоттама смогла лишь утвердительно кивнуть, сдерживая подступившие к горлу слезы разочарования.

— И здесь? — губы художника коснулись ее живота, потом кончика левой груди.

— Сада!¹ Еще и тут, и здесь, здесь! — прошептала Тиллоттама, отворачиваясь и показывая рукой на плечи, ложбинку между грудой, бедра, шею. Вторая рука, вдруг ставшая враждебной, отталкивала голову Тамралипты. Но руки художника крепче обвили ее, он заговорил горячо и твердо:

— Тиллоттама, радость моя, помоги мне, не становись чужой, не ожесточайся. Ты знаешь, какие демоны ревности поселились в моем сердце. Ни волей, ни убеждением подавить их нельзя — чем сильнее борюсь я с ними, тем крепче их сопротивление, тем мучительнее яд, отравивший мою душу. Надо дать им волю и спокойно смотреть на их беснование, держа в руках амулет — священную чашу чистой любви, полную прозрачного света...

Как бешеные обезьяны, почуявшие неволю, будут скакать и метаться мои демоны низкой души, кусаясь, рыча и плюясь... Ничего! Чем сильнее их ярость, тем скорее конец — только дай мне силу и спокойствие, поддержи меня, поверь в меня! Вся Шораши-Пуджа, вся Тантра и заключается в том, чтобы отпустить на волю все, что бушует, кипит и пенится в нашей животной душе, усилить противостояние, спокойно рассмотреть борьбу с драгоценных высот духа. Тогда все это перестанет тревожить наши души, маня и волнуя неизвестностью, пугая мучительной силой переживаний. Знакомое и испытанное, оно уляжется укрощенным зверем в чистой, спокойной душе...

Тиллоттама, не говоря ни слова, повернула к художнику лицо, вновь осветившееся доверием и любовью. Их губы соприкоснулись и слились в обоюдном порыве.

Что было дальше, девушка не смогла бы передать словами, хотя в памяти чувств запечатлелось каждое мгновение этого вечера.

Тамралипта то отстранял ее от себя, держа на руках и любясь без конца все новыми и новыми ее чертами. Каждая была как драгоценная находка — все было милым, все радовало его в Тиллоттаме. И то, что соски ее твердых грудей как-то задорно торчали вверх и немного в стороны... что пурпурное кольцо вокруг них было светлее темных кончиков... Гладкая кожа на груди, с наружной стороны руки и ног и особенно на бедрах поблескивала в свете луны, а на животе, шее и с внутренней стороны рук, более матовая и розовая, она казалась серебристой...

Тамралипта горящими от любви губами хотел снять все нечистое, что в его мыслях марало тело девушки. И вместе с тем в прикосновении его губ, в нежном касании языка чувствовалось одновременно поклонение, обретение и утверждение красоты Тиллоттамы. Художник ощущал, как

¹ Всегда.

из малых ямок и выпуклостей, углублений, бороздок и возвышений в самую глубь его души входит ощущение форм и линий тела возлюбленной, сливающийся в полной музыкальной гармонии образ Тиллоттамы.

И облик Парамрати не отдалялся более во мглу непонимания. Он обрисовывался все яснее в духовных очах Тамралипты, становился таким же близким и родным, как это горячее, трепещущее жизнью тело любимой. Это наполнявшее его небывалой силой и радостью ощущение было бесценным подарком Майи-Природы своему верному сыну.

Тиллоттаму поразило ощущение собственной красоты, рождавшейся под губами и руками художника в каждой частице ее тела. Пламенное стремление к близости пронизывало девушку огнем, в котором сплавлялись все найденные Тамралиптой черты прекрасного и создавали новую Тиллоттаму, открытую, смелую и мудрую, которая забыла о страхе, стыде или опасении.

Но темная душа художника тоже просыпалась, непобежденная, страстная, горящая злой гордостью, осаживающая его грезы, как умелый наездник непокорного коня. Рука Тамралипты скользнула по бедрам девушки, чувствуя длинные валики мускулов, сильные выпуклости на передней стороне бедер, подчеркивающие мощь углубленного лона... Художник понимал, что эти красивые линии возникли в страсти, в длительных, многократных объятиях точеных ног и... созданы были не им... Когда губы художника находили сбоку, на животе Тиллоттамы, у крутого перегиба талии, глубокие впадинки с каждой стороны, а руки чувствовали гладкую кожу сзади, Тамралипту обжигало ревнивое сознание бесчисленных страстных содроганий, отточивших прелесть тела там и тут... Там и тут — ведь она сама сказала ему, сама показала на груди, живот, руки!

Даже самые восхитительные линии тела любимой, очерчивающие крутые, широкие бедра, плавные, без признака боковых впадин, так портящих большинство женщин, свидетельствовали о служении богине Рати. Одни только танцы, гармонически развивающие тело женщины, не могут довести его до такого совершенства линий — его оттачивает страсть, сильная и горячая, великий ваятель женской красоты...

Горькое осознание непоправимости стеснило дыхание Тамралипты, полувздых-полустон вырвался из его груди, и девушка вздрогнула. В стремлении примирить растущую любовь с яростными вспышками ревности художник порывисто прижался лицом к животу Тиллоттамы. Она во внезапном безумном порыве выгнулась дугой, раскрываясь тому, от кого у нее больше не было тайн. Тамралипта прижался к ее лону горячими губами. Тиллоттама крепко обняла бедрами голову любимого, закинув руки назад. Оба надолго застыли, захваченные невозможной близостью, сгорая в огне всепобеждающего желания. Стон страсти вырвался у Тиллоттамы, воскресил в памяти художника голубое ложе в глубине храма Шивы, и Тиллоттаму, покорную гнусному жрецу. Тамра-

липта содрогнулся, резко оторвавшись от любимой. Соскользнул на ковер рядом с ложем и лежал ничком, пока не услышал рыдание Тиллоттамы. Художник сел на край постели и стал гладить спутанные волосы, щеку, шею и руки девушки с такой нежностью, что Тиллоттама понемногу успокоилась. Оба молчали до самого рассвета, и лишь тогда ровное дыхание сказало ему, что усталая девушка забылась во сне. Только сейчас Тамралипта почувствовал, как измучен и разбит. С необычайной ясностью в душе, молча улыбаясь неизведанному ощущению, художник осторожно улегся рядом с любимой. Вскоре девушка почувствовала теплоту его тела и, сонная и доверчивая, прислонилась щекой к его плечу, попытавшись подсунуть под него маленькую ладонь. Это было так трогательно, что Тамралипта любовался девушкой, пока его голова не опустилась на подушку, а лицо не уткнулось в темя Тиллоттамы. Свежий и солнечный запах волос, щекочущие нос завитки... Тамралипта заснул и спал так крепко, что не пробудился, когда утром Тиллоттама вздрогнула, испуганно приподнялась, чувствуя рядом чье-то тело, потом улыбнулась и тихо легла на прежнее место. Долго-долго девушка смотрела на тяжелую голову любимого, его чистый и твердый профиль, на припухшие губы, приоткрывшиеся в детской обиде, на кончик собственной груди, вдавившийся в твердый мускул Тамралипты. Смотрела, как точно совпадают и сливаются их прильнувшие друг к другу тела... Так просто, так ласково, так близко и радостно... с ним, ставшим роднее всего на свете. Она, обнаженная и исцелованная им. Им, желанным... горькая улыбка опустила приподнятые уголки губ девушки, она резко дернулась, и художник проснулся.

* * *

Они сидели на прибрежном песке, глядя то в глаза друг другу, то в бесконечную синеву моря. Рассветные сумерки освещали Тиллоттаму холодным, бесцветным светом, и она казалась статуей из темного металла. Только звезды — глаза — жили под четкими бровями своей задумчивой жизнью. Они сияли любовью, глубокая даль чувствовалась в их блеске — так же звезды неба отличаются от всех других огоньков тем, что светят из бездонных глубин пространства. По мере того как небосвод наливался пламенем восходящего солнца, кожа Тиллоттамы светлела, отливая то полированной бронзой, то ожившей горячей медью...

— Милый, ты думаешь, что наш путь Тантры не был удачен, — тихо говорила девушка, — нет, я прошла много... Разве ты не чувствуешь, как мы приблизились друг к другу? — Тамралипта молча кивнул, и Тиллоттама продолжила: — Я теперь поняла смысл любви настоящей, долгой, на всю жизнь. Она в том, чтобы ожидать амритмайи, упоительно-

го, от каждой минуты, когда мы вместе. И оно приходит, созданное нами обоими. Ты говоришь в моем теле и в моей душе. Я хочу тоже говорить в тебе, и желание делается неисчерпаемым, потому что оттенки чувств бесчисленны и становятся ярче и сильнее от любви. Я не умею сказать об этом, как надо, но я так чувствую. Разве это плохо, милый?

— Нет, это так, Тама, и я хорошо понимаю тебя...

— Тогда отчего ты печален, любимый? Я ведь вижу.

— Я и в самом деле полон печали,— подумав, ответил художник,— и этому много причин, но две мне кажутся главными. Вернее, одна происходит от другой...

Первая причина — печаль мне навевает твоя красота, и это хорошая причина. Все люди чувствуют печаль, встречая прекрасное, особенно мы, мужчины, с пылками, нетерпеливыми и жадными сердцами. Красота в образе женщины, самая доходчивая для всех нас, рождает печаль, ощущение утраты, рока, тяготеющего над ней.

Это отзвук общечеловеческой тоски и трагедии — только при встрече с прекрасным мы отдаем себе отчет, как ускользает все виденное, познанное, встреченное и созданное нами в быстром полете времени, над которым нет власти! Как песок между пальцев, все это уходит навсегда из маленькой короткой индивидуальной жизни, пролетают чудесные мгновения, проходит красота... А в жизни так мало этой красоты...

Тамралипта замолчал. Тиллоттама сидела, нагнувшись вперед и боясь пошевелиться, чтобы не нарушить мыслей любимого.

— От сознания, что все уходит и ускользает навсегда, рождается сильное желание абсолютного и самого полного — оно-то и есть мать моих демонов. Знаешь, любимая,— я могу тебя так называть, несмотря ни на что,— самым мучительным для меня является сознание моей равноценности с теми, кто владел тобою раньше и кого я презираю.

Я твой — душа до дна открыта тебе, и ты вся есть чудесный храм моей любви,— но... в твоей душе сохранились уголки прошлого, навсегда закрытые для меня. Это так больно и печально.

— Почему закрытые, милый? Я ничего никогда не скрывала и не скрываю от тебя!

— Потому что я сам не осмеливаюсь туда заглядывать — в них я увижу, как другой целовал тебя, крепко сжимал твои груди, наслаждался ответом твоего тела...

Тиллоттама хотела что-то сказать, но удержалась и беспомощно уронила руки на песок.

— И еще — скажу только то, что особенно не дает мне покоя, и не буду больше тебя мучить. Для меня священен и радостен каждый проведенный вместе час... Огромная нежность, благодарность и восхищение перед тобой наполняют меня. А негодяй-жрец или тот, кого я не знаю, но он тоже оказался низким человеком, оба могут всегда сказать: «А, Тиллоттама, знаем ее, она отдавалась мне, тянулась ко мне,

обнимала своими стройными ногами...» И это будет правда! Они всегда будут иметь право смотреть на тебя похотливым взором, издеваясь над твоей страстью и любовью ко мне сквозь призму пошлых чувств, опуская нас до самих себя! Разве это не оскорбительно для нашей любви, для меня, нашедшего в тебе высушу...

Рыдания Тиллоттамы заставили Тамралипту замолчать. Художник встал на колени перед спрятавшей лицо в ладони девушкой, чтобы утешить ее, сказать, что, несмотря на все мучения, его любовь сильнее всего! И сам, больно раненный собственными словами, замолчал и не произнес ни слова, пока Тиллоттама не поднялась и не предложила идти домой. И так глух и безжизнен был ее голос, минуту назад такой звонкий, что острая, как сильная боль, жалость пронизала его. Не обычная жалость сильного к слабому или зависимому — нет, другая, жалость безмерно печальная, что возникает из понимания обреченности.

— Я не могу просить о прощении, Тиллоттама,— сурово произнес художник,— я хотел, чтобы ты знала все, что лежит между нами. Но не так, не этими словами надо было говорить теперь, когда прошла первая ночь Шораши-Пуджа, сблизившая нас. Я выпустил их всех, самых жестоких демонов из глубины души, и ты понимаешь меня до конца. Посмотри же на меня, родная. Мне грустно, мне больно — это так! Но крепнет чувство необходимости тебя! Ты есть — я вижу, слышу, чувствую тебя,— и нет такой завесы, которая могла бы заслонить спрятать, унести тебя из моей жизни! Как только я вновь и вновь осознаю и чувствую это, тут же растет моя сила и уверенность в себе как в художнике. Через искусство я приду к тебе навсегда!..

— Я не понимаю, почему через искусство? — спросила Тиллоттама.

— Все двойственно в мире Майя — так учил меня гуру. Я отдаляюсь от тебя потому, что я художник. Сила низшей души, вооруженная зрением художника, яро требует невозможного, абсолютного для утоления страшного эгоизма, замкнувшегося на преувеличенном желании и мелкой удовлетворенности. В этот момент я остаюсь художником в нижней душе, как показывал мне бхагаван на башне монастыря. Но верхняя душа, чаша логоса, мучимая неутолимыми желаниями, раздираемая противоречиями, не может подняться до соединения собранного прекрасного в большую идею искусства. И я перестаю быть художником для мира, перестаю творить. Ведь искусство — как говорил учитель,— это наименее эгоистичная форма счастья в мире Майя. Поэтому, пока я остаюсь в страшном эгоизме своей любви, я ничего не создам. Но когда я буду творить с тобой Парамрати, Несравненную Красоту, то стану сначала создавать ее внутри себя — подойду к тебе близко-близко всеми силами ума и сердца... Но довольно об этом, мани рамани! И вообще довольно мыслей и слов! Поручим себя матери-Природе!

Тамралипта подхватил девушку на руки и торжественно понес к морю, к шумящим теплым волнам. И в размеренном раскате набегающих валов

он, ступив по щиколотки в пенные всплески, вдруг услышал голос учителя. Одно только слово: «Помни!»

Тамралипта застыл с Тиллоттамой на руках. Мгновенно пронеслись перед внутренним взором тихие, светоносные вершины Гималаев, вознесенный к звездам монастырь, мудрые, ясные глаза старого йога. Пронеслись и отозвались радостной надеждой — он не одинок в борьбе за Красу Ненаглядную, за настоящую любовь, за счастье Тиллоттамы. Только не сдаваться, только не отталкивать и не мучить любимую!

«Помни!» — что хотел сказать ему учитель? Предупредить, что на его пути Тантр слишком пенится чаша страсти? Нет, учитель знал его и сам говорил, что так будет... Значит, еще рано, он нетерпелив!

Тяжесть сомнений свалилась с души Тамралипты. С его глаз словно сняли очки, окрашивающие все в недобрый багровый цвет. И Тиллоттама на руках стала для него девочкой, ждавшей его мудрого слова, доверчиво протянув ему руку, чтобы он, как учитель, повел ее в жизнь.

А он... Стыд резанул художника где-то в потаенной глубине, но он подавил неприятное чувство и бросил Тиллоттаму в море. Девушка вскрикнула от неожиданности, падая в шумные волны, но Тамралипта успел подхватить ее у самой воды.

Они боролись с волнами, пока уставшая Тиллоттама не взмолилась о пощаде и тогда была отнесена мокрой жемчужиной в дом.

Прошло несколько дней. Тамралипта и Тиллоттама проводили дни на берегу, потом художник нес девушку домой, покрывая поцелуями ее лицо. Рассказывал ей легенды, сказания, мистические поэмы, певучие стихи — вообще вел себя так, как старший брат с еще не вполне взрослой сестрой.

Тиллоттаме было хорошо в эти дни, лишь вечерами накатывала непонятная тревога, мучили беспокойные сны, иногда она погружалась в тоскливые предраусветные часы в долгие раздумья. Но Тамралипта больше не упоминал ни о своей любви, ни о Тантре. Лишь иногда девушка ловила его пристальный, напряженный и бесстрастный взгляд, в упор устремленный на нее. Она не могла понять значения этого упорного раздумья и тревожилась, думая, что любимый опять терзается демонами ревности, но молчала.

Внезапно, в одно из таких мгновений, художник сказал: «Пришло время!»

— Пришло время для тебя, звезда моя — тебе будет трудно... Хотя это должно быть радостно — служить всему нашему народу, всей Индии, победить безграничную и роковую власть времени...

Тиллоттама поняла, огромные глаза ее засияли.

— Милый, я давно жду тебя. Владей мною, как глиной, покорной твоим искусным пальцам!..

Дом на берегу превратился в убежище двух отшельников — Тамралипта и Тиллоттама проводили в мастерской целые дни, а нередко и ночи.

Большая комната стала храмом труда и творчества, в котором безраздельно властвовал художник, требовательный, нетерпеливый, ушедший в себя.

Теперь, когда ему стало ясно, что надо выразить в статуе Сундарты Анаупамы, когда он выносил, выстрадал этот образ, он понял нечеловеческую трудность выполнения задачи.

Образ женщины, пронизанный древней силой страсти, здоровья и материнства, звериной гибкостью и подвижностью, сочетавшийся с высшей одухотворенностью человека. Как прав был бхагаван Дхритараштра, говоря о великом противоречии животного тела и человеческой души!

Предстояло до предела отточить животное совершенство, наполнив еще более совершенным и сильным огнем мысли, чувства и воли, внимания и доброты, заботы и ласки — всем, чем живет душа человека — женская душа. Это было не проще, чем идти над пропастью по лезвию меча! Ничего, ни единой капли нельзя было утратить из драгоценного совершенства животного, но и ни капли лишней! Нельзя было применить столь выручающее художника усиление, подчеркивание формы для выражения ее силы — только строго в той же мере, в какой ему удастся выразить другую сторону — духовную. Сочетать эти две противоречивые стороны на языке форм и линий, обозначающиеся противоположными чертами...

Если победит животная сторона — неудача. Каждый прочтет в его образе Парамрати призыв к яркому и красивому чувству, но тянущему человека вниз, в пропасть духовного ничтожества. И если увидят, наоборот, в его статуе подавивший природу разум — неудача еще худшая, ибо поставленная им себе цель состоит в том, чтобы сохранить в образе носительницы прекрасной души всю высшую, гармоническую и совершенную целесообразность природы. Боги, как это выполнить?

Тамралипта не подозревал, что поставил себе ту же цель, что и художник древней Эллады — создать Каллокагатию, единство прекрасной души и дивного тела, — что эта цель рождалась в творческом прозрении не раз в истории человечества в разных странах, как только люди начинали понимать силу и красоту своей животной природы, озаренной каждой познания...

Поза статуи была задумана Тамралиптой уже давно. Однажды он увидел Тиллоттаму коленапреклоненной на прибрежном песке — девушка искала красивые раковинки. Одно колено стояло на земле, другая нога опиралась на пальцы. Тиллоттама придерживала развевающиеся на ветру волосы заброшенной за затылок левой рукой, а правая, прямая, с расставленными пальцами была погружена в песок. Художник окликнул ее — девушка повернула к нему задумчивое лицо с широко раскрытыми огромными глазами, сосредоточенная в каких-то своих мыслях. Через мгновение лицо Тиллоттамы осветилось ее особенной, несказанно милой

и приветливой улыбкой. Она поднялась на кончики пальцев, упруго распрямив стройное тело. В этот момент художник и увидел свою Парамрати-Тиллоттаму, чуть изогнувшуюся с откинутыми назад плечами и продолжавшую удерживать волосы у затылка. Правая рука, по-прежнему вытянутая, отклонилась в сторону в каком-то отстраняющем жесте, плотно сомкнутые ноги напряглись и выпрямились... Момент порывистого и легкого изгиба тела, как бы взметнувшегося вверх, совпал с мгновенным пробуждением задумчивого, почти печального лица, озаренного приветом и радостью. Единственную секунду перехода от одного к другому в теле и в душе сумел уловить и запомнить художник — лучшей позы для статуи нельзя было найти и за тысячу лет!

Эта внешняя форма чудесно совпала с главной, внутренней идеей Тамралипты — создать образ проснувшейся души, потянувшейся к звездам в слитном единении всех чувств юного тела. Благодаря ниспосланной богами находке Тамралипте очень скоро удалось выполнить черновой эскиз статуи.

Но между удачей общего плана скульптуры и ее окончательным завершением лежала огромная пропасть. Тысячи мелких, но важных деталей, вопросов, недоумений и загадок стали на пути художника. И не только художника, но и его модели — любимой. Вместе с ним она решала загадки, преодолевала затруднения иногда такими путями интуиции тела и чувства, которые были недоступны Тамралипте. Поняв, что он хочет выразить в той или иной линии ее тела, Тиллоттама долгие часы танцевала или застывала в неподвижности, переходя из одного совпадения ритма и чувства к другому, пока не находилось наиболее соответствующее, верное. Никогда еще художник не имел дела с подобной моделью, и эта сверхъестественная чуткость тела и души Тиллоттамы, ее удивительное понимание того, что он не мог выразить словами, были залогом успеха.

Тамралипту окрыляла помощь Тиллоттамы, он чувствовал небывалую силу воображения и зоркость ума. В тысячный раз он благословлял судьбу, пославшую ему девушку, в которой так изумительно сочеталось физическое выражение его идеи красоты, чудесная близость к его собственной душе и чистая, сильная любовь к нему, обыкновенному человеку, каких тысячи в Индии, безбрежном океане человеческих душ.

Тиллоттама увлеклась созданием статуи, как и он сам. Много раз она засыпала тут же, в мастерской, после многочасовой работы. Не раз, когда художник, огорченный очередной неудачей, рано бросал работу, Тиллоттама будила его, внезапно поняв сущность затруднения. Или же Тамралипта врывался к девушке, свернувшейся в клубочек в своей постели в детски мирном сне, с ладонью под щекой, будил ее, торопя, пока не исчезла едва наметившаяся, ухваченная за какой-то краешек загадка. Тогда они работали всю ночь напролет, торопясь запечатлеть в форме только что родившееся понимание. Тамралипта создавал

и дополнял то, что привиделось ему в образе Парамрати, но еще не проявилось в теле Тиллоттамы, хотя и вычеканенном, доведенном до совершенства страстью и танцами.

И девушка с растущим радостным пониманием смотрела на все более оформляющуюся статую.

Это была она и не она — Тамралипта вещим чутьем соединил в ее теле светлое совершенство одухотворенной плоти с сильными и резкими линиями красивого животного, подчеркнул первые, смягчил вторые. Он понял и то, что еще должно измениться в ее теле, когда... когда она будет совсем его, когда пройдет сквозь пламень страсти влюбленного в красоту Тамралипты. Нет! Нельзя думать об этом, нельзя так много требовать от судьбы... все может случиться! Тамралипта измучен, исхудал, почти не ест, не спит, весь горит опасным пламенем вдохновенного творчества, которое иногда переходит в экстаз, подобный тому, какого достигают садху...

В тревоге за Тамралипту девушка забыла про свою собственную усталость. Она пыталась убедить художника передохнуть, остановить работу на несколько дней, но вызвала лишь взрыв раздражения и несколько новых ночей работы! И статуя была закончена — еще в сырой красной глине. Тиллоттама чувствовала, что художник отдал все, что мог взять от своей души, своей любви, своего вещего сердца и искусных рук. Но странно — девушка не испытывала безумного восторга. Столько дней она мечтала, как когда-то встанет перед законченным образом Парамрати, и это время пришло!

Статуя была великолепная, просто чудесна, но вызвала у нее не те чувства, которые она ожидала от долгожданного осуществления мечты. Тиллоттама старалась скрыть свое огорчение от любимого. Она еще не понимала, что, посвятив себя тонким подробностям, она утратила ощущение цельности, которое придет позже. Но и Тамралипта был недоволен — часами он простаивал перед статуей и, сравнивая с девушкой, поправлял мелкие, почти незаметные детали. Он тревожился и бессознательно откладывал окончание статуи. Он страшился сказать «конец», словно сознаться в своей неудаче, сознаться, что больше нет сил творить, означало крах его творческого кредо.

Это мгновение все же наступило.

Художник искал долго, прощупывая глазами и руками каждую линию созданного им образа, оценивая каждую морщинку лица из сырой глины.

Тиллоттама следила за ним, затаив дыхание, не смея вмешиваться. Жесткая тревога отразилась на лице художника. Он отступил назад, глубоко вздохнул и сказал «ант»!¹

— Я больше ничего не могу, я вижу множество ошибок. Нет, не вышло так, как я хотел, мечтал, задумывал. Пусть, все равно... —

¹ Конец

С этими словами он шагнул к возвышению, на котором сидела Тиллоттама. Девушка вскочила, протянула ему руки. И увидела, как осветившиеся облегчением глаза любимого потухли, тревожное недоумение исказило его черты. Не сказав ни слова, Тамралипта без чувств рухнул к ногам Тиллоттамы...

Медленно потекли дни суровой, резко изменившейся жизни. Врачи определили сильнейшее нервное истощение. Тамралипту поместили в больницу, погрузили в искусственный сон — художнику предстояло целый месяц в ленивой дреме восстанавливать свои силы.

Тиллоттама осталась хозяйкой дома и мастерской. На нее легла забота о сохранении законченной скульптуры. Глина быстро высыхала. На оплату больницы ушли последние деньги — больше их взять было неоткуда.

Застенчивая затворница храма, еще так мало соприкасавшаяся с внешним миром, осталась единственной, кто мог спасти творение художника. Тамралипта никогда не узнал, как долго Тиллоттама ходила по влиятельным и богатым людям соседнего города, получая надменные отказы, выслушивая оскорбительные предложения. Наконец она послала телеграмму своему единственному знакомому, другу художника, инженеру Кришнамурти.

Тот приехал и только подтвердил то, что уже было давно решено Тиллоттамой — скульптуру надо поскорее отлить в гипсе, чтобы сохранить до выздоровления Тамралипты. Денег для этой работы не было и у Кришнамурти. Друг художника, преследуемый за политическую работу, едва сводил концы с концами. Успокоившись за судьбу Тамралипты, он уехал назад в Дели, чтобы организовать сбор денег среди товарищей-единомышленников, по большей части простых рабочих. Дни шли. Все новые и новые трещины, пока еще тонкие, возникали на тщательно отглаженной глине статуи. Тиллоттама только что вернулась из поездки к другу губернатора провинции, английскому промышленнику, прослывшему любителем искусства.

Против ожидания ее встретили любезно. Англичанин был готов оказать немедленное содействие и деньгами, и транспортировкой в мастерскую в столицу Коломбо. Но — это «но» оказалось хуже любого отказа — он требовал, чтобы после отливки статуи последняя была передана ему в полную собственность...

Тиллоттама знала, что Тамралипта никогда не согласится отдать кому-либо, тем более иностранцу, свое творение, посвященное им Бхарат-Мата, матери Индии, ее народу.

Усталая и беспомощная девушка опустилась на колени на циновку в мастерской — опустевшей, безжизненной и унылой, затененной плотными ставнями.

Сколько часов, дней и ночей, тревожных и пленительных, трудных и радостных, прошло здесь вместе с Тамралиптой — их оживлял огонь

его творческого порыва и ее беззаветная любовь к художнику. Сейчас он в больнице, спит без тревог и опасений за будущее...

А она здесь, слабая, одинокая... И во всем огромном мире среди миллионов людей нет никого, к кому она могла бы легко, открыто и просто прийти с просьбой о помощи.

Где великий учитель Тамралипты, о котором так много рассказывал ей любимый? Если бы йог знал, он, наверное... Единственный слуга, оставшийся в доме, он же садовник и сторож, осторожно приотворил дверь мастерской.

— Там тебя спрашивают, госпожа,— тихо сказал он, взглядываясь в сумрак комнаты.

Девушка быстро встала.

— Кто?

Не знаю. Какой-то амир, чиновник из города, госпожа. Он говорит, что дело спешное и касается денег.

Сердце Тиллоттамы заколотилось, она поспешно выбежала на веранду, как девчонка, едва не наткнувшись на худого человека в очках, наглухо застегнутого в узкий китель. Девушка смутилась и потупилась, не говоря ни слова.

На сухом лице гостя возникла слабая улыбка. Представившись служащим банка, он объяснил, что в банк поступила крупная сумма на имя художника Дхумара Тамралипты, а если он окажется больным — так прямо и сказано в телеграмме,— то деньги следует вручить Тиллоттаме, его жене. Отправитель не пожелал сообщить свое имя. Чиновник не знал места, откуда был сделан перевод. По его мнению, оно находилось где-то в северной Индии. Он предложил девушке немедленно поехать с ним в управление банка.

К вечеру того же дня в далекий Дели прибыла телеграмма вместе с денежным переводом для оплаты самолета, и удивленный Кришнамурти опять метался, устраивая себе отпуск.

Тягучие дни ожидания, одиночества и тревог теперь понеслись стремительной чередой. Надо было спешно перевезти статую в Коломбо в тяжелом ящике, заполненном сырой ватой, найти лучших мастеров, достать бронзу, ибо теперь ничто не мешало отлить творение Тамралипты навек в сверкающем светлом металле, о котором он столько мечтал.

В тот самый час, когда еще слабый, но радостный и веселый художник покидал больницу, мастера осторожно сбивали окалину с Парамрати.

И руки художника скоро возобновили работу, теперь вооруженные не лопаточками и палочками, а зубилом и тяжелым молотком. Под непрерывный и певучий звон металла Тамралипта исправлял недочеты отливки, выглаживал шероховатости, создавая гладкую, подобную блестящей коже Тиллоттамы, поверхность металла...

* * *

В небольших залах художественной выставки было немногочисленно, но тупик бокового прохода постоянно заполнялся все новыми и новыми посетителям. Здесь стоял тот приглушенный гул, которым зрители всегда отмечают ощущение подлинного искусства — чаще непонятого до конца, но вызывающего недоуменное удивление и радость встречи с чем-то необычным.

* * *

Бронзовая Парамрати на высоком цоколе открывала устремленным на нее глазам все линии своего полированного тела. Скромная надпись: «Т. Дхумар. Апсара», серый холст, обтягивающий дерево возвышения, неуютный пустой угол, уныло выкрашенные стены... и все! Годы исканий, упорные мечты, страдания, беззаветный порыв нещадного труда... Взволнованная до трепета, испуганная Тиллоттама укрывалась за портьерой на служебной лестнице, наблюдая в просвет все, что творилось около создания Тамралипты. Словно в тумане, Тиллоттама с восторгом и ужасом чувствовала, что это она, совершенно обнаженная, стоит здесь перед толпой. Резкие голоса художественных ценителей больно ударили по ее напряженным нервам. Критические замечания, которые доходили до ее сознания, воспринимались девушкой как оскорбление ее любимого, как позорание общей заветной мечты.

— Васноттэджак — эротическое понимание образа женщины,— раздался громкий голос слева,— возвращение к древнему примитиву...

— Некрасивое тело,— заговорила тощая женщина,— смотрите, какие бедра! Неестественно тонкая талия — такой не бывает в действительности!

— Грудь чересчур круглые...

— Непонятно, что хотел сказать художник... что-то есть такое... э... динамическое...

— Вообще нет, просто стилизовано под древность, нет, не нравится!

— Согласен. Несозвучно с современностью! Образ женщины — подруги и товарища — теперь не может быть таким!

— Слишком много животной силы...

Тиллоттама отшатнулась, зажав уши. Ей хотелось выбежать, прикрыть собой статую, закричать — неправда, неправда, разве вы не видите?!

Теплая и нежная рука художника сжала ее локоть. Тамралипта подошел неслышно и тоже слышал, что говорят о статуе.

— Милый, о чем они?..— слезы обиды задрожали в голосе девушки. Тамралипта широко улыбнулся, полный безграничной уверенности.

— Если благодаря разуму человек сумел превратить простое влечение животного в священный огонь любви, то неизбежна и следующая ступень восхождения. Непонятная и мучительная похоть тела станет сознательным царственным наслаждением и поклонением красоте. Часы и дни бытия станут безмерно богаче тысячами чарующих проявлений красоты в образе любимых, в изгибах тела, взмахе ресниц, блеске глаз. И сама страсть, пришедшая через прекрасное, делается великим даром природы, возвышающим душу, обостряющим чувства. А потому не надо бояться этих,— художник презрительно махнул в сторону кучки людей у статуи,— кто бы они ни были, их мнимое знание — это позорная слепота прошлого, рожденная в застенках душевной и тесной жизни. Жизни, рабски склонившейся перед трудами и опасностью познания...

— Посмотри! — взяв Тиллоттаму за руку, он вывел ее в нишу прохода. Облачная мгла освободила солнце, его лучи проникли через верхние окна, расплылись на потолке и стенах, заиграли крохотными бликами на блестящем металле. Как будто Валахильи¹, гномы солнца, спустились с небес и забегали по статуе, сверкая и забавляясь. И под их веселым огнем стала явью волшебная тонкость работы художника — живые линии заструились вокруг тела небесной подруги смертных героев, апсары.

Юная женщина изогнулась в смелом порыве, придерживая на затылке тяжелые косы и отстраняясь другой рукой от земли. Сильными пружинами выпрямились круглые колени, поднимая драгоценную амфору широких бедер. Выше этого средоточия женской силы тонкий торс отклонялся назад, подставляя небу высоко поднятые чаши круглых грудей с обращенными к солнцу сосками. И еще одной ступенью стремления вверх была длинная сильная шея, державшая гордую голову. Лицо, озаренное добротой и любовью, хранило в очертаниях глаз, губ и бровей мечтательную печаль раздумья.

Нет, тысячу раз нет! Что бы ни говорили так называемые мудрые стражи искусства, это — прекрасно, это — сама красота, это — настоящее!

— Тама,— шептал художник, сжимая руку девушки,— не бойся их. Гуру учил меня, если в душе человека нет того, что горит в тебе, влечет и тревожит, то бесполезно говорить ему об этом. Он не поймет, как бы ни старались объяснить, потому что все слова и понятия падают в пустоту — в тот провал души, в котором нет ничего. С ним ничего не сделаешь до следующих воплощений — надо говорить с теми, в ком есть отклик. Подумай, тысячи лет прошли, а они ничего не прибавили к древнему пониманию красоты и страсти, не осветили эти тайные глубины души огнем знания. Больше того, они стыдливо отшатнулись в опасении греха, а когда искусство дарит нам все оттенки чувствований, их пустые души

¹ Мудрецы-пигмеи, ростом с большой палец, числом 60 000, сопровождают колесницу Солнца, питааясь его лучами.

отвергают правду, поскольку воспитаны в грубом непонимании законов Страсти и Красоты. Не бойся их, родная, это ложные ученые, жалкие людишки!

Гордая уверенность Тамралипты передалась Тиллоттаме. Девушка преодолела застенчивость и огляделась. Недовольные, брюзгливые лица были только вблизи, у самой статуи. Десятки людей — мужчин и женщин — молча стояли поодаль, не сводя задумчивых взглядов с Апсары. По их глазам Тиллоттама увидела, что статуя настоящая. Для многих она казалась мечтой, настоящей возлюбленной, несовершенной, как все на Земле. Но в озарении огня мечты и любви приобретает совершенство. Осуществленной сказкой становится и скульптура Тамралипты, и то, что несет в своем сердце каждая горячая и чистая душа. Апсара... — апсара Тиллоттама из древней Махабхараты! — она же живая Тиллоттама, она же желанная подруга, которую ожидает вот тот юноша, мечту о которой лелеет вот тот высокий с хищным лицом, в синем тюрбане! И...

Восторженные возгласы заставили девушку очнуться. Ее и художника увидели, безошибочно узнали модель. Приветственные крики, шумные рукоплескания... Покраснев до слез, Тиллоттама обратилась в бегство.

* * *

Свет низко опустившейся луны врывается в жаркую темноту сквозь маленькое, настежь распахнутое окошко. В небольшом саду сонно шелестят жесткие лепестки акаций.

Домик, занимаемый Тамралиптой в старом Дели, был до смешного мал. Низенькое строение с широкой застекленной верандой, в которую выходили двери двух маленьких комнат по окошку в каждой.

Во дворе длинный сарай — мастерская с комнатой, где жила старая чета слугителей. Низенький забор, калитка, цементные ступени... Под деревьями близ кухни — загороженная цинковками кабинка для душа.. Все это до крайности скромное и бедное нравилось Тиллоттаме — что-то уютное, древне-патриархальное было в доме, притаившемся на окраине большого сада между поросшим колючками пустырем и пыльной оживленной улицей.

Стукнула калитка с тугой пружиной — Тамралипта! Девушка выбежала навстречу художнику и, подхваченная сильными руками, была внесена в дом. Они застыли друг против друга на веранде, освещенной яркой луной.

— Все хорошо, все... любимая! — радостно заговорил художник. — Знаешь, как назвал нашу апсару Кришнамурти? «Цветок на заре», а тот, помнишь, в синем тюрбане, сказал: «Нет, зря на цветке!»

— Милый. Верно и то и другое. Тело апсары действительно цветок на заре, но душа ее — заря на цветке. Значит, правильно так и так.

Тамралипта поразился верному чутью девушки, привлек ее к себе, обнял с нежной благодарностью.

Тиллоттама закрыла глаза и прильнула к художнику. Ее тело, крепкое и горячее, обжигало сквозь тонкую материю, обнаженные руки легли на плечи Тамралипты.

Бессознательно, по уже ставшей законом необходимости отстраняться, Тамралипта отшатнулся. Руки девушки бессильно упали вдоль тела, глаза широко раскрылись, прерывистое дыхание замерло. Несколько секунд она стояла молча, потом медленно повернулась и пошла в свою комнату. Тихо закрылась дверь, и художник остался один на пустой веранде с тоскливой болью в сердце.

Тихий сад, замолкшая улица... тиха и радостна его душа, свершившая свой подвиг служения народу. Служение принято, он отдал людям лучшую часть себя и теперь может идти дальше, решая новые задачи, преодолевая мучительные препятствия, кажущуюся невозможность... Но Тиллоттама?! Вечный вопрос — можно или нельзя побороть себя? К Тиллоттаме или прочь от нее? Тиха и радостна была его душа, а теперь...

Тамралипта молча спустился в сад, неслышно ступая по мягкой пыли дорожки. Прохлада подбодрила его и дала понять, как велика была усталость этого знаменательного дня... Дня испытания его «Апсары», проверки всего избранного его душой и исполненного его руками и... его Тиллоттамой... Его?

С этим вопросом Тамралипта словно очнулся. Широко раскрыв глаза, он поднял лицо к звездам зенита, блеска которых не могла угасить склоняющаяся к горизонту луна.

Лицо художника будто овевало дыхание безбрежного и безвременного океана вечности. И Тамралипта, осененный божественным прозрением, вдруг понял, что в этой глубине и безмерной дали и есть истинно радостное и доброе, чистое и ласковое, любовь и знание...

Все остальное не уходит вперед, не продолжается в вечности, а осаждается в лоне мутной жизни, как в полных тлена, тихих заливах моря. Тысячи тысяч лет океан слепой бессмысленной жизни плещется, омывая лицо Земли и бог знает скольких еще миров. Сотни тысяч лет существования людей продолжалось немое кипение страстей и низких мыслей, без возврата назад, без восхождения ввысь и вперед... Так и шли — не связанные ни с чем прошлым, ничего не представляя в будущем, исчезая с порывом ветерка в настоящем. А он, понявший великий смысл связи прошлого с будущим, ощутивший радость бескорыстного служения людям, не может совладать с остатками тьмы в собственной душе. Значит, он не способен идти дальше, не имеет права звать за собой других и... Тиллоттаму.

— Это — заря, несомненная заря, но в ней еще много тьмы,— так охарактеризовал статую Парамрати один мудрый человек из Калькутты. Верно, много тьмы и в Тиллоттаме, и в нем самом... древний образ прекрасного неизбежно сливается с Тьмой в природе, в ее женском воплощении.

И тьму победить невозможно, иначе как, пройдя сквозь нее — как прошел он Мрак Безмолвия в каменном подземелье...

Тамралипта босиком возвратился на веранду, тихо, не зажигая света, вошел в свою комнату и остановился в душноватом мраке — окно было плотно прикрыто ставней. Из комнаты Тиллоттамы не доносилось ни звука. Художник прислушался — едва-едва легкое движение — девушка не спала.

И внезапно душа художника стала твердой и ясной, до краев наполнившись беззаветной любовью, горячим желанием. Не осталось ни тени сомнений, колебаний, неверия в себя...

Тамралипта осторожно открыл дверь в комнату Тиллоттамы, увидел снопы лунных лучей, падавших из окна на пол, неясные очертания лежавшей на кровати девушки.

— Тама,— окликнул ее чуть слышно художник,— я пришел... — От волнения слова отказывались повиноваться ему. Тамралипта застыл у порога с чувством священного часа своей жизни.

Девушка не отозвалась — ни слова, ни движения. Тихо, с тревожной нежностью, художник приблизился и опустил на колени перед ложем Тиллоттамы.

— Тамра... — голос девушки оборвался от безмерного удивления, ее руки обхватили голову художника.

Тамралипта в забвении любви, раскаяния и желания осыпал поцелуями ее ноги, бедра, живот. Ладони его скользнули по гладкому телу. Без тяжкого труда — воссоздания, передачи, уловления прекрасного — сама красота, живая и ласковая, стремилась в его руки, вливалась в душу через губы, через все нервы тела, наполняя художника несказанной радостью. Все, разделявшее их, улетело, сплавилось и сгорело в пламени страсти, в котором уцелели только два сердца, стремившиеся стать одним.

Тамралипта никогда не думал, что такой невыразимо чудесной будет эта близость, эта встреча с Несравненной Красотой всем телом, всеми чувствами и мыслями...

Тиллоттама, привыкшая к строгим, отчужденным, оценивающим взглядам художника во время его работы, к холодной замкнутости его души в те мгновения, когда она вся тянулась к нему, вдруг перенеслась в мир, где сбываются грезы.

Губы и руки Тамралипты звали, заставляли расцветать новой красотой, осязаемой и для самой девушки. Еще чище и чеканнее стали все линии ее тела, напряженного и захваченного небывалым порывом страсти. Никогда не думала Тиллоттама, что так хорошо может быть

с любимым, что совсем по-другому зазвучат душа и тело в объятиях влюбленного в красоту художника, пламенея и возвышаясь от его поклонения. И Тиллоттама забылась, отдав всю себя радостной невольницей. Груды, затвердевшие под губами художника, приняли тяжесть его груди, ноги оплели его сильное тело, руки закинулись за голову, открывая любимому всю себя до конца...

После долгой безнадежности, ревности Тамралипты, страданий в неосуществленных стремлениях ее любви невыразимая радость желания потрясла Тиллоттаму до самых глубин души. И вместо вскриков страсти у нее вырвались сдавленные короткие рыдания.

Но Тамралипта понимал состояние Тиллоттамы Он продолжал целовать и ласкать девушку так долго, что рыдания ее стихли. Только иногда в танцах, в моменты наивысшего вдохновения, когда вся она летела навстречу мечтам и восхищение зрителей окрыляло ее еще сильнее, Тиллоттама чувствовала такую чистую радость тела и легкость души...

Сияющие глаза девушки раскрылись широко, вбирая в себя восхищенный взгляд Тамралипты, черные косы разметались в стороны, круглые щеки пылали, припухшие губы шептали невнятные слова любви и благодарности...

Преграда, так долго разделявшая их, казавшаяся крепче железной стены, развеялась пустым дымом, как только слились их тела и разгорелось неистовое пламя любви. «Вот наша Тантра», — думала Тиллоттама, снова и снова отдаваясь художнику с каждым разом все радостнее и беззаветнее. «Неужели мы нарушили наш путь Тантры?» — спрашивал себя художник, любуясь счастливой и утомленной возлюбленной. В рассветной мгле ее тело казалось темным, как железо, огромные и глубокие глаза — сияющими звездами, полоска зубов приоткрытого рта — блестящей жемчужиной. Густые брови оттеняли синеву вокруг глаз, гибкие руки были скрещены под затылком, груди поднялись, а продольная впадинка вдоль тела сильно углубилась.

«Нарушили, и должна прийти расплата», — продолжал размышлять художник, — но отчего так радостно и так легко на душе? Почему хочется снова и снова целовать Тиллоттаму, нежно благодаря ее за счастье?.. Или гуру был неправ, когда предупреждал меня?.. Да нет же! — О, мудрый учитель!»

Тамралипта приподнялся и сел в большом волнении. Художник понял, что путь Тантры для него и Тиллоттамы был не только в обрядах Шораши-Пуджа. Тот обряд лишь открыл друг другу их тела, но не сблизил души, которые сроднились на пути совместного творчества в жизни, в творчестве самой жизни, пронизанной любовью и сдерживаемой страстью, — так цветок ждет своей зари во тьме и молчании ночи.

И теперь им обоим, узнавшим друг друга во всех помыслах, не были страшны терзания демонов нижней души — их близость шла не только через тьму, но и светлomu мосту выше всех мрачных пропастей сердца,

поднимаясь дивным цветком страсти из мрака сильного естества Земли. Первобытная тьма уже не скрывала опасных чудовищ — побежденная, она отдавала свои жаркие силы для высшего торжества любви. Путь Тантры для Тамралипта оказался точным подобием его творческого пути в создании Парамрати. Так и должно было быть! Создать образ, полный высоких стремлений человека, не утерев ничего из прекрасных и могучих источников Природы...

Творить любовь, полную близости и понимания во всех помыслах и порывах души вверх, в небо... Пить совместно жадными губами из чаши древних сил Камы... Да, это так у него, а у Тиллоттамы? Ведь она такая же!.. Что знает он, то как-то сразу понимает, чувствует и она, даже опережая его во многом своим близким к матери-Природе и более чувствительным сознанием, чаще подсознанием древней лемурийки, мудрой, пронизательной, полной темного огня первозданных сил... Боги, как я люблю ее!

Тамралипта склонился над Тиллоттамой и встретил ее сосредоточенный взгляд — вся душа девушки стремилась вырваться из тела через сияющие глаза навстречу любимому. У художника перехватило дыхание, он протянул руки, губы, опять испытал бесконечную радость соприкосновения их туго натянутых, как высоко звучащие струны, тел, необыкновенную силу желания. И это было как огонь, очищающий душу для дальнейшего пути к звездам, наполняющий тело энергией древних героев, сказка о любви апсары и смертного, или древнего бога и девушки, простой дочери индийской земли, стала жизнью в начале зловещего века Агни, в мрачную эпоху Кали-Юга.

Конец

*Чайт — первый месяц весны,
Восемнадцатый день,
Год 1954-й.*